

КОНТАКТНЫЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ МУСАНЦЕВ

ИМПЕРСКИЕ ТАНЦЫ

Annotation

Мир далекого будущего. Мир, в котором Великая Человеческая Империя, объединившая больше сотни планет по всей галактике, встретила с братьями по разуму, а братья оказались врагами. Галактика в преддверии величайшей войны. Флот Чужих уже на подходе, но и внутри Империи – раскол, так что сражаться придется уже на два фронта – с пришельцами и армией изменников.

Граф Морган и барон Клозе, двое самых безбашенных пилотов имперских военно-космических сил, оказываются втянутыми в водоворот событий, каждое из которых способно повлиять на судьбу не только Империи, но и всего человечества.

Но помимо всего этого у них есть проблемы и посерьезнее. Оба они влюбляются в одну и ту же женщину, которая не любит пилотов, и предсказать итог этой истории не может никто...

- [Сергей Мусаниф](#)
 - [Часть первая](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [Часть третья](#)
 - [ГЛАВА 1](#)

- [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Сергей Мусаниф
Имперские танцы

Часть первая
ТАНЕЦ НА БОЛОТЕ

ГЛАВА 1

В последнее время у Юлия было очень странное состояние какой-то непонятной ему самому раздвоенности, и он ничего не мог с этим поделать. Юлий словно разделился на две половинки, и каждая из них хотела своего, причем желания эти были противоположные и друг друга исключающие, так что добиться внутренней гармонии было решительно невозможно.

Юлий даже подумал, что он начинает сходить с ума, и несказанно этому факту обрадовался. Сумасшедшего никто не стал бы держать в пилотах, а потому, как только полковник Ройс узнал бы о его болезни, Юлия бы комиссовали.

Юлию было плевать, если бы его вышибли из армии со столь неутешительным диагнозом, который поставил бы крест на продолжении гражданской карьеры. Юлий не задумывался о дальнем будущем. Он даже о ближайшем будущем не особо задумывался. Он вообще не мог долго думать о чем-нибудь, кроме двух его противоречивых желаний.

Одна половина Юлия категорически не желала умирать. Умирать или быть убитой, что в принципе одно и то же. Но весь мир сплотился, чтобы свести Юлия в могилу. Смерть подстерегала его за каждым углом и не давала спокойно и шагу ступить. Смерть ждала его в боевых вылетах, смерть пряталась на базе, выжидая момент, чтобы наброситься на него из темноты.

Вторая половина Юлия мечтала о суициде. Причем не о каком-то абстрактном мужественном суициде, о возможности бросить свое боевое судно вниз и разбиться о поверхность или погибнуть в героическом таране... Нет. Ему хотелось тупо застрелиться.

Он частенько садился в кресло с бутылкой пива в одной руке и своим табельным пистолетом в другой. Он пил пиво и смотрел в ствол, а оттуда на него глядела смерть.

Однажды он забыл запереть дверь в свою комнату и был застукан за этим занятием лейтенантом Клозе.

Клозе был типичный ариец, умница и смельчак. Подобно Юлию, он являлся многопрофильным пилотом и считался лучшим бомбардиром базы 348-М, так же как Юлий когда-то считался

лучшим ее истребителем.

Клозе пил виски, почему-то все время называя его «шнапсом». Наверное, хотел лишний раз подчеркнуть свое бюргерское происхождение.

– Привет, – сказал Клозе, бухаясь в соседнее кресло. С точки зрения Юлия бутылка виски в руках лейтенанта была наполовину пуста, зато она была наполовину полна с точки зрения Клозе. Недостająca половина бултыхалась в животе Клозе и приятно согревала его изнутри. – Что там?

– Где?

– В стволе, – пояснил Клозе. – Туда таракан заполз или еще что?

– А у нас на базе есть тараканы?

– Не знаю, – сказал Клозе. В свободное от дежурств и боевых вылетов время он всегда был пьян, а потому не обращал внимания на такие мелочи, как быт. – Думал, ты мне об этом расскажешь. Я имею в виду, если бы в твой ствол заполз таракан, мы могли бы сделать вывод, что тараканы у нас на базе есть.

– У меня в стволе нет таракана.

– К сожалению, это еще не значит, что их нет на базе, – мудро сказал Клозе. – А чего ты тогда в ствол пялишься?

– Застрелиться хочу.

– Ты серьезно или кosiшь под психа?

– Я серьезно кошу под психа, – сказал Юлий.

– Тяжелая ситуация, – сказал Клозе. – Это у тебя «офицерский сороковой»?

– Угу, – сказал Юлий, посмотрев маркировку на стволе.

– Категорически не рекомендую стреляться из «офицерского сорокового».

– Почему это?

– После выстрела у тебя будет просто ужасный вид. Мозги наружу, кровь, осколки костей... Брр... Отвратительное зрелище. Если хочешь застрелиться, возьми какой-нибудь лучевик. Он оставляет после себя маленькие, аккуратные дырочки с немного

обожженными краями. Но вид – залюбуешься. Если потом тебе попадется хороший специалист, то ты будешь выглядеть в гробу как живой.

– Хороший совет, – согласился Юлий. – Где я могу взять лучевик?

– В арсенале.

– Точно, – сказал Юлий. – А у тебя нет лучевика?

– Нет. Зачем он мне? Я же не собираюсь стреляться, а больше ни для чего эти штуки не пригодны.

– Логично, – сказал Юлий. – Арсенал сейчас открыт?

– Теоретически арсенал открыт круглосуточно. Там всегда должен быть дежурный сержант.

– Правда? Честно говоря, я еще ни разу не бывал в арсенале.

– Я тоже, – сказал Клозе. – Но у нас тут вроде как военная база, поэтому арсенал просто обязан иметь место быть. Если его нет, то это вопиющее нарушение чьей-нибудь должностной инструкции.

– Логично, – сказал Юлий. – Ну, я пошел.

– Куда?

– Искать арсенал.

– Подожди. А я к тебе зачем приходил?

– Не знаю, – сказал Юлий. – Ты не сказал.

– Я забыл. Но ведь зачем-то я сюда приходил, – задумался Клозе. – А, вспомнил! Мы собрались сыграть в покер. Не желаешь принять участие?

– Кто это «мы»?

– Я, Карсон, Дэрринджер и Малышев.

– Не, я не буду.

– Почему? Ты же хорошо играешь в покер.

– Именно поэтому я и не буду, – сказал Юлий. – Не хочу тратить мой немереный талант с такими слабыми игроками, как вы.

– Понятно, – сказал Клозе. – Я им так всем и передам.

– Так и передай.

– Но если ты передумаешь, то мы собираемся у Карсона.

– Наверное, к этому моменту я уже застрелюсь.

– Ну, как знаешь.

Клозе ушел.

Юлий глотнул пива, посмотрел на «офицерский сороковой» и бросил его на кровать, но не попал, и пистолет рухнул на пол. Юлий не стал его подбирать и глотнул еще пива.

Клозе задел его за живое и указал на важный просчет в его плане. Юлию было совсем не наплевать, как он будет выглядеть в гробу, ибо это относилось к его ближайшему будущему, и выглядеть в гробу плохо Юлию не хотелось.

Его наверняка оденут в парадный офицерский мундир, ведь он умрет, находясь на военной службе. Юлий считал, что ему идет парадный офицерский мундир. А дырка размером с половину головы – не идет.

Юлий допил пиво, вышел из комнаты, притворив за собой дверь, и отправился на поиски арсенала.

Сначала он рассудил, что арсенал должен быть неподалеку от склада ГСМ, и направился туда. Он был пилотом, а потому знал, где находится склад ГСМ. Ему механики рассказывали.

Подойдя к складу, он вспомнил, что вокруг него нет строений в радиусе пятисот метров, согласно общей инструкции по технике безопасности. Зато на складе ГСМ дежурил сержант Пирс, который знал, где находится арсенал, и даже указал Юлию дорогу.

Вежливо поблагодарив сержанта Пирса, Юлий отправился дальше и на полпути вспомнил, что не взял с собой сигарет. Тут же страшно захотелось курить, и Юлий попытался прикинуть, куда ему ближе идти – к себе или в арсенал. К арсеналу выходило ближе, и Юлий пошел туда.

Увидев арсенал, Юлий сначала подумал, что это отдельно стоящий туалет на одну персону и сержант Пирс здорово подшутил над офицером, но, подойдя ближе, он рассмотрел на туалете табличку «Арсенал». Тогда Юлий подумал, что кто-то подшутил и над сержантом Пирсом. По мнению Юлия, арсенал должен выглядеть

более внушительно.

Под табличкой «Арсенал» висела другая табличка, чуть поменьше. На ней было написано: «работает круглосуточно».

Юлий без особой надежды дернул дверь. Дверь открылась, за ней оказалась узкая темная лестница, ведущая вниз.

Так у нас на базе подземный арсенал, догадался Юлий и поперся вниз, чувствуя себя, по меньшей мере, Индианой Джонсом.

Юлий не считал ступеньки, но по внутреннему ощущению выходило, что он скоро достигнет планетарного ядра. Арсенал явно построили с таким расчетом, чтобы он выдержал бомбардировку базы. Это очень разумно, учитывая, что после взрыва того же склада ГСМ, находящегося прямо на поверхности, ни от одного из наземных строений не останется и следа. Зато арсенал будет цел и любой из покойников сможет вооружиться до зубов.

Если у него возникнет такое нетипичное для покойников желание.

Дойдя до конца лестницы, Юлий обнаружил небольшое помещение, разделенное на две части чем-то похожим на барную стойку. Не хватало только высоких табуретов с кожаными сиденьями.

На стойке, свесив ноги на сторону для посетителей, сидел человек. На человеке был значок. На значке было написано: «сержант Дерри».

– Это арсенал? – спросил Юлий.

– Арсенал, – подтвердил сержант Дерри.

– Сигареты есть?

– А их перестали выдавать в столовой?

– Не знаю. – Юлий никогда не курил казенных сигарет, покупая свою любимую марку в небольшом магазинчике на базе, а потому понятия не имел, где берет курево остальной личный состав. – Я не прошу много сигарет, – пояснил он. – Мне нужна только одна.

– Пожалуйста, – сказал сержант Дерри и протянул Юлию начатую пачку. – Зажигалку?

– Да, спасибо.

– Легкое предпочитаете правое или левое?

– Левое, – сказал Юлий. – У меня страсть ко всему левому.

– Оно и видно.

– Вообще-то я – капитан, – сказал Юлий. Он был в штатской одежде – джинсах, футболке и легких парусиновых туфлях на босу ногу, – а потому на нем не было видно никаких знаков различия.

– Извините, сэр. – Сержант Дерри соскочил со стойки и вытянулся во фрунт.

– Ничего, сержант, – сказал Юлий, затягиваясь. Табак был плохой и слишком крепкий, но это лучше, чем ничего.

– Я могу вам еще чем-то помочь, сэр?

– Да, – сказал Юлий. – Мне нужен лучевик.

– Какой именно лучевик, сэр?

– Не знаю. – Юлий и не представлял, что на свете существует много разновидностей лучевиков. – Небольшого калибра, я полагаю.

– Для каких целей вам нужен лучевик сэр?

– А для чего этот допрос?

– Это не допрос, сэр, – сказал сержант Дерри. – Но, выдавая оружие, я должен записать, для каких именно целей оно потребовалось офицеру.

– Логично, – сказал Юлий. – Я хочу застрелиться.

– А ваше табельное оружие для этих целей не подходит, сэр?

– Нет. Я подозреваю, что после его использования у меня будет отвратительный внешний вид. Прическа испорчена, и все такое.

– Мне все ясно, сэр. Полагаю, вам подойдет модель «Вессон энд Вессон» сорок девятого года.

– Очень может быть.

– У луча, испускаемого этой моделью, самый маленький диаметр. Полагаю, если вы направите луч себе в висок, прическу вы не испортите.

– Это просто идеально.

– Но вам придется подождать, пока я схожу за ним в хранилище. Видите ли, сэр, эта штукавина хранится довольно далеко, потому что не пользуется большим спросом в военное время. Да и в мирное время тоже не пользуется.

– Нет возражений, – сказал Юлий. – Как долго вы будете отсутствовать?

– От десяти до пятнадцати минут, сэр.

– Это приемлемо. Я могу подождать двадцать минут, если вы оставите мне еще одну сигарету.

– Никаких проблем, сэр.

Сержанта Дерри не было гораздо дольше двадцати минут. Юлий выкурил вторую сигарету, и ему стало скучно.

Наряд МР[1], явившийся в помещение арсенала вместо сержанта Дерри с обещанным лучевиком, здорово его развеселил.

ГЛАВА 2

Полковник Ройс был высоким, смуглым и крепким человеком и всегда казался Юлию вырезанным из цельного куска дуба. Ему было лет шестьдесят, и на его военной карьере можно было смело поставить крест. Генеральские погоны ему явно не светили – мешало плебейское происхождение и полное отсутствие тактического таланта.

Полковник тоже понимал, что он достиг своего потолка, но не оставлял надежды продвинуться и с подчиненными вел себя как родной отец. Ему казалось, что именно так должен вести себя настоящий боевой генерал.

Юлия он все время называл сынком. Юлия это раздражало, но, поскольку полковник Ройс командовал всей базой, жаловаться на него было некому и приходилось терпеть.

К полковнику Юлия привели утром все те же недружелюбные типы из МР.

Полковник был хмур, неулыбчив, глушил черный кофе и курил сигару.

– Я бы тоже не отказался от кофе, – сказал Юлий.

Полковник кивнул, пригласил Юлию присаживаться в кресло и дождался, пока его адъютант принесет Юлию кофе. Кофе адъютант варить не умел.

Юлий стрельнул у него сигарету, поскольку не выносил сигар полковника Ройса, закурил и сделал глоток кофе.

Полковник наставил на него горящий кончик сигары, как пистолет, и начал задушевную беседу:

– Что происходит, сынок?

– Вы о чем, сэр?

– Я о той сцене, которую ты вчера устроил в арсенале. Ты был пьян?

– Не знаю.

– Как это понимать – «не знаю»?

– Я выпил пива, но, с моей точки зрения, я пьян не был. Однако я не могу объективно судить о своем состоянии, и вы можете не согласиться с тем, что я не был пьян. А поэтому – не знаю.

– Если ты не был пьян, то что за чушь ты нес?

– Простите, сэр, а что именно вам рассказали? – спросил Юлий. Признаваться во всем подряд он не собирался.

Однажды, еще в училище, он ответил на один такой вопрос, не уточнив, о чем именно идет речь. И трое суток светившего ему ареста как по волшебству превратились в десять. С тех пор Юлий предпочитал выяснять, что именно знает начальство, прежде чем начать с этим начальством откровенничать.

– Ты требовал у сержанта Дерри лучевик, а когда он спросил, зачем тебе лучевик, ты сказал, что собираешься застрелиться. Это правда?

– Правда. Так я и сказал.

– И ты на самом деле собираешься застрелиться?

– Да.

– Почему?

– Мне слишком сложно это объяснить. Хочу.

– Хочешь?

– Да.

– Просто хочешь?

– Питаю неудержимое желание.

– Почему же ты не застрелился из табельного?

– Это неэстетично. Мне посоветовали лучевик.

– Кто посоветовал, сынок?

– Этого я вам сказать не могу.

– Наверняка это был лейтенант Клозе, – сказал полковник Ройс. – Узнаю его гребаное чувство юмора.

Юлий пожал плечами.

– Неважно, кто тебе посоветовал, – сказал полковник Ройс, –

важно то, что ты не должен этого делать.

– Почему? – спроси Юлий.

– Сколько тебе лет, сынок?

– Двадцать пять.

– И ты уже капитан. У тебя вся жизнь впереди, сынок.

– Может быть.

– Ты можешь сделать великолепную военную карьеру, став капитаном в двадцать пять.

– Я стал капитаном в двадцать четыре, – сказал Юлий. – Так что у меня полный карьерный застой. Уже почти год, как я не могу получить майора.

– Хорошая шутка, сынок, – оценил полковник Ройс. – Если у тебя есть чувство юмора, еще не все потеряно.

– У меня нет чувства юмора. Мне его отстрелили в секторе Зэт.

– Какой у тебя летный допуск, сынок?

– Полный, сэр. Омега.

– Просто Омега или Омега-Икс?

– Омега-Икс.

– У меня на базе всего три пилота с допуском Омега-Икс. Потерять одного из них, любого, было бы большой потерей. Невосполнимой потерей, я бы сказал.

– Незаменимых людей нет, сэр.

– Верно, сынок, но есть люди, которых заменить очень трудно. Сколько тебе осталось здесь служить?

– Три месяца.

– А сколько у тебя боевых вылетов?

– Тридцать два.

– Неплохо, сынок.

– Благодарю вас, сэр.

– Я хочу... Нет, я настаиваю, чтобы ты поговорил с капелланом,

а потом – с психологом. И лишь после того, как я выслушаю их отчеты, мы продолжим с тобой этот разговор. В том случае, если они не заставят тебя передумать.

– Как скажете, сэр.

– Кажется, я уже сказал.

– Так точно, сэр.

– Тогда какого черта ты до сих пор здесь сидишь?

Капеллана на месте не оказалось, а потому Юлий зашел к себе, принял душ, необходимый ему после пребывания в карцере, переоделся, выпил приличного кофе, сваренного на своей личной кофеварке, запасася сигаретами и пошел к психологу.

Психологом на базе служила женщина в чине капитана, и потому Юлий мог разговаривать с ней на равных.

Ей было лет тридцать, и она была не во вкусе Юлия, что, однако, не помешало ему переспать с ней после грандиозной новогодней попойки. С тех пор они практически не разговаривали, только здоровались при встрече, и потому Юлий считал инцидент исчерпанным.

– Что привело вас ко мне, капитан? – спросила психолог. – Что именно заставило вас прийти?

– Очень хорошо, что вы использовали местоимение «что», потому что это был полковник Ройс, – сказал Юлий. – Вы знаете, откровенно говоря, мне он тоже не нравится. У него мания величия, отягощенная отеческим комплексом. Он всех называет сынками, хотя прекрасно понимает, что не может быть моим отцом. Потому что у нас разные фамилии, и вообще, я – дворянин, а он – черт знает кто. Точнее, черт знает что, как вы точно подметили минутой ранее.

Психолог вздохнула.

– Вы, пилоты, поголовно считаете себя прирожденными комиками и записными остряками, – сказала она. – Работать в десанте было гораздо спокойнее.

– Я сам хотел пойти служить в десант, но мне папа не разрешил, – признался Юлий.

Отчасти это была правда.

Когда предок Юлия настоял, что его отпрыск должен отметиться в армии, отслужив хотя бы два срока, Юлий решил записаться в десант, чтобы убедить отца отказаться от этой глупой затеи.

Юлий не хотел в армию. Он не любил никому подчиняться, не любил ходить строем, не любил сугубо мужских компаний и не признавал само понятие дисциплины. Но отвертеться не получилось.

Ты не пойдешь в десант, сказал отец. В десант идут тупые безродные мордовороты, а моему сыну, отпрыску древнего рода, там делать нечего.

Тогда Юлий захотел пойти в артиллеристы. По его мнению, это был наиболее безопасный вид войск, недостаточно мобильный, а потому опаздывающий на большинство локальных конфликтов, в которых принимала участие имперская армия. В артиллерии много аристократов, сказал он отцу.

Но тебя там не будет, сказал отец. Я служил пилотом. Твой дед служил пилотом, мой дед служил пилотом и дед его деда тоже служил пилотом – и ты будешь служить пилотом, черт бы тебя подрал, трусливый сукин сын.

Маму не трогай, попросил Юлий и отправился служить пилотом.

Продолжать чертову династию.

– Насколько я понимаю, вы хотели застрелиться, – сказала психолог.

– Интересно, если вы знаете, почему я здесь, то зачем спрашивали?

– Я хотела послушать, как вы сами это сформулируете. Так хотели вы застрелиться или нет?

– Нет, – твердо сказал Юлий. – Вы используете прошедшее время, и в этом ваша ошибка. Я и сейчас хочу.

– Почему вы хотите застрелиться?

– У меня затяжная депрессия, – сказал Юлий.

– Как вы думаете, чем она вызвана?

– Меня хотят убить, – выпалил Юлий.

– Кто?

– Многие.

– Назовите хотя бы одного.

– Я не могу их назвать.

– Почему?

– Я их не знаю. Я имею в виду, поименно.

– Может быть, вы знаете их в лицо?

– Нет.

– И, тем не менее, вы утверждаете, что эти неведомые «они», которых вы даже не знаете, хотят вас убить?

– Утверждаю.

– Любопытно.

– И мне тоже. Они – совершенно больные люди. Я имею в виду, психически больные. Как раз по вашей части, доктор.

– Хорошо, – сказала психолог. – Попытаемся зайти с другой стороны. Откуда вы знаете, что они хотят вас убить?

– Это же очевидно. Они пытаются.

– Как часто?

– Каждый мой боевой вылет.

– А, так вы говорите о повстанцах, – облегченно выдохнула психолог. – Но ведь вы прекрасно понимаете, что они хотят убить вовсе не вас.

– Да? А почему тогда они стреляют именно в меня? Хотите посмотреть на мой последний истребитель? В крыле есть пробоина величиной с кулак.

– Я хочу сказать, что повстанцы не питают к вам личной неприязни. Им все равно, кого из пилотов убивать.

– Да? Так они просто маньяки!

– Вы им тоже не пирожки с повидлом на голову сыплете, между прочим.

Юлий, зная, что в обиходе одна из бомб с начинкой из жидкой взрывчатки как раз называется «пирожком с повидлом»,

многозначительно улыбнулся.

– Вы не понимаете, – сказал Юлий. – Они хотят убить именно меня. Они меня ненавидят. Я чувствую волны ненависти, которые исходят от каждой зенитки, над которой я пролетаю. Я не могу работать в столь нездоровой атмосфере.

– Ваша работа, между прочим, называется войной.

– А вот и нет, – сказал Юлий. – Наша работа называется антитеррористической операцией. О войне на этой планете и речи не идет.

– Неважно, как это называется. Я имею в виду суть явления, а не то, как про это говорит пропаганда.

– Мне тоже не нравится пропаганда, – сказал Юлий. – Она слишком слащавая и рассчитана на дебилов. Взять, например, вот этот плакат. Там, где нарисована страшная тетка в камуфляже и написано «Империя-мать зовет!». По-моему, это уже перебор. А вы как думаете?

– Я не видела таких плакатов.

– У меня есть один в чемодане. Хотите, я вам покажу?

– Вы не любите пропаганду, но таскаете в чемодане агитационный плакат?

– Да. Это странно?

– Я видала странности и похлеще.

– Не хотите поделиться впечатлениями? Я знавал одного парня, который не любил пива. Представляете? Служил в армии и не любил пива. Вот это уж точно странно.

– Не уходите от темы, капитан. Вы совсем не хотите покончить с собой.

– Неужели?

– Именно так. Если бы вы всерьез хотели расстаться с жизнью, вы воспользовались бы своим табельным оружием, и вам не было бы абсолютно никакого дела до того, как будет на похоронах выглядеть ваш труп.

– Вот и неправильно, – сказал Юлий. – Я не просто хочу

покончить с собой, я хочу покончить с собой стильно. Видите ли, я происхожу от древнего рода и меня просто положение обязывает. Я все должен делать стильно. Даже умирать.

– И вы считаете, что суицид может быть стильным? В принципе?

– Еще как.

– И много ваших предков прибегло к такому способу расстаться с жизнью?

– Дайте вспомнить, – сказал Юлий. – Дядя вскрыл вены ножиком для разрезания бумаг. Дед по отцовской линии разбил свой флаер во время прогулки по родовому имению в пригороде Лондона. Прадед по материнской линии застрелился из охотничьего ружья двадцать первого века. Кстати, я видел кадры хроники. Дырка в голове была очень аккуратная. Далее, мой старший брат утонул в бассейне, глубина которого была не более метра, и это при том, что ему, брату, а не бассейну, было шестнадцать лет и он прекрасно умел плавать. Думаю, что тут не обошлось без несчастной любви. Моя двоюродная сестра трижды пыталась наглотаться таблеток, и только два раза ее удалось откачать.

– Вы гнусный и лживый тип, капитан, – сказала психолог. – Ваш старший брат жив и служит адъютантом у адмирала Клейтона, командующего Третьим имперским флотом.

– А вы не допускаете мысли о том, что у меня могло быть два старших брата?

– Я читала ваше досье. У вас только один старший брат.

– Вообще-то это был мой двоюродный брат, – сказал Юлий. – Но мы с ним были очень близки. По-родственному, я имею в виду.

– Как звали вашего двоюродного брата?

– А вам зачем?

– Хочу запросить о нем базу данных.

– По правде говоря, это был мой сосед, – сказал Юлий. – Но он был мне как брат.

– Вы снова лжете.

– А вот и нет.

– Я понимаю, чего вы добиваетесь. Вы хотите, чтобы я признала вас ненормальным и рекомендовала полковнику Ройсу списать вас.

– Это было бы просто замечательно.

– По-вашему, это стильно?

– Конечно. Ведь я останусь в живых. Это особенно стильно. Это просто шикарно, черт побери.

– Не ругайтесь в моем присутствии.

– Вы только что назвали меня гнусным типом.

– Это было не ругательство, а диагноз.

– С таким диагнозом комиссуют из армии?

– Нет. С таким диагнозом в армии делают карьеру.

– Послушайте, – проникновенно сказал Юлий, – мы с вами – взрослые люди, и оба точно знаем, чего хотим от этой жизни. Я хочу избавиться от армейской службы. Если вы мне в этом поможете, то я помогу вам добиться той цели, которую вы перед собой поставили. Поверьте мне, я умею быть благодарным, а у моей семьи много влиятельных друзей. Очень много.

– Вы предлагаете мне взятку?

– А есть смысл? – оживился Юлий.

– Никакого, – отрезала психолог. – Я не собираюсь рисковать своей карьерой и рекомендовать к списанию вполне здорового пилота.

– То есть, вы хотите сказать, что я нормален? – уточнил Юлий.

– Нет. Вы – псих, вы – чокнутый, вы – парень со странностями, но эти странности никоим образом не помешают вам исполнить ваш воинский долг.

– Сучка, – сказал Юлий, когда дверь кабинета психолога закрылась за его спиной.

Он побрел к капеллану.

Юлий пару раз встречал капеллана в офицерском клубе и поэтому знал, как тот выглядит.

Капеллан был маленьким смуглым человечком лет сорока, с

острой черной бородкой и многообещающей фамилией Рабинович. Юлий подозревал, что капеллан не католик.

Он не решался задать капеллану этот вопрос в офицерском клубе, не желая ставить того в неудобное положение при большом стечении народа, но, как только они остались одни, Юлий решил расставить все точки над «ё».

– Вы католик? – спросил Юлий.

– Нет, а вы?

– Нет, – признался Юлий.

– Это хорошо, – сказал Рабинович. – Честно говоря, я не люблю католиков. Они слишком фундаментальные. Вы любите католиков?

– Я к ним безразличен. Они ко мне тоже.

– К какой церкви вы вообще относитесь?

– Воинствующих атеистов седьмого дня.

– Понятно, – сказал Рабинович. – Циник и пофигист. Вдобавок, еще и неверующий.

– Увы, – сказал Юлий.

– И зачем ты сюда приперся, сын мой?

– А вы какую конфессию представляете?

– А тебе ли не по фиг?

– Конечно, не по фиг, – сказал Юлий. – Я же должен знать, с кем разговариваю.

– Я – иудей.

– То есть, с вашей точки зрения, я – гой?

– Совершенно верно.

– Какое вам дело до проблем гоев?

– Служба такая, – вздохнул Рабинович.

– Как мне к вам обращаться?

– Рабби.

– Я не могу, – сказал Юлий. – На мой слух, это как-то

фамильярно.

– Можете обращаться ко мне «ребе».

– А гой может так к вам обращаться?

– Может.

– А вы как будете ко мне обращаться? «Гой мой»?

– А как вы хотите, чтобы я к вам обращался?

– Капитан.

– Отлично, капитан. Мы уже разобрались с формальностями или вы хотите еще что-нибудь уточнить?

– Пожалуй, это все. Можете начинать.

– Так что привело неверующего к капеллану, капитан?

– Большей частью – приказ полковника Ройса, ребе.

– А меньшей?

– Я запутался в себе, – сказал Юлий. – Иногда мне кажется, что я знаю, чего хочу, а иногда мне снова кажется, что я знаю, чего хочу, но хочу при этом совсем другого.

– И чего же вы хотите, капитан?

– В первом случае или во втором?

– Начнем с первого.

– Жить, ребе.

– Просто жить?

– Ага. В этом желании есть что-то аморальное?

– Нет, капитан. Это вполне понятное желание, естественное для любого человека. А что насчет вашего второго желания?

– Я хочу застрелиться.

– Это грех, капитан.

– Я догадывался, ребе.

– Почему вы хотите застрелиться?

– Я знаю? Может, кальция не хватает.

– Интересная версия, – одобрил Рабинович. – А может быть, вам не хватает смелости и веры в себя, чтобы продолжать жить дальше?

– Может быть, – сказал Юлий. – А что делать? Молиться?

– Молитвой тут не поможешь. Тем более что вы атеист. Давайте попробуем рассуждать логически. Что именно вас беспокоит?

– Все, ребе.

– А что беспокоит вас больше всего?

– Честно?

– Честно. Лгать капеллану не имеет смысла.

– Меня беспокоят повстанцы. Они ненавидят меня и хотят убить.

– Значит, они вас ненавидят? А вы к ним как относитесь?

– Как я могу относиться к людям, которые меня ненавидят и хотят меня убить?

– И в самом деле, как?

– Адекватно. Я ненавижу их в ответ.

– Кроме того, вы их убиваете.

– Разве?

– Оголите ваш правый бицепс.

Юлий закатал рукав рубашки и продемонстрировал капеллану правый бицепс. На правом бицепсе Юлия были вытатуированы миниатюрные черные черепа.

– Что это такое? – спросил Рабинович.

– Миниатюрные черные черепа, – объяснил Юлий. – Татуировка.

– Что она означает?

– В сущности, это всего лишь ребячество, ребе.

– Но что означает это ребячество?

– Сбитые, – сказал Юлий.

– Сбитые корабли противника? – уточнил Рабинович.

– Да, – сказал Юлий.

– И сколько черепов украшает ваш бицепс?

– Тридцать восемь.

– Давайте уточним, – сказал Рабинович. – Вы сбили тридцать восемь судов противника. Что это означает?

– Что я хороший пилот.

– Это означает, что вы – убийца.

– Разве? Я сбиваю корабли, но не расстреливаю катапультировавшихся пилотов.

– Тем не менее, каковы шансы пилота выжить после того, как вы сбиваете его корабль?

– Это зависит от корабля, ребе.

– Не увиливайте от ответа, капитан.

– Шансы небольшие, – признался Юлий.

– Вы – убийца, – подытожил Рабинович.

– Я – пилот, – сказал Юлий.

– Вы убиваете людей.

– Я делаю свою работу.

– Вам стало легче, капитан?

– Нет, а с чего бы?

– От правильного осознания того, чем вы занимаетесь.

– Послушайте, – сказал Юлий. – Я не питаю никаких иллюзий по поводу того, чем я занимаюсь. Именно поэтому меня и тянет застрелиться.

– Что вам больше не нравится – убивать людей или возможность быть убитым самому?

– И то и другое, – сказал Юлий. – Но, положив руку на интимные части моего тела, я готов признать, что мне до чертиков не хочется, чтобы меня убили.

К удивлению Юлия, Рабинович не стал делать ему замечания по поводу ругательств.

– Вы боитесь смерти? – спросил Рабинович.

– А вы не боитесь?

- Не боюсь.
- Почему?
- Вера в Господа охраняет меня от этого страха.
- До свидания, – сказал Юлий. – Нам с вами больше не о чем разговаривать.
- Почему же, капитан?
- Потому, что либо мы разговариваем на разных языках, либо вы лицемер.
- Вы не можете сейчас уйти, капитан.
- Почему еще, ребе?
- Потому, что я вас не отпустил, капитан. Хочу вам напомнить, что я старше вас по званию.
- Для меня это новость.
- Представьте себе.
- Черт побери. – Юлий сел обратно в кресло. – Чего еще вы от меня хотите?
- Вы ненавидите повстанцев?
- Да. Разве это неправильно?
- Неправильно.
- Я должен возлюбить повстанцев?
- Нет, не должны.
- Тогда я не понимаю, чего вы от меня хотите.
- Я хочу, чтобы вы поняли, что повстанцы являются орудием Господа, который посылает вам испытание.
- Мне?
- Да.
- Испытание?
- Да.
- Зачем?
- Чтобы испытать вас. Чтобы понять, что вы из себя

представляете.

– Ребе, вы ведете подрывную деятельность.

– Каким образом?

– Вы только что заявили, что повстанцы – орудия Господа, а я с ними воюю. Воюю с орудиями Господа. Тогда кто я есть, если следовать формальной логике? Кто воюет с Господом? Дьявол. Тогда кто я? Посланник дьявола? Но в то же время я являюсь военным служащим Империи, и не просто военным служащим, а офицером. Таким образом, вы заявляете, что имперские офицеры – посланники дьявола. Признавайтесь, сколько вам платят повстанцы за то, что вы сеете такие мысли в наших умах?

– Вы меня неправильно поняли. Повстанцы – орудия Господа, но и вы тоже – Его орудие.

– Вы еще и еретик? Теперь вы заявляете, что Бог не знает, чего творит, раз его орудия уничтожают друг друга.

– Вы понимаете все слишком буквально.

– Это потому, что у меня от природы вьедливый аналитический ум.

– Вы насмехаетесь надо мной.

– Нет, клянусь Аллахом.

– Вы клянетесь Аллахом в присутствии иудея?

– Я – атеист седьмого дня, – напомнил Юлий. – Мне по фиг, кем клясться.

– Вы будете гореть в геенне огненной.

– Здорово вы меня утешили.

– Вам не нужно мое утешение. Вы пришли сюда только потому, что так вам приказал полковник Ройс. Вы – эгоистичный, самовлюбленный аристократичный ублюдок с нарциссовым комплексом, трясущийся за свою шкуру и морочащий всем голову!

– Я рад, что вы это поняли, – сказал Юлий. – Мне кажется, таким, как я, не место в армии нашего великого императора.

– Таким, как вы, место на самой дрянной, вонючей, ублюдочной военной базе, находящейся в самой глухой дыре на задворках

Империи!

ГЛАВА 3

– Он назвал меня эгоистичным, самовлюбленным аристократичным ублюдком с Нарциссовым комплексом, трясущимся за свою шкуру и морочащим всем голову, – пожаловался Юлий. – Поднимаю на пять и меняю две карты.

– Но ты такой и есть, – сказал Клозе. – Поддерживаю и поднимаю еще на пять.

– Я – пас, – сказал Карсон.

– Я тоже, – сказал Дэрринджер.

– А я еще поиграю, – сказал Малышев.

– Отлично, – сказал Юлий. – Чем больше народу, тем больше банк. Еще этот тип назвал нашу базу самой дрянной, вонючей, ублюдочной военной базой, находящейся в самой глухой дыре на задворках Империи. Еще пятерочку сверху.

– Наша база такая и есть, – сказал Клозе. – Поддерживаю.

– Играю, – сказал Малышев.

– Еще ему не нравятся мои татуировки. Наверное, он считает, что я пижон.

– Но ты и есть пижон, – сказал Клозе.

– У тебя такие же татуировки.

– Это потому, что я тоже пижон.

– Поднимаю на десять.

– Поддерживаю.

– Для меня это слишком круто, – сказал Малышев и бросил карты.

– Слабак, – сказал Юлий. – Еще двадцатку.

– И пять сверху.

– Твои пять и еще двадцатку.

– По-моему, ты блефуешь.

– Есть только один способ это выяснить.

– Поддерживаю. Вскрываемся.

– Ты первый.

– Две пары.

– Полный дом, – объявил Юлий и сгреб деньги со стола. – Еще партию?

– К черту, – сказал Клозе. – Я знал, что не надо тебя приглашать. Ты нас попросту обчистил.

– Где ты был ночью? – поинтересовался Карсон. – Я заходил часа в два, хотел стрельнуть у тебя сигарет.

– Я ночевал в карцере.

– Это стильно, – сказал Карсон.

– Я все делаю стильно, – сказал Юлий.

– Я пойду, – сказал Дэрринджер. – У меня завтра дежурство.

– У меня тоже, – сказал Малышев.

– А я временно отстранен, – сказал Юлий.

– Везунчик, – сказал Дэрринджер.

Они с Малышевым ушли. У них осталось всего шесть часов, чтобы протрезветь и вернуться в нормальную летную форму.

– Больше никто никуда не торопится? – спросил Юлий.

– Нет, – сказал Карсон.

– Я тороплюсь в отставку, – сказал Клозе. – Но это может подождать.

– Вот и отлично, – сказал Юлий. – У нас еще осталось виски?

– У меня всегда полно виски, – сказал Карсон. – Зато у меня постоянно кончаются сигареты.

– Это фигня, – сказал Юлий. – Сигарет полно у меня.

– Значит, вместе мы непобедимы, – сказал Карсон.

Карсон был маленький и смуглый. Он был лет на десять старше Юлия и до сих пор ходил в лейтенантах, но, несмотря на это, был

неплохим пилотом. Впрочем, здесь все были неплохими пилотами. Плохие пилоты отсеялись вследствие искусственного отбора, проведенного сепаратистами.

Еще Карсон носил усы.

– Стоп, – сказал Юлий. – С тебя мы имеем виски, с меня – сигареты, а какой толк от Клозе? Что он привносит в нашу компанию?

– Толику интеллекта, – сказал Клозе.

– Интересная версия, – сказал Юлий. – Но она не прокатит. Мы найдем тебе иное применение – ты будешь наливать.

– Ладно, – сказал Клозе и налил.

– Не только себе, – уточнил Юлий.

– Хорошо, – сказал Клозе и налил всем.

– У меня тост, – объявил Юлий. – За скорую гибель полковника Ройса! Может быть, после этого нам пришлют достойного командира, и он отпустит нас домой!

Они сдвинули стаканы и выпили.

– Я не хочу домой, – сказал Клозе, ставя на стол пустую посуду. – Я хочу на Эдем. Там тепло, нет болот и полно симпатичных девчонок. Мне надоели бледные тела местных проституток. Я хочу загорелую девчонку, холодное пиво и шезлонг, стоящий под пальмой, растущей на берегу моря.

– Не трави душу, – сказал Карсон. – Я сам дико истосковался по шезлонгам.

– Искусство лежать в шезлонге относится к одному из самых древних искусств человечества, и его корни уходят в такие глубины истории, о которых мы даже не подозреваем, – сказал Юлий. – Не буду скрывать, в этом деле я достиг совершенства, причем, как и во многих других делах. Единственное, что у меня не получается, это закосить под психа и вылететь из армии.

– Зачем ты вообще пошел на службу?

– Отец заставил. А ты?

– Мне нравилась форма, – сказал Карсон.

– А чего ты не пошел в гвардейцы? У них форма куда круче, чем у нас.

– Ростом не вышел, – сказал Карсон. В гвардейцы набирали только двухметровых парней дворянского происхождения, а Карсон был низкорослым плебеем. В пилоты брали всех, кроме женщин.

– А что привело в армию тебя, Клозе?

– Ноги, – буркнул Клозе.

– А помимо ног? – спросил Юлий.

Клозе пожал плечами.

– Надо же было куда-то пойти, – сказал он и снова налил.

– Не части, – предупредил Карсон. – До утра еще долго.

– За сепаратистов! – провозгласил Юлий. – Чтоб они сдохли, придурки чертовы!

На этот раз они выпили не чокаясь.

Как уже говорилось выше, Юлий не любил сепаратистов и подозревал, что те ненавидят его в ответ. Сепаратисты мешали Юлию жить.

Они пытались убить Юлия, но этим список нанесенных Юлию обид отнюдь не исчерпывался. Именно из-за сепаратистов он был вынужден торчать на этой чертовой планете, на девяносто процентов состоящей из болот и на десять – из военных баз Империи. Здесь было сыро и скучно. Здесь можно было только воевать или напиваться.

Юлий пытался ходить в местный бордель, но при первом взгляде на предложенный ассортимент жриц любви решил, что пусть он уж лучше сопьется. Или пусть его даже убьют.

Зато Клозе ходил в бордель регулярно. Юлий не понимал, как Клозе может трахать этих девиц.

– Я слышал, на ту сторону вчера прибыл корабль контрабандистов, – сказал Клозе.

– Значит, жди рейда, – сказал Юлий. – Надеюсь, ребята, вы управитесь до того, как меня снова допустят к полетам.

– Черта с два, – сказал Клозе. – Сначала разведка должна

установить, что этот контрабандист привез и где они это все складировать. По моим скромным расчетам, у них на это уйдет не меньше недели. А тебя вернут в строй дня через два, самое позднее.

– Типун тебе на язык величиной с бомбардировщик, – сказал Юлий.

– Я давно заметил, что ты не любишь армию, – сказал Карсон.

– Армия – это тупо, – сказал Юлий. – Сам задумайся, на хрен она вообще такая нужна?

– В смысле? – спросил Карсон.

– Сколько планет заселено человечеством? – спросил Юлий.

– Больше ста, – сказал Карсон.

– Насколько больше?

– Чуть больше.

– Сто семнадцать, – сказал Клозе. – Я сам считал.

– А сколько планет принадлежит Империи? – спросил Юлий.

– Около ста, – сказал Карсон.

– Сто две, – сказал Клозе.

– Наш флот насчитывает примерно пять тяжелых кораблей на планету, – сказал Юлий. – Около пятисот охренительно больших, смертельно опасных кораблей. А планеты, не входящие в Империю, не объединены между собой, и у них на всех едва ли наберется десять судов. И эти суда устарели как морально, так и физически. По сути, это списанные корабли, построенные на имперских верфях.

– И что ты хочешь этим сказать? – подозрительно осведомился Клозе.

– Что у Империи нет внешнего врага, которого мы не могли бы задавить силой двух линкоров или десятка линейных крейсеров, – сказал Юлий. – А за каким чертом нам еще четыреста девяносто семь кораблей? Для внутренних полицейских операций, в одной из которых мы сейчас сидим по самые уши?

– Ты – еретик, – сказал Клозе. – Если народ не хочет кормить собственную армию, он будет кормить чужую.

– Кто это сказал? – спросил Юлий.

– Макиавелли.

– Из пятого батальона?

– Нет, из учебника истории.

– Дурак он, твой Макиавелли, – сказал Юлий.

– Почему? – осведомился Клозе.

– А ты покажи мне эту другую армию, – сказал Юлий. – Где она? В этой части галактики самая страшная сила – это мы. Более того, мы – единственная сила в этой части галактики. Тут никого нет, кроме нас. Страшных и одиноких.

– Вселенная бесконечна, – сказал Карсон.

– И что? – спросил Юлий.

– В любой момент к нам могут нагрянуть Чужие.

– Чужие – это миф. Идея о возможности встретить представителей иной разумной цивилизации мусолилась чуть ли не с середины двадцатого века, с тех пор прошла пара тысячелетий, и что толку?

– Эта идея до сих пор популярна, – сказал Клозе.

– И она до сих пор остается только голой идеей. Сначала люди думали, что жизнь возможна уже на Луне, потом – на Марсе, потом предполагали встретить ее в иных звездных системах. Но как только человечество достигало Луны, Марса или этих самых иных звездных систем, его ждал очередной облом. Вселенная бесконечна, и глупо отрицать в ней наличие другого разума, но я не думаю, что человечество встретится с этим разумом в ближайшие миллионы лет.

– А если Чужие все-таки прилетят? – спросил Карсон. – Вот тогда нам и понадобится наш флот.

– Зачем? – спросил Юлий.

– Чтобы воевать с ними, – сказал Карсон.

– А почему ты думаешь, что они будут настроены враждебно?

– Неважно, как они будут настроены, – сказал Клозе. – Главное, что мы настроены с ними воевать, так что их согласия никто и не спросит.

– Глупо, – сказал Юлий. – Война с Чужими практически

невозможна.

– Это еще почему? – спросил Клозе.

– Я не знаю, как объяснить это столь ограниченным умам, но все же попробую, – сказал Юлий. – Представь себе Империю как единственного человека, живущего на необитаемом острове.

– А... – догадался Клозе. – Сейчас будет метафора.

– Типа того, – признался Юлий.

– Вот они, преимущества классического образования, – сказал Клозе. – Слушай и внимай, Карсон, сейчас неучам вроде нас с тобой будет преподан урок.

Клозе учился в той же частной школе, что и Юлий, только на два года позже. Вполне вероятно, что они встречались уже в то время, но не обращали друг на друга внимания.

– Вернемся к нашему человеку на необитаемом острове, – сказал Юлий. – У него есть ружье, которое символизирует количество боевых судов, необходимых для поддержания внутри Империи закона и порядка. С этим оружием он добывает себе еду и охотится на хищников, вроде наших дорогих сепаратистов. Еще у этого человека есть пушка, и эта пушка символизирует количество судов, которые есть на самом деле, то есть наш космический флот. Море вокруг человека пустынно, и возможность, что к нему кто-нибудь приплывет, чрезвычайно мала.

– Я так и не понял, почему этому парню на острове не нужна пушка, – сказал Карсон.

– Это потому что я еще не закончил, – сказал Юлий. – Вероятность, что к этому человеку приплывут враждебно настроенные чужаки, один к миллиону. И один к тысяче миллиардов за то, что это будет другой одинокий чувак на плоту и с точно такой же пушкой. Глупо предполагать, что во всей бесконечной Вселенной на одном сравнительно небольшом клочке космического пространства найдутся две цивилизации, стоящие на одной и той же ступени технологического развития, которая и делает возможной войну между ними. Если к этому человеку приплывут дикари на своих лодках, он отобьется от них и с одним ружьем, а если к нему пожалует авианосец с полным боевым снаряжением, то ему никакая пушка не поможет.

– Глубокая мысль, – сказал Клозе. – Настолько глубокая, что в ней можно утонуть.

– Если вдруг к нам и прилетят, – сказал Юлий, – то сам факт, что прилетели к нам, подразумевает превосходство иной расы над нашей собственной, так что воевать с ней нам будет просто нечем. А если мы сами кого-то найдем, то технологическое преимущество будет на нашей стороне. Но лично я думаю, что, если и есть в округе разумная жизнь, она находится в эмбриональном состоянии и мы ее просто не замечаем.

– Ну а вдруг?

– Что – вдруг? Что? Подумай сам, Вселенная бесконечна, и время в ней тоже. Человечество – песчинка на фоне этой пустыни. Песчинка, несомая ветром. И какова вероятность того, что рядом с ней будет пролетать точно такая же песчинка?

– Довольно большая, – сказал Клозе. – В пустынях песка полно.

– Но песчинки все разные, – сказал Юлий. – И курс двух песчинок вряд ли может быть параллельным долгое время.

– Метафора с пустыней ни к черту не годится, – сказал Клозе. – С островом было еще куда ни шло, но пустыня – полная фигня. Даже у тебя бывают проколы.

– Тогда наливай, – сказал Юлий.

Клозе налил.

– За девчонок, – провозгласил Юлий. – За загорелых девчонок с Эдема, которых мы навестим сразу же, как выпутаемся из этой войны.

Они выпили.

– Это не война, – сказал Клозе, ставя пустой стакан на стол и прикуривая сигарету из пачки Юлия. – Это – антитеррористическая операция.

– Когда террористов десятки тысяч человек, то это уже война, – сказал Юлий. – Давай хотя бы в узком кругу называть вещи своими именами. Мы говорим «антитеррористическая операция», подразумевая войну. Мы говорим «отлетал свое», подразумевая смерть в боевом вылете. Мы говорим «сепаратист», подразумевая врага.

– Мы говорим «девчонка», подразумевая проститутку, – подхватил Клозе.

– Не надо об этом, – взмолился Карсон. – Юлий, ты намекаешь, что нам не нужен такой большой флот?

– Именно, – сказал Юлий. – Более того, большой флот может стать смертельно опасным для Империи. Когда куче военных нечего делать, я сейчас не говорю о беднягах, занятых на этой планете, они дуреют. А дурные военные могут выкинуть что угодно.

– Например? – осведомился Клозе.

– Какой-нибудь адмирал может объявить себя императором и попытаться захватить власть. Или просто хапнуть себе пару планет с целью поиграть в «войнушку». Это закон жанра, – объяснил Юлий. – Если ружье есть, то рано или поздно оно все равно выстрелит, несмотря даже на желания своего хозяина.

– Совсем недавно это была пушка, а не ружье, – заметил Клозе.

– Это неважно, если вы понимаете, что я имею в виду.

– А если не понимаем?

– Тогда это тем более неважно, – сказал Юлий. – Наливай.

– Я давно хотел тебя спросить, – сказал Клозе. – Почему тебя так зовут? Это как-нибудь связано с Древним Римом?

– А то, – сказал Юлий. – Папаша был без ума от Цезаря.

– Не повезло, – сочувственно сказал Клозе.

– Мне как раз повезло, – сказал Юлий. – Моего старшего брата зовут Гай.

– Интересно, а как зовут твоего отца?

– Старого поганца зовут Питер. Подозреваю, что дед, в отличие от него, был нормальным человеком.

– Гай, – сказал Клозе, словно пробуя слово на вкус. – Юлий. Гай. Юлий. Гай.

– А самого отвратного из наших сторожевых псов всегда звали Брутом, – сказал Юлий.

– У тебя, случаем, нет сестры по имени Цезарина?

– Нет. Сестру маме удалось отстоять.

– И как ее зовут?

– Зачем тебе знать, как зовут мою сестру? – подозрительно спросил Юлий.

– Просто так, – сказал Клозе.

– Я не обязан удовлетворять твое праздное любопытство, – сказал Юлий.

– Не обязан, – согласился Клозе. – Но все-таки как ее зовут?

– Пенелопа, – сказал Юлий. – Мама с ума сходит по Гомеру.

ГЛАВА 4

Утром Юлия вызвал к себе контрразведчик.

Майор Дэвис воспринимал свое назначение на базу 348-М как ссылку. Поскольку ему не удавалось забавляться в боевых вылетах, пилоты и механики сторонились его, а общаться с рядовым составом он считал ниже своего достоинства. Майору Дэвису было куда скучнее остальных, и он развлекался, подозревая окружающих во всех смертных грехах, особенно если таковые грехи карались расстрелом.

Впечатление о его работе немного смазывалось тем фактом, что на базе за весь период его службы так никто и не был расстрелян, но майор Дэвис не терял надежды и старался вовсю.

Когда Юлий вошел в кабинет майора, на большом дисплее контрразведчика красовалось его личное дело с фотографиями и отрывками из официальной хроники. Юлий ненавидел свое досье. На его взгляд, для двадцати пяти капитанских лет оно было неприлично объемным.

Юлий со всем возможным комфортом попытался устроиться в неудобном кресле для посетителей и вперил в майора взгляд своих невинных глаз.

– Доброе утро, капитан, – сказал майор.

– Утро – это то время суток, которое я предпочитаю проводить в постели в бесчувственном состоянии, называемом сном, – сказал Юлий. – А потому оно по определению не может быть добрым, если я сижу в дурацком казенном кресле и меня готовятся допрашивать.

– Как знаете, – согласился майор. – Кстати, нашу беседу никак нельзя назвать допросом.

– А как ее можно назвать?

– Это будет длинный и обстоятельный разговор, – сказал майор.

– Замечательно. – Юлий достал из кармана длинную и обстоятельную сигару, обрезал ее ножичком с золотой рукояткой, на которой был выгравирован герб его рода, стараясь держать ножик так, чтобы герб был хорошо виден майору. Спрятав ножик, он долго

раскуривал сигару от золотой зажигалки с тем же гербом, а потом выпустил по направлению к майору клуб дыма.

– Вообще-то я не курю, – сказал майор.

– Это хорошо, – кивнул Юлий. – Это значительно экономит деньги, ибо пересадка легких – весьма дорогостоящая операция.

– Почему вы позволяете себе курить в моем кабинете?

– Курение на военной базе запрещено только в технических помещениях, к коим ваш кабинет причислить невозможно, – объяснил Юлий. – Так что своей сигарой я не нарушаю никаких правил.

– Но вы могли бы спросить меня, не имею ли я чего-нибудь против вашей сигары.

– Зачем? – спросил Юлий. – Я же знаю, что вы против.

– Я не говорю уже о правилах элементарной вежливости, но я старше вас по званию.

– Я не нахожусь в вашем прямом подчинении, и вы не имеете права мне приказывать.

– Этим вы хотите выразить мне свое неуважение, капитан?

– Каждый понимает в меру своего собственного неуважения.

– Вы думаете, что вам все позволено только потому, что вы граф?

– Откровенно говоря, да, – сказал Юлий. – И я не понимаю, на каком основании вы можете требовать уважения к своей персоне. Уважение – это такая штука, которая предполагает взаимность, а вы выказываете человеку неуважение, вызывая его в свой кабинет. Ибо такой вызов может означать только две вещи: либо человек шпион и диверсант, либо он знаком со шпионом и диверсантом и вы хотите, чтобы он сдал своего знакомого и стал стукачом. Согласитесь, вряд ли ваш жест можно назвать проявлением уважения ко мне, так что я нахожусь в полном праве не уважать вас в ответ.

– Значит, вот так, да?

– Именно, – сказал Юлий.

– Вы думаете, я не найду на вас управу?

– Не знаю, – сказал Юлий. – Но это представляется мне маловероятным. Видите ли, майор, дело в том, что мои преступления в подведомственной вам области может расследовать только Управление имперской безопасности, а оно вряд ли будет заниматься такими мелочами, как курение в вашем кабинете. Хочу, кстати, заметить, что глава Управления генерал Краснов – старый и очень хороший друг моего отца. Я не имею в виду ничего предосудительного, генерал – весьма твердый и принципиальный человек, и если он застукает меня на каком-нибудь серьезном проступке, то расстреляет безо всяких сомнений и проволочек. Но в мелких разногласиях с контрразведкой, типа проявления неуважения к одному из ее доблестных представителей, он вряд ли примет сторону контрразведки.

Разногласия между УИБ и армейской контрразведкой, конец которым не смог положить даже авторитет лично вмешавшегося в конфликт императора, давно уже стали данностью для всех граждан Империи, хоть как-то контактировавших с любой из этих организаций, так что вряд ли Юлий сказал майору что-то новое и сильно его удивил.

– Вы – хам и наглец, – сказал майор.

– Поосторожнее с такими словами, – заметил Юлий, пуская очередной клуб дыма. – Императорский эдикт о разрешении дуэлей еще никто не отменял, а за такие слова я могу бросить вам вызов. Хоть вы и не аристократ и поединок с вами не сделает мне большой чести, но я готов пойти на такой риск. Вы хорошо фехтуете? А стреляете как?

– Я не буду с вами драться, – сказал майор Дэвис.

– Ваше право, – сказал Юлий. – Хотите иметь подпорченную репутацию?

– Я вызвал вас не для того, чтобы говорить о моей репутации.

– Отлично. Давайте поговорим о том, что вас беспокоит.

– Вчера вы говорили о том, что Империя не нуждается в столь большом военном флоте, как наш.

– Говорил. И отвечаю за каждое сказанное слово.

– Вы хотели сказать, что император проявляет недальновидность, продолжая оснащать военно-космические силы

современными и более мощными боевыми кораблями?

– Про императора я и слова не говорил.

– Но приказ о формировании флота исходит от самого императора.

– Вы знаете, пришить мне измену императорской власти у вас вряд ли получится, равно как и неуважение по отношению к августейшей персоне. Если бы за пьяную болтовню привлекали к ответственности, дворянства бы не было вообще, а половина Империи сидела бы в лагерях.

– Вы хотите сказать, что все дворянство не уважает императора?

– Я хочу сказать, что император, кстати, я знаком с ним лично, вполне здравомыслящий человек, и он не усмотрит в подобных разговорах даже намек на угрозу его власти. А вы катите бочку на все дворянство, майор, а это опасно. Потому что если вы плюнете на дворянство, оно утрется. А вот если дворянство плюнет на вас, вы утонете.

А у майора потрясающее самообладание, подумал Юлий. Даже побагровел не так сильно, как я ожидал. Слюной на стол не капает, с кулаками на меня не бросается. Может, я что-то не так делаю?

Юлий хотел вызвать контрразведчика на дуэль и уложить его если и не в могилу, то хотя бы на больничную койку. Законы не запрещали дуэли между офицерами, но участники, если им обоим удавалось пережить поединок, должны были получить новые назначения уже на следующий день. Так решил император.

Контрразведчик был Юлию безразличен. Ему хотелось перевестись.

Если для этого требовалось проткнуть шпагой некоего майора Дэвиса, Юлий был готов пойти на такие жертвы.

Впрочем, пожилой, по меркам Юлия, майор прекрасно оценивает свои шансы в дуэли с молодым капитаном и явно будет уваливать от поединка по мере возможностей. И ничего с этим не сделаешь, подумал Юлий. Контрразведчику не грозит опасность не вернуться с боевого задания, и он явно собрался жить вечно. Он не будет рисковать, потому что даже риск обычной дуэли на пистолетах – пятьдесят на пятьдесят – это для него слишком много.

– Вы также называли антитеррористическую операцию, в которой мы все участвуем, войной.

– Кто меня заложил? – спросил Юлий. – Кто этот стукач, кто та змея, которую я пригрел на своей груди? – Вариантов было всего два, но Юлий не собирался называть фамилии вслух и выдавать имя собеседника и собутыльника, который мог оказаться не при делах.

– Вы же понимаете, что я не имею права раскрывать свои источники информации, – важно сказал майор Дэвис, радуясь, что ему удалось задеть Юлия за живое. – Так называли или нет?

– Называл, – сказал Юлий. – И готов признать, что я был не прав.

– Вот как?

– Да. Это не война. Это бойня. Наша эскадрилья уже потеряла двадцать пять процентов личного состава, и я думаю, что это еще цветочки.

– Ага, – сказал майор Дэвис, делая пометку в личном деле, – так вы признаете себя виновным?

– В чем? – спросил Юлий.

– В сеянии смуты и подстрекательстве.

– Подстрекательстве к чему?

– К военному мятежу. Вы сказали, что любой адмирал может объявить себя императором, поднять мятеж и попытаться захватить власть силой. Кого из адмиралов вы имели в виду?

– Никого. Это был гипотетический адмирал. Можете считать его собирательным образом.

– Я все же хотел бы знать, кого из адмиралов вы подозреваете в измене.

– Адмирала Клейтона, – ляпнул Юлий, назвав имя адмирала, которого можно было заподозрить в измене в последнюю очередь.

– Командующего Третьим военно-космическим флотом?

– Ну да, – сказал Юлий. – Или вы знаете другого адмирала Клейтона?

– Того самого адмирала, адъютантом которого служит ваш старший брат?

– Гай служит у Клейтона? Вот это сюрприз! Впрочем, для него карьера всегда была на первом месте.

– Значит, у вас есть информация из первых рук? – допытывался майор, которому уже наверняка мерещились сенсационное расследование, раскрытие чудовищного заговора против императора, награды, повышения по службе и, чем черт не шутит, пожалование дворянского титула. – Адмирал собирается убить императора? Взять в заложники? Где это произойдет? На какой день назначена операция?

Юлий посмотрел на настенный календарь.

– Акция назначена на тридцать первое сентября, когда император будет производить плановую ревизию военной базы в Луна-Сити, – сказал Юлий. – Началом операции будут три зеленых свистка вверх. Вы нормальный человек, майор? Шутки понимаете?

– Я слышал, что вы хотите застрелиться, капитан, – сказал майор Дэвис. – Рекомендую вам с этим не затягивать.

Когда Юлий вернулся в свои апартаменты, первое, что он увидел, были ноги Клозе, лежащие на письменном столе. Остальная часть вышеозначенного джентльмена возлежала в единственном в помещении кресле и курила.

– Классно я тебя заложил? – бодро спросил Клозе.

– Классно, – сказал Юлий.

– Наплел все, как мы и договаривались, – сказал Клозе. – Приятное это чувство – подвести кого-нибудь под монастырь. Ну, все выгорело? Кого он выбрал своим секундантом? На чем будете драться? И, главное, когда ты его уколошишь?

– Никогда. Он дал мне понять, что не будет драться со мной ни под каким соусом, – сказал Юлий.

– Может быть, ты плохо старался?

– Я хорошо старался, – сказал Юлий. – Я намекнул ему, что считаю его трусом, подлецом, плебеем и дураком.

– Оторвался от души? – уточнил Клозе.

– И я все время окуривал его самой вонючей сигарой, какую

только смог здесь отыскать. Но он все равно не клюнул.

– Это значит, что он на самом деле трус, подлец и плебей, – сказал Клозе. – Но не дурак.

– Похоже на то. – Юлий устало бухнулся на диван, снял рубашку и набулькал себе минералки.

– Но сама идея с переводом после дуэли мне нравится, – сказал Клозе. – С твоей стороны это был просто проблеск гениальности. Осталось только найти другого кандидата на роль соперника. Предлагаю себя. Мне местный климат тоже не нравится.

– Не выйдет, – сказал Юлий. – Я не могу драться с рядовыми или капелланом, и единственный офицер на базе, который при этом не является пилотом, это Дэвис, а он отказался.

– А почему это ты не можешь драться с пилотами?

– Отец этого никогда не одобрит, – сказал Юлий. – Он не любит контрразведку, так кто ж ее любит, но идею дуэли с пилотом, да еще во время военных действий, когда на базе каждый человек на счету, отец не поймет.

– Тебе сколько лет?

– Двадцать пять.

– И тебя до сих пор волнует мнение твоего отца?

– Да. И будет волновать впредь до тех пор, пока в руках этого старикана судьба моего наследства.

– Это тяжело, – сказал Клозе.

– Конечно. Я – младший, и не очень рассчитываю на основной титул, но не отказался бы от кучки-другой денег.

– Значит, вариант с дуэлью отпадает?

– До тех пор, пока нам не пришлют другого контрразведчика. Но, поскольку они сидят в тылу, у них очень низкая ротация кадров, и на это рассчитывать не приходится.

– Может, тебе все-таки подраться с капелланом? Он ведь не католик и все такое.

– Мой отец тоже не католик, но он не одобряет, когда церковь ввязывают в светские дела. Кроме того, капеллан может и не иметь

права драться. Я не силен в религии, но ребята вроде бы против насилия.

– Да ну? – удивился Клозе. – А Крестовые походы, рыцари-храмовники, всякие там джихады, газаваты, костры инквизиции? Это не насилие? А что тогда? Посиделки с печеньем?

– Хорошо, скажем по-другому. Церковь не склонна к насилию, когда не видит в этом выгоды для себя, – сказал Юлий. – К тому же капеллан у нас иудей, и меня могут обвинить в шовинизме и антисемитизме, что тоже не понравится моему отцу.

– А твоему отцу понравится, если тебя убьют?

– Думаю, да. Смерть на поле брани всегда считалась достойным и традиционным поступком для нашего рода.

– Я удивлен, что ваш род до сих пор не вымер, – сказал Клозе.

– Он на грани, – сказал Юлий. – Самое забавное в том, что, хотя такой исход считается особенно почетным, ни один из Морганов никогда не бывал убит во время военных действий. Морганов постепенно вымирают, но их воинский долг тут совершенно ни при чем.

– А у меня просто дикое количество братьев и сестер, – пожаловался Клозе. – Наследство и так маленькое, так еще и придется делить его на черт знает сколько рыл.

– Ты поэтому хочешь остаться в армии?

– Я совсем не горю желанием пасть смертью храбрых и с удовольствием перевелся бы на более приятную планету, – сказал Клозе. – Но уйти из армии насовсем я не могу. Чтобы уходить, надо иметь место, куда ты можешь уйти.

– Я могу взять тебя своим секретарем, – сказал Юлий. – Непыльная работенка, причем в секретарей Морганов почти не стреляют.

– Благодарю. Я польщен и все такое прочее, но я, черт бы меня побрал, барон, а место секретаря графа – не самое престижное место работы для барона.

– Тоже верно, – сказал Юлий.

– Другое дело, если бы ты был императором или хотя бы каким-

нибудь принцем, – сказал Клозе.

– У императора в секретарях ходит герцог, – напомнил Юлий.

– Но если бы ты был императором, ты мог бы даровать мне и новый титул.

– Если бы я был императором, я бы тебя расстрелял, – сказал Юлий. – Как подрывной элемент. Себя, впрочем, тоже.

– Император не может расстрелять сам себя. По крайней мере, раньше такого никто не делал.

– Всегда приятно хоть в чем-то быть первым. У тебя какие планы на сегодня?

– Сегодня у меня занятия в тактической группе, на которые я уже опаздываю, – сказал Клозе.

– Их все еще ведет майор Шилдс?

– С прошлой недели ничего не изменилось.

– Кроме летного состава, – сказал Юлий. – Я из него выпал.

Оставшись в одиночестве, Юлий окончательно разделся и лег на кровать. Снаружи было прохладно, но на базе еще в прошлом месяце полетел климатизатор, и в жилых помещениях царило перманентное лето, хоть каким-то образом оправдывая название планеты, на которой находилась база 348-М.

Планета называлась Сахарой.

Юлий находил, что это превосходная шутка. Единственное, что у планеты было общего с одноименной пустыней, это название.

Как уже упоминалось выше, поверхность планеты на девяносто процентов состояла из болот. Это были самые противные болота, которые Юлию доводилось видеть в жизни. В этих болотах, помимо комаров, мошек, жаб и прочего гнуса обитали довольно крупные хищники, похожие на динозавров, а также сепаратисты.

Сепаратистов Юлий считал идиотами. Они воевали за признание их планеты автономной, но у них не было на это ни единого шанса. Жалкая горстка не присоединившихся к земной Империи планет находилась на отшибе, от Империи их отделяла не одна звездная система, а между Сахарой и ближайшей границей Империи лежало аж четыре системы, и при этом Сахара находилась внутри имперской

территории. Требовать независимости в такой ситуации просто глупо. Ну, дадут тебе эту независимость, и что ты будешь с ней делать, когда кругом одни враги?

Тем более что Империя воевала не только за свою территориальную целостность. На Сахаре находились вторые по объему месторождения дорогого и используемого в наукоемких областях промышленности сверхтяжелого металла тетрадона, и отдавать такое богатство сепаратистам никто не собирался.

Зато наличие этого металла здорово осложнило войну. Одним из условий его образования в планетарных породах было наличие сильного аномального магнитного поля, которое сводило к нулю возможности применения высокоточного оружия, а также делало невозможными военные действия «орбита – поверхность». Постоянно висящий над планетой облачный слой сводил на нет все попытки визуального наблюдения за поверхностью и наведения ракет и лазеров, так что воевать пришлось по старинке, с использованием малых и сверхмалых летательных кораблей, а также болотоходов, танков и десанта.

Конечно, сепаратисты сильно уступали Империи в плане технического оснащения, но зато у них был тетрадон, который они с успехом обменивали у контрабандистов на оружие и припасы. Примерно восемьдесят процентов контрабандистов перехватывались имперскими силами на подлете, но выгода была слишком велика, и поток желающих сделать быстрый и незаконный бизнес на бартере тетрадона не ослабевал, а Империя почему-то все время отказывалась сконцентрировать у планеты силы, достаточные для ее полной внешней блокады.

Битва за Сахару длилась уже три года, и, насколько Юлий мог судить, в обозримом будущем конца этой битвы видно не было.

Летный состав на Сахаре меняли каждые полгода, артиллеристов – каждые четыре месяца, десантников – каждые два. Юлию оставалось еще больше трех месяцев до того, как его переведут в более безопасное место.

Конечно, Юлий был молод и у него были кое-какие идеалы. Он вполне допускал мысль о том, что он может умереть в бою... при соблюдении некоторых условий. Это должен быть бой за то, что ему на самом деле дорого. За родную планету, за любимую младшую

сестру, за школу, в которой он учился, и за учительницу, в которую он три года был тайно влюблен. Но умирать за чьи-то финансовые интересы, пусть даже это были интересы его Империи, он не собирался.

По сути, Империя и сепаратисты не отстаивали на Сахаре никаких идей и не защищали своих свобод. Обе стороны откровенно рубились за бабки, причем бабки эти получали совсем не те люди, что убивали друг друга на болотах. Юлий подозревал, что истинные лидеры сепаратистов обитают на какой-нибудь другой планете, в полной безопасности и комфорте, и руководят военными действиями издалека, отслеживая только финансовые потоки. Вполне может быть, что именно они направляют сюда корабли контрабандистов. Как ни посмотри, это выгодный бизнес. Оружие в Империи дешево и легкодоступно на любом из армейских складов, а тетрадон – дорог и пользуется бешеным спросом. При этом покупатели крайне редко интересуются происхождением металла...

Юлий и сам не заметил, как заснул. Разбудил его вызов полковника Ройса. С Юлия сняли все ограничения, и он снова был допущен к полетам. А значит, стал еще на шаг ближе к смерти.

ГЛАВА 5

Через два дня пятнадцать пилотов, в том числе и Юлий, были вызваны в тактический отдел для инструктажа перед боевым заданием. Инструктаж проводил подполковник Финли, глава разведсектора.

Финли было лет сорок, и он был похож на какого-то актера из голографического сериала, но Юлий не помнил, на какого именно. Те же загар, ежик седых волос и пронзительный взгляд серых глаз. Финли, видимо, знал об этом сходстве, поэтому носил тросточку, как и тот актер, и очки без диоптрий. В век совершенства медицинских технологий это выглядело не просто старомодно, но и смешно. Тем более в армии, представители которой должны являть собой воплощение телесной безукоризненности.

Еще Финли был очень смелым человеком, а на взгляд Юлия это являлось большим недостатком для разведчика.

Идеальный разведчик, опять же в представлении Юлия, должен быть законченным трусом и перестраховщиком. Он должен десять тысяч раз проверить и сопоставить полученные им сведения, прежде чем отправить людей в бой, который вполне может для кого-то из них стать последним.

Но Финли был не из таких. Он был отчаянный смельчак, каким может быть только человек, твердо знающий, что его боевой пост находится в тылу, и не утруждал себя длительным анализом ситуации. Он обожал «разведку боем» и на памяти Юлия трижды отправлял людей бомбить вражеские объекты, называя такие полеты «легкими прогулками» и не удосужившись проверить наличие вокруг объектов противовоздушной обороны. На одной из таких «легких прогулок» Юлий потерял восьмерых своих коллег и вернулся на базу на искалеченном истребителе, состоящем исключительно из пробоин, сквозных дыр и очагов возгорания. Для него до сих пор оставалось загадкой, каким чудом эти жалкие останки сумели принести его обратно на базу.

К слову, в том бою Юлию и отстрелили его былую смелость. Там, над болотами Сахары, он потерял свои иллюзии, разуверился в том, что он является пупом земли, и окончательно осознал свою уязвимость в принципе и преходящесть бытия вообще.

Он больше не чувствовал себя бессмертным, и из отчаянного и безбашенного летуна превратился в осторожного и очень дотошного пилота. Прошло упоение боем, канули в прошлое пижонские выкрутасы и бесполезные в схватке фигуры высшего пилотажа. Теперь он просто выполнял задание, уворачивался от зениток, уходил от истребителей противника, не вступая с ними в огневой контакт, и максимально быстро возвращался на базу.

Впрочем, с течением времени подобные метаморфозы происходили с большей частью пилотов, которые прилетали на Сахару беззаботными лихачами, а улетали, если им посчастливилось выжить, умудренными и очень аккуратными ветеранами.

Юлий вошел в помещение для инструктажа одним из последних, и от него не укрылось присутствие Клозе, сидевшего за столиком в первом ряду. Юлию это не понравилось. Клозе пробыл на Сахаре столько же, сколько и Юлий, и до сих пор не потерял своей храбрости, а также веры в собственную неуязвимость. Это означало, что он первый кандидат в покойники и летать рядом с ним было опасно.

Юлий вздохнул и уселся за столик в последнем ряду. С соседнего места ему подмигнул Карсон.

Убедившись, что все собрались, подполковник Финли постучал тростью по крышке своего стола, призывая всех к тишине. Приглушенные разговоры смолкли.

– Приветствую вас, джентльмены, – весело сказал Финли. – Завтра утром вам предстоит легкая прогулка.

Присутствующие застонали. Финли улыбнулся.

– Ничего серьезного, – сказал он. – К «болотным тварям» прибыл корабль контрабандистов, и завтра он, нагруженный украденным у Империи тетрадоном, собирается покинуть локальное пространство Сахары. Первая цель вашего полета – уничтожить корабль до того, как он выйдет на орбиту и увезет отсюда свой драгоценный груз.

Дерьмо, подумал Юлий. Корабли контрабандистов обычно несли на себе тяжелое вооружение и запросто могли противостоять пяти-шести легким имперским истребителям. Контрабандиста нужно было встречать на орбите, но кто знает, где именно он на нее выйдет, если место старта и траекторию атмосферного полета определить

невозможно? Это будет та еще легкая прогулка, подумал он.

– Попутно вы должны уничтожить космодром, с которого он стартует, – продолжал Финли. – Космодром находится в квадрате Зэт-13. Знакомое место, не правда ли?

Стоны усилились. Место было знакомым до отвращения. Это был наиболее хорошо укрепленный район сепаратистов, и десант уже трижды обламывал зубы, пытаясь взять его штурмом. Потери каждый раз исчислялись сотнями человек.

В этом районе было сосредоточено до половины зенитных батарей противника плюс на космодроме базировалось около пятидесяти устаревших, но еще способных летать истребителей.

Непонятно, кому придется хуже, подумал Юлий. Тем, кто попытается перехватить контрабандиста, или тем, кто будет долбить космодром. Пожалуй, тут не угадаешь.

– Но как вы понимаете, это еще не все, – сказал Финли. – По нашим сведениям, контрабандист привез «болотным тварям» стационарные установки Ф-12 «Гладиолус». Кто-нибудь знает, что это такое?

Юлий не застонал вместе со всеми. Ему хотелось не стонать, а орать и ругаться нецензурно.

Он знал, что это такое. В академии проходил.

– Так кто-нибудь знает? – снова спросил Финли.

– Ф-12 «Гладиолус» – это крупнокалиберный восемнадцатиствольный зенитный пулемет, – озвучил общую мысль Клозе. – В просторечье – «дуршлаг». Старье, конечно, но против наших истребителей это старье будет весьма эффективно. Одна пуля способна оторвать истребителю крыло, а «дуршлаг» таких пуль выпускает тридцать шесть в секунду. Иными словами, это полный п...ц.

Ага, смельчаку Клозе тоже хочется ругаться нецензурно. И титул барона ему совершенно в этом не мешает.

– Сказано грубовато, но подмечено верно, – добродушно подтвердил Финли. – По сведениям из достоверных источников этот, как вы изволили выразиться, полный п...ц еще не поступил к «болотным тварям» на вооружение и хранится на складе в тридцати

километрах от космодрома. Этот склад и будет третьей вашей целью, и я думаю, мне нет нужды объяснять, что уничтожить его в ваших же собственных интересах.

Два удара с орбиты, подумал Юлий. Два удара, и все. Если бы не эта чертова магнитная аномалия и не эти скотские облака. Два удара с орбиты, и никто бы не пострадал. Фигурально выражаясь. По крайней мере, никто не пострадал бы с нашей стороны.

– Операция носит кодовое название «Всплеск», – сказал Финли. – В ней будет задействовано сорок пять истребителей – три группы по пятнадцать машин в каждой. «Синяя» группа занимается кораблем контрабандистов, «красная» группа атакует космодром, а «зеленая» – склад. Хочу вас поздравить, джентльмены, вы – «красная» группа.

Все, подумал Юлий. Это конец. Хуже быть не может. Наверняка космодром охраняется куда лучше какого-то склада. Складов много, а космодромов, способных принимать тяжелые суда, – считанные единицы.

– Операция начнется завтра в одиннадцать ноль-ноль, – сказал Финли. – Подробные летные задания будут загружены в ваши компьютеры, как обычно, за час перед вылетом. Удачи вам, джентльмены. У кого-нибудь есть вопросы?

– У меня вопрос, – сказал Клозе. – Конечно, я из «красной» группы и вроде бы это не мое собачье дело, однако мне просто любопытно. Известен ли нам класс корабля контрабандистов?

– Да, – сказал Финли. – Это списанный двадцать два года назад имперский линейный крейсер класса «деструктор».

Я был не прав, подумал Юлий. Может быть и хуже. Например, «синей» группе. Пятнадцать легких «игрек-крылов» против линейного крейсера, пусть даже и списанного. Если у них ничего не выйдет, эта хреновина может свалиться нам прямо на головы. И почему я не наплевал на мнение предка и не пошел в артиллеристы?

– Охренеть, – сказал Клозе, чем опять высказал общее мнение.

– Мы полагаем, что большая часть вооружения с крейсера снята, – успокоил их Финли. – Иначе корабль был бы слишком тяжел и не был бы способен взять на борт большое количество груза.

– Что значит «большая часть вооружения»? – поинтересовался

Юлий. – Разве теперь списанные корабли продают с полным боезапасом? Раньше с них снимали все, кроме двигателей и системы навигации.

– Корабль был продан независимой планете Хорезм именно в качестве боевого судна, – сказал Финли. – Поэтому вооружение, кроме главного калибра, с него не демонтировалось.

Кто-то хорошо нагрел руки на этой сделке, подумал Юлий. А теперь корабль вернулся в Империю и нам придется иметь с ним дело. Даже без главного калибра линейный крейсер представляет собой опасную боевую единицу.

– У меня еще вопрос, – сказал Клозе. – Хотелось бы знать, почему этот «деструктор» не был перехвачен при входе в систему кораблями, осуществляющими блокаду локального пространства Сахары?

– Этот вопрос не имеет ничего общего с обсуждаемой нами операцией, – отрезал Финли. – Если у вас есть вопросы по существу – спрашивайте, если нет – желаю вам удачи и до свидания.

– У меня вопрос по существу, – сказал Юлий. – На базе есть адвокат, чтобы заверить наши завещания?

– Как быстро известят родственников? – спросил Карсон. – Мои братья будут счастливы узнать, что я отлетал свое.

– Без паники, джентльмены, – сказал Финли. – У меня есть все основания полагать, что все пройдет куда проще, чем вам сейчас кажется.

– Для того чтобы спросить нас, как все прошло, вам придется прибегнуть к услугам медиума, подполковник, – сказал Клозе, ставя в дискуссии точку.

Юлий собирался ускользнуть к себе сразу после брифинга, но был отловлен на выходе сидевшим рядом Карсоном. Избавиться от Карсона в течение первых шести секунд не удалось, а потом к ним присоединился Клозе, и Юлию пришлось вместе со всеми тащиться в бар офицерского клуба.

Они заказали пиво. Даже Юлий был не настолько сумасшедшим, чтобы накачиваться перед боевым вылетом.

В офицерском клубе собрались все три группы завтрашних камикадзе. Среди летного состава царила легкая паника, временами перераставшая в истерию.

– Операция «Всплеск», – сказал Юлий. – Им следовало назвать эту операцию «Армагеддон». «Четыре всадника Апокалипсиса», «Ураган смерти», «Тотальное самоубийство» – вот как ей следовало называться. Что это за название для такой операции – «Всплеск»?

– Мы в заднице, – сказал Дэрринджер. Он попал в «синюю» группу, и на его долю достался «деструктор». – В очень глубокой и вонючей заднице. Завтра нас всех убьют.

Они вчетвером сидели за столиком в углу. Не хватало их постоянного спутника – Малышева, но тому крупно повезло. Он в завтрашнем вылете участия не принимал.

А сейчас он был просто занят на дежурстве.

– Я его убью, – сказал Карсон. – Финли, я имею в виду. Я убью его, если только вернусь с завтрашнего задания. Богом клянусь, я прикончу этого засранца. «Мы полагаем, что большая часть вооружения с крейсера снята». Вы знаете, что это значит, когда разведка говорит «мы полагаем»? Это значит «мы ни хрена не знаем по интересующему вас вопросу, ребята».

– А когда разведка говорит «по сведениям из достоверных источников», это означает «нам чертовски хотелось бы надеяться, что это так», – подхватил Юлий. – Эти «дуршлаг» у повстанцев уже, небось, по всему защитному периметру натканы.

В баре шло шумное обсуждение на предмет, кому не повезло больше. Каждая группа склонялась к мнению, что больше всего не повезло именно ей.

«Синие» говорили, что линейный крейсер класса «деструктор», пусть даже списанный двадцать с лишним лет назад, это не хухры-мухры и бросаться на такую машину с единственным звеном истребителей – самый примитивный способ свести с этой жизнью всяческие счета. В атмосферном бою «деструктор» способен уничтожить средних размеров город, на каждом его борту находятся четыре лазерные батареи и два торпедных отсека. Правда, торпеды он сможет задействовать, только выйдя в открытый космос, ибо они предназначены для использования в вакууме, но на пятнадцать истребителей и лазеров за глаза хватит.

«Красные» утверждали, что столь важный стратегический объект, каким является космодром, сепаратисты будут хранить, как зеницу ока, что там и в прошлый раз было полно зениток, а теперь там, небось, и плюнуть-то некуда будет, что там наверняка уже куча этих чертовых «гладиолусов» и что даже если повстанцы решат разменять свои устаревшие истребители на имперские в пропорции пять к одному, то, со скидкой на наземную поддержку, на базу не вернется никто.

Это все фигня, говорили представители «зеленой» группы. Какой-то жалкий космодром и никчемный линейный крейсер, списанный в допотопные времена. В последнее время у сепаратистов плохо с противовоздушной обороной, и за такие комплексы, как «гладиолусы», они будут держаться руками, ногами, зубами и всем остальным, что у них только есть. По сути, эти комплексы – единственный шанс сепаратистов, чтобы как-то сдержать наше превосходство в воздухе, и вряд ли они этот шанс сдадут за здорово живешь.

С этим Юлий был, пожалуй, согласен. Зениткам повстанцев не хватало эффективности, а их устаревшие ракеты класса «земля-воздух» хотя и не взрывались на старте, но числили за собой один весьма существенный недостаток: они прекрасно взрывались в воздухе, но попасть такой ракетой в истребитель было практически невозможно.

Имперские технологии ушли далеко вперед, и «игрек-крылы», на которых летал Юлий сотоварищи, развивали куда большую скорость, чем те ракеты, которые были призваны их сбивать. Любой пилот мог легко уйти от сего снаряда на скорости, даже не прибегая к форсажу.

Поэтому имперцев сбивали не так уж часто. По крайней мере, не так часто, как могли бы.

А пулемет, да еще с такой дикой скорострельностью, как у «дуршлага», может запросто изменить эту статистику в худшую для Империи сторону.

Юлий пил пиво и думал, что если он хочет застрелиться, то сегодня вечером у него есть последний шанс это сделать. Потому что завтра их всех, скорее всего, убьют.

Чем больше он думал об операции, тем больше она ему не нравилась. Сорок пять «игреков» могли легко решить любую из

поставленных задач. Но только одну. Или крейсер, или склад, или космодром. Но распылять силы на поражение одновременно трех целей сразу...

Конечно, полковник Ройс решил провести красивую операцию, собираясь накрыть три вражеских объекта одним ударом. А сорок пять судов – это максимальное количество истребителей, которое можно задействовать в антитеррористической операции, не признавая ее чем-то большим и не давая общественности повода голосить о начале гражданской войны. Полковник Ройс хочет выслужиться и стать генералом. На пилотов ему, ясное дело, плевать: как-нибудь да выкрутятся, не зря же их в академии учили.

Юлий отметил, что из пятнадцати пилотов «красной» группы он был единственным капитаном и его наверняка назначат ее командиром, отчего впал в еще большую тоску. Юлий не хотел отвечать за жизни других людей. Он и свою-то собственную жизнь не мог контролировать.

Юлий не любил ответственности, хотя прекрасно понимал, что за других людей в армии не отвечают только рядовые. Однако он старался свести свою личную ответственность к минимуму. Он вел себя так, что его редко назначали командиром группы, старался пилотировать только одноместные корабли, а когда был ведущим, то рекомендовал ведомому не лезть в самое пекло, предпочитая влезать туда первым.

Похоже, что завтра ему придется отвечать не только за себя, но еще за четырнадцать человек, в том числе за Карсона и Клозе. Ой, как погано, подумал Юлий.

– Это полный идиотизм, – говорил тем временем Карсон. – Чертов крейсер можно и отпустить, от одного корабля тетрадона Империя не обеднеет. И чертов космодром тоже может подождать. Для нас главное – избавиться от этих чертовых пулеметов, этим мы и должны были заниматься. Но чертово начальство решило, что мы, лихие леталы, способны накрыть три чертовы цели разом, и завтра нам порвут наши чертовы задницы.

– У тебя очень бедный словарный запас, – заметил Клозе. – Флот во все времена держал пальму первенства в области виртуозных ругательств, но из-за таких людей, как ты, Карсон, наше лидерство может попасть под сомнение. Неужели ты не можешь подобрать

других эпитетов, кроме слова «чертов»?

– Это я волнуюсь, – объяснил Карсон. – А когда я волнуюсь, я не забочусь о выборе слов.

– Зря, – нравоучительно сказал Клозе. – Правильно подобранное словцо может облегчить душу.

– Ты совсем не нервничаешь? – спросил Карсон.

– Все там будем, – сказал Клозе, неопределенно махнув рукой то ли в сторону пола, то ли в сторону барной стойки.

– Я не хотел бы торопиться, – сказал Карсон.

– Это армия, – терпеливо объяснил Клозе. – А армия славится тем, что в ней никто не может выбрать дату своей собственной смерти.

– Зато может назначить дату смерти своих подчиненных, – заметил Юлий.

– Это называется «вертикалью командования», – сказал Клозе. – Полковники и майоры указывают, когда умирать капитанам и лейтенантам, генералы и адмиралы назначают рандеву с костлявой полковникам и майорам, а император волен отправить генералов и адмиралов в пасть дьяволу в любой момент по его собственному желанию.

– Твои бы слова да контрразведчику в уши, – сказал Юлий.

– Плевать я хотел на контрразведчика, – сказал Клозе. – Если завтра мы вернемся на базу, то мы будем героями, а если нет – покойниками. Ни тех, ни других мнение контрразведки не интересует.

– Всю жизнь мечтал стать героем, – сказал Дэрринджер.

– Это армия, – сказал Клозе. – Здесь каждый может стать героем, но у большинства это получается посмертно.

– Я смотрю, ты тоже не любишь армию, – сказал Юлий.

– Я никого не люблю, – объявил Клозе. – Я – эгоист и нарцисс. Я люблю только самого себя, а на окружающих я плевать хотел. Мир безумен, и ваша армия – лишь единичный случай кретинизма в ряду всеобщего помешательства.

– Точь-в-точь то, что я сам чувствую, – сказал Юлий.

– Значит, мы понимаем друг друга, – сказал Клозе, и они пожали друг другу руки.

– Но героями мы на этой войне не станем, – сказал Юлий.

– Это еще почему? – встрепнулся Дэрринджер. Видать, ему очень хотелось стать героем.

– Во-первых, потому что это не война, а антитеррористическая операция, – сказал Юлий. – А во-вторых, чтобы стать героем, надо как минимум знать, за что ты воюешь.

– В смысле? – спросил Дэрринджер.

– Вот за что ты здесь воюешь? – спросил Юлий.

– За территориальную целостность Империи, – сказал Дэрринджер.

Клозе фыркнул.

– Чушь, – сказал Юлий. – Пропаганда для новобранцев, обычная лапша для легковерных. Сам подумай, как эти гады всерьез собираются быть независимыми от Империи, если Империя окружает их долбанную планету со всех сторон? Это ж абсурд.

– А чего они тогда воюют?

– У тебя мозги есть? – спросил Юлий.

– Где-то были, – сказал Дэрринджер.

– Так вытащи их из того места, где они у тебя находятся, и вставь их туда, где они должны быть, – посоветовал Юлий. – Все просто, как навигация в трехмерном пространстве. Война тянется уже фиг знает сколько с лишним лет. Неужели ты всерьез полагаешь, что вся военная мощь Империи не смогла бы за это время подавить сопротивление какой-то вшивой кучки повстанцев?

– Теоретически могла бы, – сказал Дэрринджер. – Ну так на деле же не смогла.

– Потому что не хотела, – сказал Юлий.

– А почему не хотела? – спросил Дэрринджер.

– Потому, что эта война кому-то выгодна.

– Кому выгодно? – спросил Дэрринджер.

– Фамилий и должностей я, извини, не знаю, – сказал Юлий. – Но любой здравомыслящий человек поймет, что эта война – лучший способ искусственно поддерживать высокие цены на тетрадон.

– Да? – удивился Дэрринджер.

– Я, конечно, идиот, – признался Клозе. – Но по сравнению с тобой я выгляжу гением. Ты не мог бы после отставки время от времени составлять мне компанию, чтобы поднять мой авторитет в глазах гражданского населения?

– По-моему, ты хочешь меня обидеть, – сказал Дэрринджер.

– Тебе просто показалось, – сказал Клозе.

– Сыграем в покер? – предложил Карсон. – Кто знает, представится ли нам еще такая возможность.

– Представится, – успокоил его Клозе. – В аду разрешены азартные игры.

– Так будем играть или нет?

– Это идти надо, – сказал Юлий. – А идти мне лень.

– Не надо никуда идти, – сказал Карсон. – У меня колода с собой.

– Крапленая? – поинтересовался Дэрринджер.

– Маньяк, – констатировал Клозе.

Карсон вытащил из кармана засаленную колоду карт и принялся тасовать их движениями заправского шулера.

Тут же рядом со столиком нарисовался капитан Стивенс, которому, судя по всему, предстояло руководить атакой «синих». Ему было тридцать, он был аристократ и выходец с Земли и вот-вот должен был получить звание майора. Стивенс был очень осторожным пилотом и потому нравился Юлию.

– Во что играете? – спросил Стивенс.

– Пока ни во что, – сказал Клозе.

– А во что собираетесь играть? – терпеливо спросил Стивенс.

– В покер, – сказал Клозе.

– Я присоединюсь?

– Почему нет, – сказал Клозе. – Чем больше народу, тем больше денег огребет Юлий в конце игры.

Юлий церемонно поклонился, не вставая со стула.

– Я рискну, – сказал Стивенс и подвинул свободный стул. Клозе и Дэрринджер потеснились, давая ему место.

– Пять карт, играем в открытую, – объявил Карсон, сдавая по две карты рубашкой вверх. – Джокер в игре, максимальная ставка не ограничена, но имейте совесть, джентльмены. Помните, что мы можем элементарно не успеть потратить свой выигрыш. Главное – наслаждение игрой.

Карсон сдал еще по три карты рубашкой вниз. Юлию пришлось две десятки в открытую, и он поставил два доллара, даже не заглядывая в закрытые карты. Его поддержали все, кроме Дэрринджера, который сразу сбросил карты, получив непарную мелочь.

– Что вы думаете по поводу предстоящей завтра мясорубки, капитан? – поинтересовался Клозе.

Перед тем как ответить, Стивенс закурил трубку. Трубка у него была неправильной формы и очень уродливая, она была сделана из остатков спасательной капсулы, в которой Стивенс выбросился с подорвавшегося на кумулятивной мине крейсера. Это было во время войны с космическими пиратами, на которую Юлий, к своему великому счастью, опоздал. Сектор очистили от пиратов и без его участия. К сожалению, с сепаратистами этот номер не прошел.

– Я думаю, что завтра будет весело, – сказал Стивенс. – Так весело, что многие умрут от смеха. Наш истинный враг, джентльмены, это не сепаратисты, а господа из разведки, которые подкидывают нам такие задания. К великому моему огорчению, с ними очень трудно воевать. Не можем же мы разбомбить их к чертовой матери.

– Но идея хорошая, – сказал Юлий.

– Я только не могу понять, как наши тупоголовые братья на орбите могли проморгать и пропустить сюда целый «деструктор», – сказал Стивенс. – Таковую штуковину не замаскируешь под грузовик.

– Есть мнение, что они его заметили, но решили не связываться, переложив сию непыльную работенку на наши плечи, – сказал Юлий.

– И чье же это мнение, коллега? – спросил Стивенс.

– Мое, – сказал Юлий.

– Очень похоже на правду. К чему рисковать целым линкором рады добычи, с которой может справиться пара истребителей?

Юлий летал на «деструкторе» и хорошо знал, что он из себя представляет. Конечно, крейсер – при любом раскладе не линкор, но связка из хорошего пилота и неплохого канонира может противостоять и паре десятков «игреков». Оставалось только надеяться, что у контрабандистов нет неплохих канониров.

Потому что хорошие пилоты у них точно есть. В этом Юлий убедился на собственном опыте.

Пилотировать находящийся вне закона корабль гораздо труднее, чем делать то же самое с его легальным собратом. Помимо обычных проблем на пилота наваливается куча дополнительных нюансов, которые тоже надо учитывать.

Зато контрабандисты редко дерутся, предпочитая убежать. Может, у них все-таки нет приличных артиллеристов, а если и были, то потеряли квалификацию по причине отсутствия практики?

Ирония судьбы состояла в том, что линкору, обладающему огневым превосходством, куда проще задавить крейсер в атмосферном бою, нежели в бою орбитальном. Из-за присутствия атмосферы большие корабли теряют маневренность, и минимальное преимущество крейсера в мобильности, которым он обладает в космосе, практически улетучивается. Но тяжелые имперские корабли не имеют права входить в атмосферу планеты в рамках полицейской операции, которой тут вроде бы занимаются ВКС. А потому долбать «деструктор» придется Стивенсу сотоварищи.

– У меня есть идея, капитан, – сказал Юлий. – А почему бы вам не оказать орбитальным братьям ответную любезность, некоторое время промедлив и отпустив контрабандиста в их зону ответственности, не вступая с ним в тесный огневой контакт?

– Не знаю, какой вы тактик, но стратег из вас получится замечательный, – сказал Стивенс. – Вы подали мне весьма здравую мысль, и я как следует ее обдумую сегодняшним вечером.

– Жалко, что такая штука не пройдет в случае с космодромом, – заметил Клозе. – Этот уж точно никуда не денется из нашей собственной зоны ответственности.

– Увы, – сказал Карсон.

Клозе сменил одну карту, и теперь у него было две дамы. Стивенс, судя по всему, пытался собрать стрит. Юлий в свои закрытые карты пока так и не заглянул, что не мешало ему поддержать пятидолларовую ставку Клозе и поднять ее еще на два доллара.

Карсон бросил карты.

– У меня только одна просьба, капитан, – сказал Юлий Стивенсу. – Если вы все-таки решите подраться с крейсером, постарайтесь сделать так, чтобы его бранные останки не пали на наши головы, когда мы будем бодать космодром. Такое развитие событий представляется мне решительно неприятным.

– В таких делах ничего нельзя гарантировать, капитан, – ответил ему Стивенс. – Но мы постараемся.

– Уж будьте любезны, – сказал Юлий.

– Когда я учился в академии, мне на голову уронили гаубицу, – сказал Клозе. – С тех пор мне все по фигу.

– Откуда в летной академии гаубица? – любопытствовал Карсон.

– Это был макет, – объяснил Клозе. – Но он все равно был жутко тяжелый.

– Зачем вам в летной академии понадобился макет гаубицы? – продолжал допытываться Карсон.

– Откуда я знаю? – возмутился Клозе. – Мне не докладывали. Преподаватель назначил пятерых добровольцев и велел тащить чертову дуру из музея на плац.

– Курсанты летной академии все еще маршируют? – удивился Стивенс.

– Мы живем в продвинутое время, капитан, – сказал Клозе. – Вынесенное мною из академии умение маршировать оказалось одним из самых полезных моих навыков. С поры выпускных экзаменов я

маршировал целых два раза.

Юлий учился в академии примерно в одно время с Клозе, но не знал, врет тот или нет. Сам Юлий в академии ни гаубицы, ни ее макета не видел, зато он часто и очень подробно изучал плац.

Будущие пилоты маршировали по десять часов в неделю. При этом на летную практику отводилось всего восемь часов. Интересно, а чем занимаются в пехотных училищах? Учатся нырять с аквалангом? Или вышивают крестиком?

Стивенс поставил сразу десять долларов, и Юлий подумал, что тот блефует. Он уравнил ставку, накинул обычные два доллара сверху и уставился на Клозе с его парой дам.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сказал Клозе, – но ты еще не смотрел свои карты?

– Ты не ошибаешься, – сказал Юлий.

Клозе задумался. Пара дам против пары десятков и потенциального стрита, который, скорее всего, окажется блефом. Ситуация выигрышная, но он медлил.

Слухи о феноменальном везении Юлия в этой азартной игре уже вошли в список легенд военной базы 348-М на планете Сахара.

– Вы будете играть? – спросил Дэрринджер. – Мне уже надоело смотреть, как вы мучаете одну сдачу.

– Не торопи его, – сказал Юлий. – Человек думает.

– Да, я думаю, – сказал Клозе. – Не торопи меня.

– Не фиг думать, – сказал Юлий. – Гроссмейстеры в таких положениях сдаются.

– Не дождетесь, – сказал Клозе и уравнил ставки.

– Солидный банк, – заметил Стивенс. – Вскрываемся, джентльмены?

– Вскрываемся, – сказал Клозе. У него оказалось две пары – на дамах и на шестерках. Юлий удивился, увидев расклад Стивенса, на самом деле оказавшийся стритом, а вовсе не блефом, как Юлий предполагал.

Стивенс улыбался, предчувствуя выигрыш.

Юлий заглянул в свои закрытые карты.

– Повезло вам, ребята, – сказал он.

– Что у тебя? – спросил Клозе.

– Как и у тебя, – сказал Юлий. – Две пары.

Стивенс потянул руки к банку.

– Десятки, – объявил Юлий, а потом перевернул две закрытые карты. – И еще десятки.

Стивенс обалдело уставился на четыре карты одного номинала, а Юлий сгреб кучку банкнот к себе.

– Как ты это делаешь? – спросил Карсон.

– Никак, – Юлий пожал плечами. – Само получается.

– Это называется «прет», – объяснил Клозе. – За свою долгую и полную приключений жизнь я видел немного людей, которым бы так перло при игре в покер.

– Еще партеечку? – спросил Дэрринджер.

– Только пусть он не играет. – Карсон указал на Юлия. – Это нечестно, черт побери. Играть с ним в покер – все равно, что пытаться обыграть в шахматы тактический компьютер базы.

– Я могу и воздержаться от следующей сдачи, – сказал Юлий. – Мне добычи хватит, по крайней мере, на этот вечер.

– А я могу обыграть в шахматы тактический компьютер базы, – объявил Клозе.

– Врешь! – восхитился Карсон.

– Я никогда не вру, как и мой великий соотечественник барон Мюнхгаузен.

– Заметь, Карсон, они оба – бароны, – сказал Юлий. – Самое правдивое сословие в их фатерлянде.

– Зато графы обычно отличаются своей лживостью и двуличностью, – парировал Клозе.

– Пример! – потребовал Юлий.

– Граф Калиостро был шарлатаном.

– Еще.

– Граф де ла Фер служил в армии под чужим именем.

– Но более благородного человека Франция не знала.

– Это он-то благородный? Он нанял палача, чтобы тот казнил его собственную жену.

– Именно так и следует поступать с женщинами, – сказал Юлий. – Правда, не все нанимают для этого палачей. Синяя Борода устраивал все собственными руками.

– Граф Монте-Кристо устроил настоящую резню, – сказал Клозе.

– У него были на то все основания.

– Граф Стоксон состоял в заговоре с целью убить императора.

– Это да, – признал Юлий. – Тут ты меня подловил. Но в том заговоре была целая куча баронов.

– Бросайте свои дворянские заморочки и давайте играть в карты, – сказал Дэрринджер.

– Не лезь в наши дворянские заморочки, плебей.

– Это я-то плебей? Да моя двоюродная прабабка спала с маркизом!

– Наверняка это был маркиз Карабас, – сказал Клозе.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Куда тебе понять мои аристократические шутки, крестьянин.

– А не вызвать ли мне тебя на дуэль?

– Я не опущусь до поединка с плебсом.

– Скотина баронская, – сказал Дэрринджер. – Карсон, ты будешь раздавать или нет?

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Юлий. – Неохота совсем уж вас расстраивать.

– Что будешь делать? – спросил Клозе.

– Займусь трансцендентальной медитацией.

– Это в одиночку-то? Такие штуки до добра не доводят, – сказал Клозе. – Ослепнешь.

ГЛАВА 6

У организма Юлия была очень странная особенность. Когда он нервничал, его постоянно тянуло в сон. Если горизонт был безоблачен, Юлий мог бодрствовать целыми сутками, но если его что-то нервировало, то капитан все время зевал, клевал носом и предпочитал не вылезать из постели. Обычно это состояние проходило, когда опасность из потенциальной превращалась в реальную и с ней надо было что-то делать. Юлий знал, что стоит ему только сесть в свой «игрек», как он войдет в норму и всю сонливость как рукой снимет.

Юлий вернулся в свои апартаменты, озаботился запереть дверь и бухнулся на диван как есть, не раздеваясь. До самоубийственного полета оставалось еще почти двадцать часов, и большую часть этого времени он собирался провести в горизонтальном положении.

В пять часов вечера он проснулся от дикого стука в дверь, за которой обнаружились Клозе и Стивенс. Оба они были в ярости. Клозе от злости был бледный, а Стивенс – красный.

– Ребята, я выиграл не так много, – сказал Юлий. – Если бы я знал, что вы так расстроитесь, я бы никогда не стал этого делать. Хотите, я верну вам деньги?

Клозе молча отстранил Юлия, прошел в комнату, сел в кресло, вопреки своему обыкновению не положив ноги на стол. Клозе был трезв и страшен. Его била крупная дрожь.

Стивенс держался чуть лучше, но было видно, что делает он это из последних сил. Он сел на диван, с которого только что поднялся Юлий, и принялся яростно вертеть в руках свою трубку. Глядя на это, Юлий порадовался, что трубка сделана из очень прочного материала и повредить ее можно разве что прямым попаданием ракеты «земля-воздух».

Юлий закрыл дверь, пожал плечами, уселся на стул и закурил. Все молчали.

– Мне очень приятно вас видеть, – сказал Юлий, прикурив вторую сигарету от остатков первой. – Но если вы простите мне мою назойливость, то мне хотелось бы знать, чем я обязан приятностью вашего визита.

– Хмр, – прорычал Клозе.

– Точно подмечено, – сказал Юлий. – К сожалению, из этого высказывания я так и не понял сути вопроса, который привел вас ко мне.

– Это не лезет ни в какие ворота, – сообщил Стивенс. – Конечно, нехорошо говорить такие вещи о начальстве, но своей сегодняшней выходкой старый козел перешел все границы.

– Ваше сообщение более информативно, капитан, – признал Юлий. – Теперь хотелось бы понять, что вы имеете в виду. Больше всего меня интересуют две вещи: кого вы подразумеваете под «старым козлом» и что же именно он сделал.

– Час назад на базу прибыл транспорт, – сказал Клозе.

– Это событие как-то связано с высказыванием капитана?

– Ты знаешь, что это был за транспорт? – спросил Клозе.

– Нет, – сказал Юлий. – Я, знаешь ли, спал.

– Вот нервы у человека, – восхитился Стивенс. – А я перед боевым вылетом ворочаюсь всю ночь и засыпаю только перед рассветом. Это, конечно, если вылет с утра. Приходится всю дорогу воевать невыспавшимся.

– Это у меня так стресс проявляется, – признался Юлий. – Так что это был за транспорт?

– Обычный пассажирский транспорт, – сказал Клозе.

– И что же тебя так взбесило? – поинтересовался Юлий. – Нам прислали очередной оркестр, чтобы он сыграл на наших похоронах?

– Если бы, – сказал Стивенс.

– Мне надоело отгадывать загадки, – сказал Юлий. – Или говорите, что хотели, или выметайтесь отсюда и не мешайте мне спать.

– И ты сможешь спать после нашего визита? – спросил Клозе. – Неужели мы не пробудили твое любопытство?

– Еще немного, и вы пробудите во мне зверя, – пообещал Юлий.

– Я кроликов не боюсь, – сказал Клозе. – Я боюсь только Чебурашек с большими ушами.

- С меня хватит, – сказал Юлий. – Вон отсюда!
- Так просто мы не уйдем, – сказал Стивенс.
- Да, ты должен знать, что происходит на этой чертовой базе, – сказал Клозе.
- Тогда перестаньте валять дурака и расскажите мне.
- На этом транспорте к нам прибыло пополнение, – сказал Стивенс.
- О, – сказал Юлий, и ему захотелось спать еще сильнее.
- Ты понимаешь, что это значит? – спросил Клозе.
- Я не дурак, – с достоинством сказал Юлий. – Я прекрасно все понимаю.

Но Клозе все равно решил объяснить.

- Нам прислали пополнение, хотя наш вылет только завтра! Завтра мы идем в бой, а нам уже прислали замену! Нас всех уже списали, понимаешь?
- Понимаю, не ори, – сказал Юлий. – Большое пополнение?
- Сорок человек, – сказал Стивенс.
- А в бой завтра идут сорок пять, – добавил Клозе. – То есть начальство мило позволило пятерым из нас вернуться назад.
- Это хамство, – сказал Юлий. – Следующим ходом они должны запросить сорок истребителей на замену.
- Зачем? На базе всегда истребителей было больше, чем пилотов.
- Мы собираемся пойти к полковнику Ройсу и выразить ему наше недовольство, – сообщил Клозе. – Ты с нами пойдешь?
- Только из чувства корпоративной солидарности, – сказал Юлий. – Потому что этим визитом мы ничего не добьемся. Чего вы хотите, парни? Чтобы полковник отменил налет? Или добавил нам кораблей, нарушая уже составленный тактический план?
- Мы хотим, чтобы старый козел знал, что мы считаем его козлом, – сказал Клозе.
- Он и так догадывается, – сказал Юлий. – Конечно, его решение – идиотизм, но это тупик, ибо идиотизм начальника все равно имеет

для подчиненных форму приказа. Ты можешь считать полковника козлом, но не подчиниться ему ты все равно не имеешь права. Ты теперь в армии, сынок.

– Мы все знаем, что завтрашняя операция опасна, – сказал Стивенс. – Мы взрослые люди, и, когда мы шли в армию, мы предполагали, что можем быть убиты. Но этим пополнением полковник Ройс плюнул нам в душу.

– Откуда пополнение? – поинтересовался Юлий. – Кто эти парни?

– Молодняк, – сказал Стивенс. – Первое назначение после выпускных экзаменов.

– Ковбои, – сказал Клозе. – Мясо.

– Кто придумал посылать на войну необстрелянных юнцов?

– Какой-нибудь адмирал, – сказал Клозе. – Суть не в этом, а во времени, когда это пополнение сюда прибыло. Так ты пойдешь с нами к полковнику?

– Пошли, – обреченно сказал Юлий.

Обычно в это время полковника Ройса легче всего было застать в офицерском клубе, но сегодня он не решался и носа туда сунуть и забаррикадировался от осаждавших его пилотов в своем кабинете. Адъютант полковника грудью встал в дверном проеме, чтобы защитить своего босса, а перейти к решительным действиям и вышибить дверь кабинета начальника пилоты пока не решались.

Когда Юлий, Клозе и Стивенс вошли в приемную полковника, там наблюдались пятнадцать разъяренных пилотов и один испуганный адъютант. Все пилоты были участниками завтрашней акции.

– Полковник Ройс не может вас принять, – сообщил адъютант новоприбывшим.

– Почему? – спросил Стивенс.

– Он занят.

– Между прочим, вы разговариваете с офицером, капрал, – сказал Клозе.

– Так точно, сэр. Полковник Ройс занят, сэр.

– Чем он занят, капрал?

– Не могу знать, сэр.

– Дай мне попробовать, – сказал Юлий. – Капрал, вы знаете, кто я?

– Вы – капитан Морган, сэр.

– Имя римского императора и фамилия английского пирата, – пробормотал Клозе. – Потрясающее сочетание.

– Вы слышали о моей репутации, капрал?

– Так точно, сэр.

– Вы знаете, что я всегда держу свое слово?

– Так точно, сэр.

– Тогда слушайте... Слово офицера, что, если вы не пропустите нас к полковнику Ройсу, я дам вам в глаз, – сказал Юлий. – Вы верите мне, капрал?

– Верю... Так точно, сэр. Но я не могу нарушить приказ... – На лице несчастного капрала читалось отчаяние.

– Тяжелая ситуация, капрал, – сказал Юлий. – Так ты наспустишь?

– Я... никак нет, сэр.

– Я прекрасно понимаю вас, капрал, – сказал Юлий. – Вы не можете нарушить приказ вашего непосредственного начальника и все такое. Я вас за это не виню.

– Так точно, сэр, – с облегчением сказал капрал.

– Но и вы меня тоже поймите, – сказал Юлий и дал капралу в глаз.

Дверь, на которую опирался адъютант полковника Ройса, оказалась незапертой, и капрал влетел в кабинет полковника спиной вперед, врезался головой в чайный столик, отчего его ножка подломилась и столик обрушился на голову несчастного адъютанта.

– Неплохой удар, коллега, – оценил Стивенс.

– Не стоило его бить, – вздохнул Юлий. – Он ведь ни в чем не

виноват. Но так уж повелось, что я действительно всегда держу свое слово.

Полковник Ройс сидел перед терминалом дальней связи. При появлении пилотов он вскочил на ноги и побагровел от ярости.

– Вашу мать, офицеры! – рявкнул он. – Что означает это вторжение?

– Мы в свою очередь хотели бы знать, что означает вызов пополнения, полковник, – сказал Стивенс.

– Я не обязан перед вами отчитываться! Вы забываетесь, господа! Вы находитесь на территории военной базы, и у нас тут идет война! Я не намерен терпеть подобные выходки!

– Надо же, теперь у нас, оказывается, война, – пробормотал Клозе. – А я думал, полицейская операция.

– Под трибунал захотели, пилоты? – продолжал бушевать полковник. – Так вы получите свой трибунал! Но только после того, как выполните свое боевое задание! Отвертеться хотите? Не выйдет!

– Жаль, – пробормотал Клозе. – Лучше уж тюрьма, чем могила.

– Что вы там бормочете? – грозно осведомился полковник. – Что это за манера такая – бормотать в присутствии начальства?

– А что за манера – требовать замену пилотам, которые еще не отлетали свое? – поинтересовался Клозе.

Полковник с шумом втянул воздух.

– Давайте сделаем пару глубоких вдохов, – прокомментировал он свои действия. – И попытаемся немного успокоиться. Я не вызвал никакого пополнения.

– Тогда почему оно прибыло?

– Полагаю, что произошло досадное недоразумение. Я как раз пытался связаться со штабом блокады, чтобы все выяснить. Неужели вы думаете, что я настолько не верю в ваш завтрашний успех, что мог заранее вызвать вам замену? И неужели вы думаете, что я готов отправить вас на верную смерть?

Сначала Юлию даже стало стыдно, а потом он подумал: какого черта! Это все слова, и, что бы сейчас ни сказал полковник Ройс, ситуации это не изменит. Операция «Всплеск» была спланирована

бездарно, требовала распыления сил и базировалась на вере в личное мастерство каждого пилота. Тот, у кого оно окажется недостаточно высоким, назад не вернется, а определить, насколько ты на самом деле хорош, можно только в бою.

Тем временем полковник разливался соловьем о своем хорошем отношении к подчиненным, о том, что он старается все делать не только по уставу, но и по совести, и нес прочую демагогию, совершенно не обращая внимания на валяющегося без чувств капрала.

Тут Юлию снова стало стыдно, он подобрал тело капрала с пола и усадил его на стоявший в углу полковничьего кабинета диван. Капрал что-то пробормотал в ответ на эту любезность, но глаз не открыл и от продолжения диалога отказался.

– ...Вот так-то вот, господа офицеры, – закончил свою проникновенную речь полковник Ройс. – А вы что подумали?

– Не верю ни единому его слову, – сказал Клозе, когда они шли по территории базы в направлении офицерского клуба. – Я тоже умею рассуждать на возвышенные темы, уходя от основного вопроса.

– Все офицеры так умеют, – сказал Стивенс. – И чем старше звание, тем выше мастерство врать подчиненным.

– Он выставил себя полным козлом, – заметил Юлий. – По крайней мере, в наших глазах, но он может на это наплевать, потому что он – полковник, а мы, скорее всего, завтра не вернемся.

– А может, мы зря паникуем? – спросил вдруг Клозе. – Может, этот «Всплеск» яйца выеденного не стоит? Может, мы запросто отбомбимся по целям и вернемся домой уже через час, целые и невредимые?

– Ты сам веришь в то, что сейчас сказал? – спросил Юлий.

– Нет, но очень хочу, – сказал Клозе.

– Это задница, джентльмены, – сказал Стивенс. – В такую задницу мы на этой планете еще не попадали.

А ведь он прав, подумал Юлий. Они бомбили космодромы, склады, тайные укрытия и учебные лагеря повстанцев, громили нелегальные рудники по добыче тетрадона. Они сталкивались с

зенитными батареями, комплексами ПВО и вражескими истребителями, но с тяжелым боевым судном дела иметь им еще не доводилось.

«Деструктор» не давал Юлию покоя.

Юлий не мог понять логической необходимости его присутствия на Сахаре. Обычно контрабандисты выбирали свои корабли, исходя из баланса, скоростных качеств и грузоподъемности. У линейного крейсера было все в порядке со скоростью, но и с демонтированным главным калибром и при отсутствии десантного батальона на борту он не мог бы конкурировать по части полезной нагрузки даже с обычным среднетоннажным грузовиком.

Юлий в который раз спрашивал себя, чем обладает «деструктор», чего нет в обычном грузовике, и ему дико не нравился очевидный ответ. Оружием.

Но контрабандисты не дерутся. Они предпочитают скрываться, уходить из локального пространства планеты до того, как имперские силы выйдут на расстояние удара. Тогда зачем им понадобился крейсер?

Юлия терзали смутные сомнения.

– Меня терзают смутные сомнения, – сказал Юлий.

– По поводу? – спросил Клозе.

– По поводу крейсера.

– Чего нам с тобой париться? – спросил Клозе. – Наше дело – космосом. С крейсером будет трахаться камрад капитан.

– Премного благодарен, – сказал Стивенс.

Они вошли в офицерский клуб и покинули его уже через пять минут. В клубе гулял молодняк из пополнения, отмечая свое первое назначение. Там было слишком шумно, слишком дымно, слишком пьяно и слишком весело. Юлий ничего не имел против хорошей гулянки, но только не накануне боевых действий, да и настроение его немного не соответствовало атмосфере всеобщего праздника.

Захватив из бара по паре бутылок пива, они отправились в оранжерею и расположились в шезлонгах посреди миниатюрного леса тропических растений. В оранжерею на базе редко кто забредал – пилоты не хотели беречь свою душу воспоминаниями о более

приятных местах, чем Сахара с ее болотами.

– Когда мы выиграем эту войну, я напьюсь, – пообещал Клозе. – Буду пить неделю, а может быть, и две. Хочу увидеть розовых слонов и зеленых крокодилов.

– Во-первых, крокодилы и так зеленые, – сказал Юлий. – А вторых, мы, я имею в виду флот, никогда не выиграем эту войну.

– Это еще почему? – спросил Клозе. – Ты не веришь, что мы раздавим этих чертовых повстанцев?

– Не в этом дело, – сказал Юлий. – Войну может закончить только тот, кто ее начал, а начал ее отнюдь не военно-космический флот. Такие большие государства, как Империя, должны вести перманентные военные действия в какой-нибудь захолустной дыре. Это обеспечивает мало-мальски сносную боеготовность армейских сил и в то же время поддерживает население вышеупомянутого государства в постоянном состоянии легкой тревоги, что делает людей более управляемыми. И если закончится эта война, то тут же в другом месте начнется какая-нибудь другая. Это закон, по которому развиваются империи. Это что-то вроде церемониального имперского танца, который мы обязаны протанцевать.

– Да ну? – спросил Клозе.

– Империи рождаются в войнах, – сказал Стивенс. – И войны являются неотъемлемым атрибутом их существования.

– Вы такие умные, что меня от вас тошнит, – сказал Клозе. – С другими парнями можно поговорить о бабах, футболе и пьяных дебошах, а вы постоянно треплетесь о политике, религии, философии и прочей ерунде.

– Тем не менее, ты ищешь нашего общества, – сказал Юлий. – Это говорит о том, что в тебе еще живет тяга к знаниям и стремление к интеллектуальному совершенствованию.

– Давайте помолчим, джентльмены, – предложил Стивенс. – Иногда все, что нам надо, это немного тишины.

– Скоро у нас будет столько тишины, сколько мы и представить себе не можем, – буркнул Клозе, но все-таки заткнулся.

Официальная имперская пропаганда называла врагов Юлия на

этой планете террористами, бандитами и бунтовщиками. Нейтрально настроенные средства массовой информации называли их сепаратистами. Всяческие правозащитники и прочие деятели, составляющие оппозицию политическому курсу Империи, называли их героями, борцами за свободу и за свои гражданские права. Разведчики называли их болотными тварями, а контрразведчики – подрывными элементами.

Пилоты звали их повстанцами, потому что это слово рифмуется со словом «засранцы». Юлий ненавидел этих людей только потому, что они вынуждали его убивать их. Но в то же время он испытывал к ним некоторое уважение.

Независимо от того, что ими двигало, они дрались с превосходящими их силами противника и продолжали это делать, хотя дело выглядело откровенно проигрышным. Юлий пытался поставить себя на их место и признался, что сам бы так не смог. Ему нужна была хоть какая-то перспектива, а у сепаратистского движения на Сахаре никаких перспектив не было.

Кроме одной.

Перспективы умереть.

ГЛАВА 7

План операции, как обычно, был закачан в тактические компьютеры истребителей за час до начала акции. Считалось, что одного часа пилотам вполне достаточно, чтобы ознакомиться с полетным заданием, а столь позднее оповещение не даст шпионам шанса украсть секретную информацию. Юлия всегда интересовало, какой умник это посчитал.

Как Юлий и ожидал, операция была спланирована бездарно до самой мельчайшей подробности. Обычная расчетная скорость, подлетное время сорок минут, высота полета стандартная...

База 348-М находилась в глубоком тылу, от линии фронта ее отделяло две тысячи километров. Еще двести километров до цели номер один – космодрома. Это расстояние они должны были преодолеть за сорок минут.

Десять минут на операцию и еще сорок на дорогу домой. Итого получалось полтора часа. Через полтора часа он снова может войти в свои апартаменты и завалиться спать или пойти в офицерский клуб и нажраться виски до потери пульса. А может и не пойти.

Юлию было страшно. Ему категорически не нравилась мысль о том, что вопрос о его личной жизни и смерти может решиться в течение десяти минут, отведенных на рейд.

Современные воздушные бои скоротечны, и самая длительная схватка, в которой Юлий имел неудовольствие принимать участие, длилась всего двадцать пять минут. Конечно, можно сказать, что каждая минута показалась Юлию вечностью, но на самом деле он об этом бое почти ничего не помнил, а то, что он обычно по пьянке рассказывал в баре, он реконструировал на основании официальных отчетов, а что-то просто выдумал. Разрывы зенитных снарядов, противовоздушные ракеты и истребители врага мелькали вокруг него, как в калейдоскопе, и сливались в единую круговерть, танец хаоса и смерти.

Танец, который он протанцевал до конца.

Юлий сидел под своим «игрек-крылом» с выносным терминалом тактического компьютера на коленях, курил сигарету за сигаретой и думал о том, что он будет делать, если доживет до отставки. Пока в

голову не приходило ничего разумного.

Как он и ожидал, его назначили командиром группы. Двумя другими командирами были Стивенс, лидер «синей» группы, и капитан Тафт из «зеленой» группы, с которым Юлий был едва знаком.

«Игрек-крыл», названный так напрочь лишенным воображения конструктором за характерную форму крыльев, был самым современным и высокотехнологичным оружием на этой планете. Но это не означало, что морально устаревший «деструктор» или «Гладиолус» 12-Ф, переживший свои лучшие времена, не способны превратить парочку таких «игреков» в атомную пыль.

Пилот «игрек-крыла» был самым дорогостоящим живым оружием, которое только производили на свет в военных учебных заведениях Империи, но это не означало, что перед боем ему не было страшно.

Успокоиться Юлию удалось лишь тогда, когда он забрался в кабину своего «игрек-крыла» и положил руки на управляющие джойстики. Юлий был правой, а потому левый джойстик отвечал за управление движением истребителя, а правый контролировал вооружение. Обычная раскладка.

Пилоты «игреков» шутили, что ноги им в принципе не нужны, и они могут поделиться своими нижними конечностями с десантом, бойцы которого то и дело подрываются на противопехотных минах. Но в числе пилотов финального класса «омега» калек не было. Среди транспортных средств, которые они умели приводить в движение, были и такие, которые заставляли пожалеть об отсутствии третьей пары конечностей. Например, когда Юлий управлял левитационным танком «прыгающий лев», он жутко сожалел, что Создатель не наградил его пятью руками и восемью ногами. И дело было даже не в количестве рычагов, которые надо дергать, и тумблеров, которыми надо щелкать. После второго прыжка у танка оторвало кресло первого пилота (следствие постановило, что это произошло в результате заводского брака), и всю оставшуюся часть поездки Юлию пришлось управлять двадцатитонной боевой машиной, летая от одной стены к другой и на каждой кочке ударяясь головой о потолок. А если бы у него были лишние конечности, он встал бы в пилотской кабине в распор, надежно зафиксировав свое тело, оставив для управления танком только пару рук.

Юлий посмотрел на часы. Две минуты до запланированного начала операции.

Он активировал двигатели, включил наземный режим, и его истребитель медленно выкатился из ангара. Шасси были нужны «игрекам» только для того, чтобы можно было перемещать их по космодрому, не отрывая от поверхности, а потому колесики полуметрового диаметра выглядели довольно смешно и на фоне грозной боевой машины казались игрушечными.

Юлий включил общую связь и обратился к пилотам четырнадцати истребителей, временно попавшим под его командование:

– Парни, говорит «красный» лидер. Капитан Морган, то есть. Вы все знаете мой главный принцип. Наша основная цель – вернуться на базу живыми. Задание должно быть выполнено, как вы понимаете, но это – цель второстепенная. Берегите свои задницы, прикрывайте друг друга и не лезьте в пекло без необходимости. Всем удачи.

Потом он переключился на приватную связь и вызвал Клозе.

– Это была потрясающая речь, – сказал Клозе. – Я впечатлен до глубины души, от восхищения у меня трясутся поджилки и встают дыбом волосы на копчике.

– Заткнись, Клозе, – сказал Юлий. – У меня есть для тебя пара слов. Персонально.

– Я весь внимание, – сказал Клозе.

– Я собираюсь вернуться с этого задания живым, – сказал Юлий. – И даже ты не сможешь мне в этом помешать. Если ты начнешь выделяться и примешься за свои обычные выкрутасы, я и пальцем ради тебя не шевельну, понятно?

– Так точно, сэр! – молодцевато гаркнул Клозе.

– Ты мне безразличен, – сказал Юлий. – Ты мне не брат, не друг и даже не приятель, а всего лишь собутыльник. Таких, как ты, я могу найти тысячи. Куда бы ты ни влез, я не буду тебя спасать.

– Наши чувства взаимны, – сказал Клозе.

– Хорошо, что мы понимаем друг друга, – сказал Юлий. – Я не хочу, чтобы ты надеялся на мою помощь только потому, что время от времени мы с тобой играем в покер и пьем пиво.

– А мы-то, рабочие лошадки, обязаны в любом случае прикрывать твою спину, командир, – буркнул Клозе. – У тебя есть что-нибудь еще?

– Не подставляй меня, ладно?

– Ага.

– И удачи.

– Взаимно, босс.

Юлий выключил связь, глубоко вдохнул влажный воздух Сахары и закрыл колпак над головой. На табло перед ним замигала синяя лампочка, разрешающая взлет. Юлий включил вертикальную тягу, и его истребитель плавно поднялся над стартовой площадкой, набирая необходимую для полета высоту. Сзади стартовала его «красная» группа. «Синие» и «зеленые» поднимались в воздух левее.

Каждый «игрек-крыл» нес на себе достаточное количество вооружения, чтобы представлять угрозу небольшим размерам городу. В распоряжении Юлия были пулемет, предназначенный для воздушного боя или для поражения небольших наземных целей вроде вражеской пехоты, импульсная пушка, один выстрел которой мог разворотить танк, а для этого вылета к крыльям истребителя прикрепили четыре ракеты класса «воздух-поверхность», при помощи которых имперцы должны были разнести в пыль космодром противника. «Игрек-крыл» был идеальным оружием для ведения атмосферного боя и мог провести некоторое время в открытом космосе. Он считался кораблем малого радиуса действия, потому что с его помощью нельзя было выйти в гипер и долететь от одной планеты до другой. Истребители повстанцев отставали от него на четыре поколения. В воздушном бою даже при соотношении три к одному у них не было ни единого шанса на победу.

Юлий посмотрел на альтиметр, удостоверился, что группа поднялась на требуемую высоту, и врубил горизонтальную тягу, набирая крейсерскую скорость. Согласно плану, «синие» должны были прибыть на место проведения операции на две минуты раньше, а «зеленые» – минутой позже, но это можно было подкорректировать на подлете, а пока сорок пять истребителей шли параллельными курсами.

Юлий включил общий обзор, и его истребитель исчез. Исчезло и собственное тело Юлия. Его боевой комбинезон соединялся с

креслом пилота и на время полета становился с судном единым целым. Теперь Юлий мог видеть в любом направлении и казался себе бесплотным духом. Над кораблями остальных истребителей всплыли их кодовые номера, которые тут же сменились именами пилотов. Вообще-то, вмешательство в тактический компьютер на программном уровне со стороны пилота было незаконным поступком, но все пилоты так поступали, заменяя безличные цифры именами или многозначительными прозвищами. Юлий знал, например, что в обзоре Клозе он числится под кличкой Пират, которую он получил еще во времена учебы в академии в течение пяти секунд после того, как однокурсники узнали его фамилию. Как более молодой Клозе мог узнать об этой кличке, Юлий не представлял.

На Сахаре его не звали Пиратом. Его звали Джокером за то, что он никогда не проигрывал в покер.

Раньше Юлию нравилось летать.

А во время полетов с включенным общим обзором он дважды получал оргазм, от чего долгое время мучился и считал себя извращенцем и истребителифилом. Он даже боялся, что у него перестанет получаться с девушками, и немного успокоился только после трехдневного загула в борделе неподалеку от военной базы, где он проходил свою практику.

Он готов был летать часами и часами испытывал чувство восторга, которое может понять и разделить только другой пилот и которое невозможно объяснить человеку, никогда не поднимавшему в воздух летательный аппарат.

Но с тех пор, как Юлий попал на Сахару, и его полеты стали связаны с убийством людей и возможностью быть убитым самому, радость ушла. Теперь он просто делал ту работу, которую его учили делать большую часть его жизни и которую он умел делать хорошо. И потом, больше-то он ничего не умел.

Если раньше Юлий жил, чтобы летать, то теперь он просто жил и просто летал.

За двести километров до цели истребители снизили скорость, и каждая группа отправилась своим курсом. Юлий связался со своими, спросил, все ли у всех нормально, снова потребовал лишний раз не рисковать, потом включил тактический командирский канал и

равнодушно пожалел, что он не застрелился вчера. Они шли над вражеской территорией, но пока были на недоступной для радаров высоте. На этот раз аномальное магнитное поле было имперцам на руку.

К сожалению, оно же делало невозможной связь на дальние расстояния, а потому Юлий не мог пообщаться не только с базой, но даже и с группой Стивенса, ушедшей вперед. Для переговоров военной базы 348-М со штабом блокады, располагавшимся на орбите на борту имперского линкора «Принцесса Марса», была создана сложная и дорогая система активных ретрансляторов, поддержание которой в рабочем состоянии обходилось Империи в пять тысяч имперских рублей ежедневно. Поскольку такими системами связи были оборудованы все военные объекты на Сахаре, связь здесь поистине была дороже золота, а достоверная информация о противнике ценилась дороже графского герба.

Линия фронта, как таковая, на Сахаре отсутствовала по той простой причине, что не было самого фронта. Это была партизанская война с неожиданными рейдами и налетами, и то, что на карте означало линию фронта, было условной границей территории, которую контролировали повстанцы. Условной, потому что на самом деле никто не знал, где именно начинается их зона контроля. Боевые отряды сепаратистов постоянно передвигались, и из-за отсутствия спутниковой разведки нельзя было точно сказать, какой квадрат они прикрывают сегодня. К относительно неподвижным объектам относились тетрадоновые рудники, привязанные к месторождениям металла, космодромы, склады и учебные лагеря, передислокация которых занимала слишком много времени и сил. И даже несмотря на это имперские войска обнаруживали вражеские объекты там, где их не должно было быть, и не находили их там, где они были быть обязаны.

По большому счету это была грандиозная стрельба вслепую, и Юлий бы совсем не удивился, если бы в означенном секторе Зэт-13 не оказалось бы ни космодрома, ни «деструктора».

Но на этот раз им повезло.

Или не повезло. Везение – довольно тонкая вещь, и отношение к нему зависит исключительно от точки зрения.

Когда «красная» группа вынырнула из спасительного облачного

сложь, космодром оказался на месте. Крейсера на взлетной площадке не обнаружилось, но, судя по еле видимым вдалеке вспышкам, он успел взлететь чуть раньше и теперь пытался пробиться на орбиту, минуя группу Стивенса к востоку от космодрома.

Уже через десять секунд после того, как имперцы позволили повстанцам обнаружить себя визуально, их встретил плотный зенитный огонь. У повстанцев хорошие зенитчики, раз они могут открывать стрельбу так быстро, подумал Юлий. Если бы еще у них были хорошие зенитки, нам здесь пришлось бы совсем туго.

«Красная» группа рассредоточилась по одному и предприняла необходимые маневры уклонения. Повстанцы пустили по ним несколько ракет, но, как говорилось выше, ракеты были старые, медленные и почти неуправляемые. Четыре покинули поле боя в неизвестном направлении, две взорвались где-то на болотах, а одна жახнула в режиме преследования, слегка тряхнув «игрек» Карсона, но не причинив ему серьезных повреждений.

У пилотов имелся полученный от разведки довольно подробный план космодрома, на котором были обозначены индивидуальные цели. Теперь имперцы должны были действовать самостоятельно и по ситуации, объединившись в группу только для отхода после успешного завершения полета. Иными словами, над космодромом повстанцев начался запланированный хаос.

Поскольку Юлий являлся командиром группы и должен был помимо прочего осуществлять общий контроль над ее действиями, ему достались две легкие цели. Ремонтный ангар на северной части космодрома и заправочная станция в трехстах метрах за ним. Поскольку Юлий все равно не понимал, каким образом он или кто-нибудь другой, если уж об этом зашла речь, может хоть как-то контролировать этот бедлам, он описал над космодромом широкий полукруг и устремился к цели номер один.

В него постоянно палили из зениток, но он легко уклонялся, даже не задумываясь над этим. В него так долго вбивали рефлекс боевого пилота, что он давно уже перестал себе удивляться и считал их чем-то само собой разумеющимся.

Снизившись до пятисот метров, Юлий поймал ангар в прицел и отправил в полет первую из своих ракет, сразу же после этого заложив вираж для безопасного захода на вторую цель. Он даже не

стал смотреть, попал или нет. Ракета «джерид»^[2] класса «воздух-поверхность» являлась высокоточным оружием и была способна поразить цель размером со спичечный коробок с расстояния до четырех километров. С увеличением расстояния точность падала, но не намного.

«Джерид» мог не поразить цель только в одном случае – если бы он был сбит на подлете, но у повстанцев не было противоракетных комплексов, способных справиться с этим детищем имперских технологий. Каждая такая ракета стоила двадцать тысяч имперских рублей, и в обиходе пилоты использовали выражение «пухнуть двадцаточку» каждый раз, когда «джерид» срывался с подкрыльных креплений их истребителей.

Юлий «пухнул» вторую «двадцаточку», разнеся в пыль заправочную станцию, и тут на тактическом дисплее погас один из четырнадцати красных огоньков. Оглядевшись по сторонам и убедившись в отсутствии непосредственной опасности, Юлий затребовал у компьютера подробности и узнал, что «красный-9» по кличке Бедуин отлетал свое.

«Красная» группа понесла первую потерю.

Юлий мог бы запросить записи последних минут боя истребителя Бедуина, передававшиеся на его компьютер в режиме реального времени, но он не страдал от праздного любопытства, особенно в бою.

К его удивлению, в него до сих пор не палили из «гладиолуса». Более того, внизу он не видел ни одного «дуршлага», а если уж тактический компьютер «играка» чего-то не видел, значит, этого чего-то не существовало в природе.

Странно. По мнению Юлия, повстанцы просто обязаны были защитить такой важный стратегический объект, как космодром, самыми эффективными средствами ПВО, какие только были в их распоряжении.

С одной стороны, отсутствие внизу восемнадцатиствольных крупнокалиберных пулеметов не могло не радовать Юлия, с другой же – оно здорово его напрягало.

Оно означало, что разведка в очередной раз прокололась. А если уж она прокололась с одним, то могла напортачить и с чем-то еще.

Со стартовой площадки пытались взлететь три допотопных истребителя повстанцев, которым для этого требовалось впереди свободное пространство не менее двухсот метров. «Фокке-Вульф-3500», определил Юлий одновременно с «гением», как пилоты называли свои бортовые компьютеры. Интересно, где эти ребята раскопали такой антиквариат?

Задействовав импульсную пушку, Юлий походя зашиб два «Фокке-Вульфы» на взлете. Третьему удалось подняться в воздух, но его по ошибке сбил кто-то из своих зенитчиков.

Бывает, философски подумал Юлий.

Однажды ему тоже довелось попасть под «дружеский» обстрел имперских комплексов ПВО, гораздо более опасных, чем аналогичные комплексы повстанцев, и он до сих пор не мог вспоминать этот кошмар без содрогания. В конце концов, его все-таки сбили, удивляясь, какой увертливый повстанец попался на этот раз, но ему удалось катапультироваться и свалиться в непосредственной близости от одной из обстрелявших его батарей. Без членовредительства там не обошлось.

От дежурного офицера батареи его оттаскивали вчетвером.

Юлий свернул ему нос и сломал челюсть, но не стал ломать карьеру и отказался предъявлять претензии в официальном порядке, отчего на базе его обозвали идиотом и зауважали еще больше.

Но зенитчиков Юлий все равно не любил. Ни своих, ни чужих. У них были совершенно разные жизненные приоритеты, вступавшие друг с другом в непреодолимое противоречие. Пилоты хотели летать, а зенитчики хотели, чтобы над ними никто не летал.

Юлий поднялся над космодромом на два километра, чтобы оценить общую картину сверху. Картина радовала глаз. С момента начала атаки не прошло и трех минут, а «красная» группа уже разнесла космодром в руины.

Внизу царил ад. Пылали останки зданий и разбитые истребители повстанцев. Над болотом стояли столбы пара. Зенитный огонь почти сошел на нет, лишь изредка кто-то огрызался с удаленных от космодрома огневых точек.

Имперские истребители кружились над руинами космодрома, как стая ворон.

Пока все шло даже лучше, чем Юлий мог надеяться. Всего один, отлетавший свое. Бедуина, конечно, жалко, но одна смерть – не слишком высокая цена за операцию, с которой почти никто всерьез не рассчитывал вернуться.

И тут дерьмо попало в вентилятор.

Ожил канал общей связи, и хрипящий, задыхающийся голос капитана Стивенса, лидера «синих», проорал всем, кто мог его слышать:

– Код три! Код три! «Красные», валите оттуда!

«Код три» означал «опасность сверху».

Сначала Юлий вперил свой взор в затянутые облаками небеса и ничего не увидел, и только мгновение спустя до него дошло, что сигнал шел не от истребителя Стивенса, а от его личного коммуникатора, вмонтированного в боевой комбинезон. Значит, Стивенс катапультировался. А если лидер группы катапультировался, в девяноста случаях из ста это означает, что группе пришел конец.

Неписанный закон пилотов группы гласит, что командира надо прикрывать до последнего. Отчасти и поэтому Юлий не любил быть командиром.

Неписанный закон лидеров группы гласит, что командир обязан затыкать своим истребителем самые опасные дыры. Эта идея Юлия тоже не слишком привлекала.

Юлий снова посмотрел наверх и обалдел. Прямо ему на голову из облаков падал списанный имперский линейный крейсер класса «деструктор».

Зрелище было, мягко говоря, впечатляющее. Юлий никогда прежде не видел линейный крейсер, маневрирующий в атмосфере, если, конечно, падение можно назвать маневром. Обычно эти хреновины оставались на орбите.

Стопятидесятиметровая дура цилиндрической формы летела если и не прямо на Юлия, то в непосредственной близости, и он увел свой истребитель в сторону.

Если этот «деструктор» был списан больше двадцати лет назад, то списали его, очевидно, сразу по выходе из верфей. Он выглядел довольно свежим судном, обладал современным силуэтом и визуально ничем не отличался от крейсеров, стоящих на вооружении в имперских ВКС.

Только как-то странно он падает, успел подумать Юлий в считанные мгновения до того, как ситуация в корне изменилась. Под прямым углом к поверхности, причем нет ни огня, ни дыма, да и на самом крейсере видимых повреждений не заметно. Словно... словно он не падает.

А пикирует.

Когда «деструктору» оставалось до земли всего несколько сотен метров, корпус крейсера выровнялся и он вышел из пике. И тут же Юлий увидел орудия главного калибра, которые не были демонтированы с крейсера вопреки утверждениям военной разведки.

Офигеть, подумал Юлий. Теперь понятно, почему вокруг этого долбанного космодрома нет ни одного «гладиолуса». Потому что в технических помещениях крейсера с полным боевым оснащением, а Юлий не сомневался, что сейчас он смотрит именно на такой крейсер, они просто не поместятся.

Нас подставили, подумал Юлий. Не знаю кто, не знаю, с какими целями, но нас подставили и подвели под монастырь. Этот корабль не имеет никакого отношения к контрабанде тетрадона. Он здесь только для того, чтобы воевать.

Юлию стало страшно. Он был профессионалом и понимал, какую угрозу представляет линейный крейсер для наземных объектов. Этой хреновине достаточно всего лишь пройти над военным сооружением на большой скорости и малой высоте, и от того останутся только обозначения на тактической карте.

Все эти невеселые мысли он успел передумать в считанные секунды, которые прошли от появления крейсера из облачного слоя до его выхода из пике. Позже времени на мысли уже не осталось.

Каждый истребитель «синей» группы, предпринявшей первую атаку на «деструктор», был оснащен двумя кумулятивными ракетами класса «корабль-корабль», пригодными как для применения в

атмосфере, так и в безвоздушном пространстве открытого космоса. Попадание трех таких ракет могло нанести крейсеру финальный ущерб и привести к его полному уничтожению. Но, насколько мог судить Юлий, ни одна из этих ракет в «деструктор» так и не попала.

Вслед за крейсером из облаков выпала двойка «синих» истребителей, один из которых был тут же уничтожен залпом кормовых батарей «деструктора».

Юлию категорически не хотелось делать того, что он сделал впоследствии, но выбора у него не было. Он включил общую связь и отдал приказ пилотам «красной» группы. Приказ состоял из двух частей. Те пилоты, которые выпустили все четыре «джериды», должны были возвращаться на имперскую территорию и оповестить армию о возникшей угрозе. В данном случае на Сахаре «игрек-крыл» являлся самым быстрым средством связи.

Те же, у кого оставалась хотя бы одна ракета, должны были атаковать крейсер.

Юлий понимал, насколько низки их шансы на успех. «Джерид» был предназначен для поражения статических наземных целей, не способных предпринимать маневры уклонения, к тому же крейсер обладал несоизмеримо лучшей противоракетной защитой. Поэтому для того, чтобы ракета попала в цель, ее надо было выпустить с минимального расстояния.

Шесть из оставшихся в строю четырнадцати истребителей «красной» группы уже пульнули все свои «двадцаточки» и направлялись к имперской территории. Двое пилотов решили не рисковать и выстрелили ракетами с большого расстояния. Юлий не мог их за это винить.

«Деструктор» даже не стал уклоняться от «джеридов» и уничтожил их, когда они не преодолели еще и половины расстояния.

Уже бросаясь в атаку, Юлий рассмотрел одну неиспользованную ракету под брюхом «синего» истребителя. Юлию было интересно, кто пилотирует эту машину, но времени на уточнение сей подробности у него уже не оставалось.

Следующие тридцать секунд, которые растянулись для него в часы, он не вылезал из фигур высшего пилотажа. Он выделял все фигуры и финты, которым его учили, все, о которых он только слышал, и, возможно, по ходу дела даже изобрел пару новых.

В результате этих маневров ему удалось приблизиться к крейсеру на расстояние примерно в один километр. Для того чтобы нанести удар наверняка, требовалось сократить это расстояние вдвое.

Карсон и Трейси были не столь изобретательны и попытались атаковать за счет скорости, а не маневра. Увы, вектор их атаки слишком легко просчитывался, и истребитель Трейси исчез во вспышке пламени. Пилот катапультироваться не успел.

Карсон выпустил свой последний «джерид» и ушел на разворот, когда выстрел крейсера попал ему в крыло. Карсон успел катапультироваться, но это ему не помогло. По его истребителю велся слишком плотный заградительный огонь, и один из разрядов попал прямо в покинувшего свой «игрек» пилота.

Юлий стиснул зубы.

Создавалось впечатление, что «деструктор» завис на месте. На самом деле он маневрировал, но на такой малой скорости, что ею можно было пренебречь. На данный момент он успешно отбивался от атак имперских истребителей и пока не предпринимал попыток выдвинуться в сторону вражеской территории.

Юлий продолжал свои маневры, как вдруг перед носом его истребителя мелькнул другой «красный», чья атака была еще быстрее и изощреннее. Это был Клозе.

Урод, подумал Юлий. Сколько раз я его предупреждал, чтобы он не лез на рожон.

Клозе бросался из стороны в сторону. Насколько Юлий мог разгадать цель его маневров, барон пытался зайти на крейсер сверху и попытаться поразить командную рубку, выдвинутую в носовой части судна. Это было смело и глупо. Сам Юлий нацелился на основные кормовые двигатели.

«Синий» истребитель закрутил бочку по правому борту крейсера. Идиот, подумал Юлий. Самоубийца.

«Синему» удалось пробиться сквозь облако зарядов и приблизиться к крейсеру на семьсот метров. Для пуска его ракеты этого было более чем достаточно, но пилот почему-то не спешил.

Позднее Юлий узнал, что у Дэрринджера заклинило пусковое устройство.

В военной академии пилотов никогда не учили тарану. Этот маневр отождествлялся с поражением пилота, а потому о нем старались даже не упоминать. Пилоты, шедшие на таран, не причислялись к числу героев. Они считались неудачниками и самоубийцами.

А поскольку каждый «игрек-крыл» стоил в производстве около миллиона имперских рублей, этот боевой прием считался самым нерентабельным из всех возможных.

Теоретически подобраться к линейному крейсеру для таранного удара сквозь стену заградительного огня считалось невозможным.

Но на практике ничего нельзя сказать заранее.

Может быть, лажанулся кто-то из бомбардиров правого борта, может быть, Дэрринджеру просто феноменально повезло, хотя Юлий и отказывался считать подобное везением.

Катапультироваться на таком расстоянии было уже поздно, и, когда истребитель воткнулся в бронированный борт крейсера, руки Дэрринджера лежали на управляющих джойстиках.

Судя по силе взрыва, долбанули не только ракета и весь боезапас «синего игрека», но и что-то на самом крейсере. Полыхнуло пламя, воздух заполнился струями расплавленного металла и осколками того, что на боевом корабле не плавится. На какое-то мгновение смолкли все батареи крейсера, что позволило Юлию временно забыть про маневры и подобраться еще на двести метров ближе.

Клозе тоже бросил вилять, ускорился и всадил свой «джерид» в капитанскую рубку крейсера. В тот же момент тяжело раненный, но далеко не убитый крейсер возобновил огонь.

Огонь был таким плотным, что мысленно Юлий уже записал Клозе в список отлетавших свое, но мгновением спустя вращающийся вокруг продольной оси «игрек» вырвался из смертоносного облака и резко ушел в сторону. У истребителя отсутствовала часть правого крыла, и потому Юлий решил, что долго он не протянет.

Клозе успел катапультироваться за считанные доли секунды до взрыва. Теперь на тактическом дисплее светились только две красные точки. Столько истребителей осталось под началом Юлия для

завершения этого боя.

Но где находится эта парочка и чем она занимается, он не видел.

План Юлия изменился. В боку крейсера зияла здоровенная дыра, в которую могли влететь одновременно три «игрек-крыла», и Юлий решил ударить именно туда. Тогда «джериду» не надо будет пробивать броню крейсера, и удар получится более эффективным.

Но для этого Юлию пришлось отстать от крейсера, описать большой полукруг и зайти с фланга. А это означало, что все предыдущие маневры придется повторить на «бис».

Нарисовался один из «красных». Он маневрировал на относительно безопасном расстоянии, не решаясь пускать оттуда ракеты, но и не пытаясь подобраться ближе.

Лети на базу, дурак, мысленно сказал ему Юлий. Никаких отрицательных эмоций к нему Юлий не испытывал. Только равнодушие. Не умеешь летать – ползай по земле на брюхе.

Крейсер увеличивал скорость. Очевидно, экипаж решил устроить себе передышку. О «зеленом» отряде не было ни слуху, ни духу. Наверное, ребята уже давно разнесли безобидный склад на атомы и сейчас на полдороги к дому.

Погас еще один красный огонек. В нерешительного парня угодили ракетой.

Крейсер шел все быстрее и быстрее. Еще немного – и он окажется над территорией, контролируемой имперскими войсками. Внизу под «деструктором» кипело болото.

И Юлий сотворил вторую вещь, которую пилотам делать категорически не рекомендовалось.

Юлий включил форсаж, идя почти на лобовое сближение с целью. Этот маневр помогал с большой долей вероятности миновать заградительный огонь, но делал истребитель почти неуправляемым и, по сути, мало чем отличался от тарана. Учитывая расстояние, отделявшее Юлия от крейсера, все должно было произойти в считанные доли секунды.

Крейсер прыгнул Юлию навстречу, резко увеличиваясь в размерах, предупредительно замигали системы оповещения о

столкновении.

Юлий отправил оба своих «джериды» в предельно короткий полет и на полную мощность врубил еще и вертикальную тягу. Бок крейсера скользнул перед глазами, уходя вниз, и истребитель буквально затрещал от испытываемых перегрузок.

Позднее Юлий удивлялся, как его «игрек-крыл» вообще не развалился на куски. Правая нога лежала на педали катапультирования, которое на этой скорости было почти равнозначно самоубийству.

Юлия с такой силой вжало в кресло, что он не мог обернуться назад, а мониторы в режиме полного обзора были выключены.

Сбросив мощность обоих двигателей, Юлий заложил пологий вираж, а когда он закончил разворот, две половинки «деструктора» тонули в болоте, окутанные облаками дыма и пара, из которого вырывались длинные языки пламени.

Интересно, сколько черепов полагается накалывать за сбитый крейсер, подумал Юлий, выключая общий обзор и отдавая должное приборам.

По ходу дела бой кончился. На табло не мигало ни одного красного огонька. То ли последний пилот «красной» группы отправился на базу, то ли крейсер успел подстрелить его в последний момент.

Юлий переключил режимы.

В личном окошке пилотов он нашел телеметрию Клозе. С ней творилось что-то странное, но Клозе был жив.

Кляня барона последними словами, Юлий направился в сторону уничтоженного космодрома, до которого сейчас было уже дальше, чем до относительно безопасной имперской территории.

С начала операции «Всплеск» прошло менее десяти минут.

Клозе обнаружился на небольшой кочке, в паре километров к северу от космодрома. В его фигуре было что-то странное, но Юлий не мог определить издалека, что именно. Возможно, медик мог бы что-то прочесть по постоянно идущей от летного комбинезона телеметрии, но Юлий не имел о медицине ни малейшего понятия. Первую помощь раненому пилоту оказывал его

многофункциональный летный костюм, а если с пилотом случалась неприятность, с которой костюм не мог справиться, то помочь могло только вмешательство квалифицированного хирурга при полной поддержке медицинской техники полевого госпиталя.

Подобравшись ближе, Юлий обнаружил, что правая нога Клозе оторвана выше колена.

Юлий выругался. «Игрек-крыл» был одноместным боевым судном, и для транспортировки Юлий мог предложить Клозе только небольшой бункер для бомб снизу истребителя, ныне пустовавший. Конечно, это не слишком комфортабельное помещение, забраться в которое можно только согнувшись в три погибели и через бомболюк, но поболтаться в нем в течение часа было вполне возможным.

Сам Юлий никогда не путешествовал таким образом, но слышал немало историй о подобных поездках.

Основная проблема заключалась в том, что без ноги Клозе не сумеет запрыгнуть в бомболюк без посторонней помощи, а это означало, что истребитель придется сажать.

А сажать его было негде. Кругом одно болото.

Клозе, сидящий на коктейле из обезболивающего, транквилизаторов и стимуляторов, весело прыгал по кочке на одной ноге и что-то орал Юлию.

Юлий подвесил истребитель на высоте двух метров, откинул прозрачный колпак и решил послушать Клозе.

– Вали отсюда, идиот чертов! – орал барон.

Юлий дружелюбно помахал ему рукой и вырубил двигатели. Истребитель рухнул в болото, подняв тучу брызг и окатив Клозе грязью.

Юлий выпрыгнул из кабины и... увяз по колено.

Он умудрился посадить истребитель в самую топь.

ГЛАВА 8

Пока Юлий выдирал из трясины одну ногу, увязала вторая, и на то, чтобы выбраться из болота на кочку и упасть рядом с Клозе, у Юлия ушло минут пять. За это время истребитель благополучно успел погрузиться, и о его недавнем присутствии напоминала только цепь идущих из глубины пузырьков.

Клозе свалился на спину и принялся кататься по земле. Сначала Юлий решил, что у него начались предсмертные судороги, но выяснилось, что Клозе просто ржет. И, насколько мог судить Юлий, это была не истерика, а веселый искренний смех человека, на глазах которого комик только что отмочил сногшибательную хохму.

Юлий обозвал Клозе нехорошим словом, вытащил из непромокаемого комбинезона пачку сигарет и закурил.

Его истребитель утонул, половина его группы отлетала свое, до имперской территории было более двухсот километров и в округе в любой момент могли появиться повстанцы, а постоянный собутыльник, кажется, сошел с ума, но в данный момент Юлию было на все наплевать. Он остался в живых, и на текущую секунду это было единственное, что его интересовало.

Юлию было хорошо.

Он знал, что надолго такое состояние не задержится, и пытался насладиться тем, что сейчас есть.

Клозе прекратил гоготать. Теперь он просто хихикал, а на его глазах выступили слезы.

– Дай сигаретку, – попросил он.

Юлий отдал ему свою, а сам закурил другую.

– Извини, – сказал Клозе, – но я тебя предупреждал. Болото, оно болото и есть.

– Ага, – сказал Юлий.

– Но если ты задумаешься над произошедшим, то тоже найдешь это смешным, – сказал Клозе. – Ты вышел целым и невредимым из жесточайшего воздушного боя, в котором нам довелось поучаствовать, и, находясь в полной безопасности, утопил свои

истребитель в болоте.

– Смешно, – согласился Юлий.

– У тебя могут вычесть его стоимость из зарплаты, – сказал Клозе. – Ведь ты потерял его не в бою, а по собственной халатности.

– Могут, – согласился Юлий.

– И не думай, что я соглашусь выплачивать половину этой суммы только из-за того, что ты приперся сюда спасать меня, – сказал Клозе. – Мой род такой же древний, как твой, но, увы, не такой богатый.

– Увы, – согласился Юлий.

Некоторое время они курили в молчании.

– Что там с «деструктором»? – спросил Клозе.

– Утоп, – сказал Юлий.

– Как и твой истребитель?

– Нет. По частям.

– Карсон отлетал свое, – сказал Клозе.

– Знаю.

– Дэрринджер и Стивенс, похоже, тоже.

– Стивенс катапультировался.

– А что толку? Я тоже катапультировался.

– За тобой прилетели.

– И теперь мы сидим в болоте вдвоем.

– Зато тебе не так скучно, – сказал Юлий.

– Это да, – согласился Клозе.

На любой нормальной планете за ними уже послали бы спасательный транспорт, но здесь никто не знал, что с ними произошло и где их искать. На Сахаре спасением утопающих занимались только сами утопающие, и, если пилоты хотели вернуться на базу, им предстояло придумывать что-то самим.

– У тебя есть план? – спросил Клозе.

– Нам нужен транспорт, – сказал Юлий. – До ближайшего расположения имперских войск около двухсот километров. Мы не пройдем их по этому чертовому болоту. Этого нам не удалось бы сделать, даже если бы у нас было больше трех ног на двоих.

– Единственное место поблизости, где можно было бы раздобыть транспорт, мы сами разнесли в пыль полчаса назад, – сказал Клозе.

– Это весьма непредусмотрительно с нашей стороны, – согласился Юлий.

– Да, мы вели себя как идиоты.

– Как последние болваны.

– Как клинические дебилы.

– Как имбецилы в последней стадии.

– И что теперь? – спросил Клозе.

– Жрать хочу, – сказал Юлий.

После того как они перекусили сухим пайком, запивая его виски из фляжки Юлия и коньяком из фляжки Клозе, и выкурили по три сигареты, Юлий начал нырять.

Теоретически «игрек-крыл» мог взлететь даже со дня моря, при условии, что пилоту удастся добраться до его кабины.

У Юлия это не получилось. Истребитель успел погрузиться гораздо глубже, чем он предполагал, вода была слишком мутная, и в ней ничего невозможно было разглядеть. В общем, Юлий не нашел и следов своего боевого корабля.

– Дерьмово, – прокомментировал ситуацию Клозе.

Юлий, с головы до ног в болотной тине, тоскливо курил сигарету. Медикаментов в комбинезоне Клозе должно хватить на сорок восемь часов. Если за это время они не доберутся до хирурга, то Клозе, скорее всего, умрет. Комбинезон остановил кровотечение и поддерживал раненого в активном состоянии, но именно лошадиная доза лекарств и прикончит его, если вовремя не доставить его в госпиталь.

– Почему ты не воспользовался реактивным ранцем, чтобы

выбраться из трясины? – спросил Клозе. – Возможно, ты успел бы не дать истребителю утонуть.

– Я знаю? – пожал плечами Юлий. – Наверное, хотел поберечь его на крайний случай.

– А этот случай, по-твоему, был не крайний?

– Видимо, нет.

– Если бы ты был умным, то воспользовался бы ранцем.

– Если бы я был умным, то не вернулся бы за тобой.

– Тоже верно, – сказал Клозе.

– Предлагаю составить список имеющегося в нашем распоряжении оборудования, – сказал Юлий.

– Зачем? – спросил Клозе.

– От нечего делать.

– Тогда записывай.

– Я так запомню.

– Отлично, – сказал Клозе и откинулся на спину. – У нас есть один реактивный ранец, два сухпайка, которых нам хватит на неделю, и немного коньяка и виски, которые кончатся гораздо раньше. Наши биологи утверждают, что некоторое время можно без особой опасности пить болотную воду, которой вокруг полно, но мне пока что-то не хочется. Еще у нас есть два «офицерских сороковых», если, конечно, ты свой не потерял, из которых мы можем перестрелять кучу повстанцев, которых тут пока нет и, я надеюсь, не будет. Но, на крайняк, мы можем из них застрелиться. У нас есть два комплекта коммуникаторов, но на этой дурацкой планете с их помощью мы можем переговариваться только друг с другом. Два универсальных ножа, которыми можно резать глотки. И два дворянских титула, которые нужны нам в этом болоте примерно так же, как ребятам с крейсера понадобились бы парашюты.

– Ты всегда был неисправимым оптимистом.

– Уж такой я есть, – сказал Клозе. – А еще у нас есть карта местности. Нам – туда.

Клозе махнул рукой.

– Сейчас докурю – и пойдем, – пообещал Юлий.

– Шел бы ты один, – сказал Клозе. – Я-то, сам понимаешь, в данный момент не в состоянии бегать кроссы по пересеченной местности, а ты меня далеко не унесешь.

– Именно так я и намерен поступить. В смысле выбираться в одиночку, – сказал Юлий. – Спасибо, что облегчил мне жизнь и заговорил об этом первым.

К вечеру Юлий утащил Клозе на пять километров.

Сначала он поддерживал его за талию, а тот прыгал на одной ноге. Такой способ передвижения им не понравился. Клозе то и дело терял равновесие и падал, уходя в болотную жижу с головой, и Юлию приходилось его вытаскивать.

Потом Юлий взгромоздил Клозе себе на закорки и тащил на себе. К вечеру ему стало казаться, что Клозе прибавил в весе несколько центнеров, он совершенно выбился из сил, задыхался и обещал себе, что если и не бросит курить, то значительно снизит никотиновую нагрузку на организм.

На ночлег они остановились на небольшой возвышенности, где была относительно сухая почва. Относительно, потому что абсолютно сухую почву на Сахаре можно было встретить только в музее.

– Ты помнишь что-нибудь относительно местной живности? – спросил Юлий.

– Тут водится нечто среднее между крокодилами и динозаврами, – сказал Клозе.

– Они нападают на людей?

– Только на глупых имперских пилотов, коротающих ночи на болоте.

– «Офицерский сороковой» их возьмет?

– Не знаю, не пробовал.

– Вы не считаете, барон, что нам следовало побольше узнать о планете, на которой нам выпало несчастье повоевать? – чопорно осведомился Юлий.

– Вы правы, граф, – в тон ему ответил Клозе. – Мне стыдно.

– Чем стыдиться, лучше доложи старшему по званию, при каких обстоятельствах ты умудрился потерять ногу.

– Мы с ней разминулись в истребителе. Я хотел катапультироваться, она хотела остаться, вот нам и пришлось сказать друг другу последнее «прости».

– Скучаешь по ней?

– Есть немного. Но наверняка не так сильно, как ты.

– Это точно. Если бы у тебя было две ноги, мы могли бы идти быстрее.

– А что толку? Даже если бы мы делали по двадцать километров в день, а для чертового болота это предел, у нас все равно ушло бы на дорогу десять дней. За это время мы бы по-любому загнулись. Дважды.

– Зато теперь, по твоим же собственным расчетам, мы можем загнуться аж четырежды.

– Вот именно. Посчитай выгоду.

Несмотря на смертельную усталость, спал Юлий плохо.

Комбинезон был всем хорош, но не был предназначен для постоянной носки и сна на земле. Предполагалось, что пилота подбирают в первые двенадцать часов после аварии. Снять неудобный костюм Юлий не решался – без него ночью было бы слишком холодно.

В два часа ночи капитана Моргана разбудил хлюпающий звук. Сначала он решил, что это Клозе пошел отлить, но хлюпало слишком долго и со стороны болота.

А Клозе лежал рядом.

Юлий разбудил его дружелюбным пинком в бок. Они вооружились «офицерскими сороковыми» и провели остаток ночи без сна. Судя по звукам, хлюпало что-то очень здоровое.

Когда рассвело, ни самого животного, ни его следов они не обнаружили.

– Как ты думаешь, это был тот самый полукрокодил-полудинозавр? – спросил Клозе.

– Наверное, – сказал Юлий. У них оставалось чуть больше двадцати четырех часов до того, как Клозе станет гораздо хуже.

Юлий достал из кармана полевой бинокль, входивший в комплект комбинезона, и обозрел окрестности. В трех километрах к северу-востоку он увидел хлипкую струйку дыма, поднимающуюся к облакам. Передал бинокль Клозе.

– Вижу дым и забор, – сказал тот. – Больше ни хрена не вижу.

– Я хочу разведать, что там.

– Валяй, разведывай, – сказал Клозе. – У нас тут временная демократия, и ты побеждаешь большинством ног.

– Жди меня здесь, – сказал Юлий.

– Возьми. – Клозе протянул ему свой «офицерский сороковой». – Может, и пригодится.

– А ты?

– Если что, сделаю себе харакири. Нож-то у меня останется.

– Отобьешься ты с ножом от крокодила.

– Если ты не вернешься к вечеру, я даже пробовать не буду.

Юлий взял второй «офицерский сороковой» и сунул его за пояс.

– Поаккуратнее там, – посоветовал Клозе. – На данный момент ты мне очень дорог. Медленное, но надежное средство передвижения.

– Я тоже тебя ненавижу, – сказал Юлий и полез в болото.

Если бы Юлия попросили определить, кем именно приходится ему барон Клозе, то он затруднился бы с ответом. Клозе был его хорошим приятелем, собеседником, собутыльником, коллегой, братом по оружию и партнером по покеру, но Юлий никогда не назвал бы его своим другом.

У Юлия вообще не было друзей.

В понимании Юлия друг – слишком интимное понятие. Друг – это человек настолько близкий, что знает о тебе все, это человек, которому ты можешь доверять как самому себе. Но были вещи,

которые Юлий никому о себе не хотел рассказывать, и были ситуации, в которых он никому, кроме себя, доверять не мог. Пожалуй, самым близким человеком в его жизни была его младшая сестра. У него были неплохие отношения и со старшим братом, но только с сестрой его родственные чувства выходили на новый уровень.

Но ведь она была женщиной, а значит, не могла быть другом по определению. Настоящие мужчины не дружат с женщинами, даже если эти женщины – их сестры.

Ни в школе, ни в летной академии Юлий ни с кем особо не сближался. Принимал участие в повседневной жизни сокурсников, участвовал в вечеринках, но не больше. Да и те сами не слишком старательно искали его общества.

Он был лучшим. И лучшим не в чем-то одном, а во всем, чем бы он ни занимался.

У него были самые высокие оценки по основным предметам, он первым потерял девственность в возрасте тринадцати лет, никто не мог сравниться с ним в искусстве пилотирования, он почти никогда не проигрывал в покер, плюс, ко всему этому, был умен, хорош собой и принадлежал к знатному и богатому роду. Сам он этого не осознавал, но его однокашники видели в нем идеал, к которому надо было стремиться.

Ему завидовали и его не любили. Никто не хотел находиться с ним рядом, потому что люди просто терялись в той тени, которую он отбрасывал.

Но потом учеба закончилась, и потянулись армейские будни. Возможно, что он по-прежнему в чем-то превосходил остальных, но теперь это уже не имело значения. Он стал одним из серой армейской массы, винтиком в мощной и хорошо отлаженной боевой машине, которой являлись Военно-космические силы Империи. Винтик может быть сколь угодно хорош, но он все равно останется винтиком.

Здесь уже ни богатство, ни титул не имели большого значения. Индивидуальное мастерство тоже ничего не значило, когда он работал в команде. Крепость цепи определяется по самому слабому ее звену, и, пусть даже одно из звеньев будет сделано из тетрадона, цепь все равно порвется.

Блестящий кадет, как это часто бывает, превратился в заурядного

офицера.

Но он по-прежнему плохо сходился с людьми. Ему не нравилось в армии, и он ничего не мог с этим поделать. Психолог объяснил бы ему, что часть своего негативного отношения к армии он переносит на окружающих его людей, но он ходил к психологу только по непосредственному приказу командира и всегда старался валять там дурака.

Юлий понятия не имел, почему он вернулся за Клозе и почему тащил его на себе. Он сам не ожидал от себя такого поведения, и Клозе, судя по всему, тоже не ожидал.

Юлий спрашивал себя, вернулся бы он за Карсоном, Дэрринджером, Стивенсом или любым другим пилотом, оказавшимся на месте барона, и не находил ответа. Он словно открыл новую, неизведанную землю внутри самого себя, и теперь ему предстояло нанести ее на карту.

Или плюнуть и забыть. Юлий еще не знал, как он поступит.

Забор, подумал Юлий. Кому тут может понадобится забор и от чего он способен защитить? От отряда имперских десантников, болотных танков или от воздушного налета его, Юлия, коллег?

Потом он вспомнил хлюпающие звуки в ночи и взял свои слова обратно.

Забор оказался добротным бетонным сооружением высотой больше трех метров. Он огораживал площадь всего около двухсот квадратных метров, и Юлий не мог разглядеть, что за ним творится. Ворота, которые он нашел на южной стороне, тоже оказались непроницаемы для взгляда.

Здесь ведь может и не оказаться никакого транспорта, подумал Юлий. Может, тут живет просто парочка каких-нибудь доходяг, которые охотятся на жаб и пьют болотную воду.

Юлий вздохнул. У него был только один способ все выяснить.

Перелезть через забор не было ни сил, ни желания. Юлий взял по «офицерскому сороковому» в каждую руку и активировал реактивный ранец.

Реактивным ранцем пилоты пользовались вместо парашюта. Он был компактнее, маневреннее и безопаснее. И главное, с его

помощью можно было не только безопасно приземлиться после катапультирования, но и некоторое время летать в любом желаемом направлении.

Поднявшись на два метра выше забора, Юлий увидел небольшое строение, непонятно с какими целями возведенное среди болот, несколько человек и то, что он хотел увидеть больше всего. Транспорт.

Болотоход на воздушной подушке. Машина допотопная, но довольно надежная.

Юлий сомневался, что эти люди, кем бы они ни были, отдадут ему болотоход просто так, и решил считать их повстанцами. Тем более что они базировались неподалеку от космодрома и были вооружены. А потому он не стал вступать в переговоры с врагом и открыл стрельбу на поражение, используя фактор внезапности.

Конечно, Юлия учили стрелять. Было бы глупо, если бы офицер имперской армии не умел бы управляться с личными средствами обороны и наступления. Юлий стрелял неплохо, но сейчас впервые в жизни он убивал людей, не сидя при этом в кабине «игрек-крыла», а в индивидуальном порядке.

Во время боевых вылетов он стрелял не в людей. Он поражал цели. Вражескую технику, склады, ангары... космодромы. Были рядом с этими целями люди или не были, его не заботило. Это являлось проблемой тех самых людей.

Теперь же ему пришлось дарить смерть персонально, осознанно, и ему не понравилось ощущение, которое он при этом испытал.

Тех троих, что оказались на открытом пространстве, он снял быстро и легко, как в тире. Никто из них даже не успел схватиться за оружие. Но потом из домика вылезли еще двое, уже со штурмовыми карабинами в руках, и открыли ответный огонь.

Юлий сместился влево, набирая высоту, пристрелил первого, попытался сфинтить, словно в воздушном бою, но не учел, что у карабина площадь поражения гораздо больше, чем у «офицерского сорокового». Повстанец выстрелил, и боль обожгла правое плечо Юлия. Летный комбинезон был сделан из негорючего и довольно прочного материала, но пулю из штурмового карабина, выпущенную почти в упор, он, конечно, не держал.

Юлий выронил правый пистолет, выключил двигатель ранца, изображая летальное падение с высоты десяти метров, и в полете всадил ранившему его повстанцу пулю в грудь. Земля, а точнее, бетонированная площадка, больно ударила его при приземлении, но пилотов падать учили тоже.

Он перекатился в сторону, поднялся на одно колено и обшарил взглядом окрестности. Вроде бы больше в него никто не стрелял.

Комбинезон уже впрыснул в кровь обезболивающее и стимуляторы, «пурпурный коктейль», как называли это пилоты, и Юлий забыл о боли. Подобрал «офицерский сороковой» Клозе, он сунул его за пояс, а сам вооружился трофейным карабином.

Осторожно приблизившись к двери строения, Юлий трижды выстрелил внутрь из подствольного гранатомета. Конечно, в помещении могли оказаться припасы, которые бы не помешали двоим имперским пилотам на вражеской территории, но там могли оказаться и повстанцы, и Юлий предпочел не рисковать.

– Надо было мне идти в артиллеристы, – сообщил Юлий пяти трупам, открыл ворота и залез в болотоход. С таким старьем ему сталкиваться не доводилось, но человек, способный управлять имперским истребителем последнего поколения, способен разобраться и с этим... трактором.

Клозе ждал Юлия на ночной стоянке – а куда бы он, интересно, мог деться с одной ногой? Если при приближении болотохода он и занервничал, то вида не подал и за нож хвататься не стал. И правильно, что не стал. Много ли навоюешь с ножом против штурмового карабина?

– Это я, – успокоил его Юлий, спрыгнул на землю и помог забраться в кабину. Клозе устроился в одном из восьми пассажирских кресел и с любопытством оглядел салон.

– Так ты нашел там антикварную лавку? – спросил Клозе.

– Типа того, – сказал Юлий.

– Я слышал стрельбу, граф.

– И ваш слух не подвел вас, барон.

– Вы ранены.

– Ерунда. По сравнению с вашей раной, барон, это даже не царапина.

– Хорошо, граф. А то я уже начал чувствовать себя виноватым. Но теперь это чувство прошло. Сколько их было?

– Восемнадцать, – сказал Юлий.

– И каково это?

– Каково это – что?

– Убивать человека с близкого расстояния. Лицом к лицу.

– Лиц я не рассматривал, – сказал Юлий. – А что до ощущений... мы с тобой ведь и раньше убивали.

– Не так, – сказал Клозе.

– Какая разница? – спросил Юлий.

– Вот я и спрашиваю, есть ли разница, – терпеливо объяснил Клозе.

– Нету, – соврал Юлий.

А может, и не соврал. Может, ее действительно не было. Особенно для тех, кого он убивал.

ГЛАВА 9

Болотоход был способен выдавать до сотни километров в час, но Юлий не решился гнать на максимальной скорости и на незнакомой ему машине по незнакомой территории. Он знал Сахару только сверху, и все местные достопримечательности обычно рассматривал через прицел своего истребителя.

В безумной гонке по болотам не было особого смысла. Час разницы во времени не был для них критичен.

– Меня терзают смутные сомнения, – сообщил он Клозе. – Мы движемся на имперские позиции посредством болотохода без опознавательных знаков и со стороны повстанцев. Успеем ли мы объяснить нашим доблестным наземным войскам, что являемся их братьями по крови прежде, чем они нам ее пустят?

– Интересный и очень своевременный вопрос, – сказал Клозе. Он разложил сиденья и развалился на получившемся лежбище, как... одноногий барон в замызганном болотной грязью комбинезоне. – Вряд ли ребята подумают, что повстанцы решили атаковать их на одном болотоходе.

– А будут ли они думать или сразу начнут стрелять? – спросил Юлий.

– Не исключено, – сказал Клозе, непонятно что имея в виду. – Конечно, не исключена попытка атаки камикадзе. Болотоход, начиненный взрывчаткой по самые уши, врзается в какой-нибудь вшивый блокпост и разносит его в клочья...

– Может, нам надо будет попробовать с ними связаться?

– Эта идея сработает только в том случае, если мы увидим их раньше, чем они нас, – сказал Клозе. – К тому же я не уверен, что они смогут соотнести неизвестные голоса в эфире с нашим приближением.

– Известны ли случаи, когда сбитые над вражеской территорией пилоты возвращались обратно своим ходом?

– Мне – неизвестны, – сказал Клозе. – И потом, нечего примазываться к нам, пилотам, героически потерявшим свои истребители в неравном бою. Тебя никто не сбивал. Ты свое корыто

бездарно профукал путем утонутия его в болоте.

– Так ты меня сдашь?

– А как ты думал, мальчик? Конечно, сдам. Причем со всеми потрохами. Доблестная контрразведка запишет тебя в саботажники и диверсанты и объявит, что ты подарил повстанцам образец высоких имперских производственных технологий. И я стану одиноким героем, сбившим цельный «деструктор», а ты превратишься в презираемого всеми изгоя и предателя.

– Скотина ты, – сказал Юлий.

– Еще какая, – довольно улыбнулся Клозе. – Я уже представляю, какие я буду давать интервью газетчикам, и вижу их заголовки. «Сын графа Моргана оказался предателем Империи», «Бедный, но доблестный барон разоблачает сына личного советника императора», «Безнравственный поступок человека, носящего имя великого римского полководца, становится достоянием общественности благодаря лояльности лейтенанта Клозе».

– Придушу и утоплю в болоте, – пообещал Юлий.

– Всех не придушишь, – сказал Клозе.

– Мы тут вдвоем, – напомнил Юлий. – И потом, твои заголовки слишком длинные.

– Пусть длинные. Зато они мне нравятся. А если они нравятся мне, то придутся по вкусу и публике. «Молодой Морган оказался достойным фамилии древнего пирата, а не своего благородного отца», – продолжил Клозе. – «Питер и Гай Морганы публично отрекаются от своего сына и брата, запятнавшего честь их рода».

– Дурдом, – сказал Юлий.

– Постарайся увидеть во всем положительную сторону. Тебя, конечно, расстреляют, зато меня повысят в звании и наверняка переведут служить в более приятное место.

Об отставке по ранению не могло быть и речи. Обучение пилотов обходилось Империи слишком дорого, чтобы комиссовать их по такому пустячному поводу, как потеря одной ноги.

Впрочем, насколько Юлий мог судить, Клозе и не рвался в отставку.

– Может быть, мне даже дадут отпуск, – сказал Клозе. – И знаешь, куда я направлюсь в первую очередь?

– В бордель, – сказал Юлий.

– Правильно мыслишь, – сказал Клозе. – Но не в какой-нибудь занюханный клоповник на этой чертовой планетке, а в хороший, дорогой и первоклассный бордель на Эдеме, куда не брезгают заходить и родственники самого императора. Там такие цыпочки...

– Избавь меня от своих переживаний, – сказал Юлий. – Судя по твоему тону, ты сейчас кончишь.

– Фу, граф, что за слог! – возмутился Клозе. – Что за гнусные намеки на мою личную сексуальную жизнь?

– Никаких намеков, все черным по общему[3], – сказал Юлий.

Барон Клозе оказался прав.

Имперский патруль в составе пяти рядовых, одного сержанта и одного снаряженного двумя пулеметами вездехода обнаружил их первым. Юлий не был виноват. Угнанный у повстанцев болотоход не имел приборов наблюдения за местностью, не говоря уже о системе распознавания «свой-чужой», и во всем приходилось полагаться на собственные глаза. А имперский вездеход, оснащенный системой визуальной маскировки «хамелеон-4800», настолько сливается с местностью, что заметить его можно только после столкновения.

Столкновения не случилось. Имперский патруль выпалил из двух своих пулеметов по воздушной подушке, она лопнула, в результате чего болотоход подпрыгнул на два метра вверх и перевернулся.

Юлий инстинктивно схватился за штурвал, потому пострадал не так сильно, как развалившийся сзади и, естественно, не пристегнутый Клозе, который сломал руку, но из-за избытка лекарств в организме этого даже не почувствовал.

Вездеход лихо подрулил к подстреленному транспортному средству, обалдевших Юлия и Клозе выволокли наружу, разоружили и поставили перед сержантом.

– Уродов расстрелять, болотоход взорвать, – сказал сержант, отвернулся и полез в пулеметное гнездо вездехода.

– Сардж, – позвал Юлий, а когда тот обернулся, продолжил: – Не

хотелось бы вас разочаровывать, но мы не уроды. Мы – имперские военнослужащие.

Сержант резко развернулся на сто восемьдесят градусов и метко плюнул Юлию на ботинок. Ботинок был таким грязным, что Юлий не стал обращать на плевки внимания.

– Мы ловили много уродов, но еще ни один из них не признался, что он урод, – сообщил сержант Юлию. – Обычно они притворяются мирными жителями, но и сказку про имперских военных я слышу не впервые. Дайте мне самому догадаться. Вы – тайные агенты, спешащие в штаб блокады с докладом о положении дел среди уродов.

– Увы, – сказал Юлий. – Мы – всего лишь имперские пилоты, сбитые во время боевой операции.

Клозе промолчал, почему-то не став уточнять, что среди них только один сбитый.

Сержант рассмеялся, и Юлий подумал, что в своей жизни он редко встречал столь неприятных людей.

– Вы не очень похожи на пилотов, уроды.

Юлий почистил от грязи и продемонстрировал сержанту свои летные нашивки.

– Похоже на имперский летный комбинезон, сержант, – сказал кто-то из рядовых.

– Когда мне понадобится ваше мнение, рядовой Томпсон, я извещу вас об этом в письменной форме, – сказал сержант, не оборачиваясь на реплику. – Сегодня в этом районе не было боевых операций с участием авиации.

– Может, и так, сержант, – сказал Юлий. – Но операция была вчера, примерно в двухстах километрах отсюда.

– И вы хотите убедить меня, что два изнеженных комфортом золотых имперских мальчика с летными нашивками способны без внешней поддержки прожить больше суток на вражеской территории, да еще и раздобыть транспортное средство и пройти на нем двести километров? Ха!

– Мне не нравится это его «ха», – заметил Клозе Юлию.

– Но на вас действительно летные имперские комбинезоны, –

сказал сержант задумчиво. – Значит, вы не просто уроды. Вы – уроды-диверсанты. Расстрелять, – обратился он к рядовым.

– Ну что вы за человек такой, сержант, – сказал Клозе. – Все бы вам расстреливать да расстреливать.

– Таковы суровые законы военного времени, – объяснил ему Юлий. – На его месте мы поступили бы так же.

– В смысле, если бы он попался нам в руки? Тогда я бы точно так поступил, – сказал Клозе.

– И плевать, что его разжалуют в рядовые и навсегда оставят на этой планете, – сказал Юлий. – Парень выполнял свой долг.

– Именно так.

– Точно. Я готов.

– Сержант, у нас есть одна просьба, – сказал Клозе. – Мы оба – отпрыски дворянских родов и хотим, чтобы нас застрелили из нашего личного оружия.

– Блажь, – фыркнул сержант. – Вас расстреляют из пулемета, а не из оружия, которое вы украли у наших летчиков.

– Сержант! – снова подал голос рядовой Томпсон. – Я хочу, чтобы вы кое на что посмотрели.

– Что там еще?

Рядовой Томпсон подал сержанту два «офицерских сороковых», держа их за дула. На рукоятках табельного оружия пилотов значились их фамилии и звания. Юлий считал, это делают, чтобы легче было опознавать трупы.

– Посмотрите на их имена, – сказал рядовой Томпсон. – Сержант, как, по-вашему, существует ли хотя бы исчезающе малая вероятность, что эти люди – те, за кого они себя выдают?

– Какая разница? – спросил сержант. – Расстреляем их – и дело с концом.

– Продолжайте, рядовой, – подбодрил Томпсона Клозе. – Мне нравится, как вы излагаете свои мысли.

Сержант ударил его кулаком в лицо.

Юлий этого не ожидал, а потому не успел удержать, и Клозе

плюхнулся в грязь. В тот же момент нога Юлия врезалась сержанту в промежность и ушиблась о деталь бронекостюма. В ответ сержант двинул его в ухо, и Юлий полетел в болото рядом с бароном.

– Меня всегда восхищала прямолинейность армейского мышления, – сообщил Юлий рядовому Томпсону, который помогал ему встать на ноги. Двое других рядовых взяли Клозе за руки и насильно придали ему вертикальное положение. – Но вы делаете успехи, рядовой. Продолжайте в том же духе, и я прослежу, чтобы вы стали капралом. Если останусь жив, разумеется.

– Сержант, посмотрите на это имя, – продолжил воодушевленный рядовой Томпсон. – А что, если этот тип – родственник того самого Моргана?

Юлию было неприятно это осознавать, но впервые в жизни он был благодарен своему отцу.

– Рядовой Томпсон, неужели вы думаете, что родственник того самого Моргана мог получить назначение в эту дыру?

А что, по-твоему, я тут делаю, идиот, мысленно возопил Юлий.

– А вдруг это на самом деле так, сержант?

– Сейчас проверим, – сказал сержант. – Который из вас Морган?

– Я, – сказал Юлий.

– А я думал, что это твой одноногий дружок, – сказал сержант. – Ну и что скажешь? Ты имеешь отношение к тому самому Моргану?

– Незначительное. Он – мой отец.

– А о каком Моргане я сейчас говорю?

– Полагаю, вы говорите о графе Питере Моргане, личном советнике императора по вопросам национальной безопасности.

– Любой урод знает, кто такой граф Морган, – пробурчал сержант, которому не удалось подловить Юлия. – Что сынок такого человека делает здесь?

– Служит императору, – сказал Юлий. – В любом месте, куда его сочтут нужным отправить.

– Ты думаешь, я верю тебе хотя бы на грамм, урод?

– Во-первых, я никогда не мерил доверие граммами, – сказал

Юлий. – А во-вторых, вы можете легко установить истину. В расположении вашей части должна быть телефонная линия, по которой вы можете связаться с имперской базой ВКС 348-М, и вам сообщат о нас любую информацию. Фотографии, отпечатки пальцев, рисунок сетчатки глаза или анализ мочи.

– Ты слишком много болтаешь, урод, – сказал сержант и пнул Юлия в живот.

Юлий не слишком хотел подниматься, но его заставили.

– Мне нравится ваш стиль, сержант, – сказал Юлий. – И я даю вам слово, что постараюсь отплатить вам той же монетой.

– Наверное, все-таки стоит их расстрелять, – сказал сержант.

– Даже если они и уроды, сержант, у нас есть хороший предлог, чтобы вернуться в расположение нашей части, – заметил рядовой Томпсон. – Или нам придется патрулировать до самого вечера.

Это сработало. Пилотов запихали в вездеход, бросили на пол и придавили к нему тяжелыми солдатскими ботинками. Клозе сдавленно, но очень выразительно ругался по-немецки.

Юлий мечтал о горячей ванне, холодном пиве и встреченном сегодня сержанте в качестве боксерской груши.

Их доставили в расположение 286-го десантного батальона, который находился на условной передовой. База десантников произвела на Юлия тягостное впечатление.

Десант славился своей мобильностью, а потому при постройке своих пристанищ не пользовался бетоном и возводил каркасные домики быстрой сборки. И постоянное перетаскивание их с места на место не добавляло им шарма.

Юлия и Клозе притащили для допроса в кабинет разведчика.

По счастью, контрразведчика на данный момент в расположении части не оказалось.

– Итак, – сказал разведчик. – Вы утверждаете, что вы – сбитые пилоты.

К несчастью, у Клозе снова прорезалось его своеобразное чувство юмора.

– По правде говоря, здесь только один сбитый пилот – я, – сказал Клозе.

– А это тогда кто?

– Это? – Клозе посмотрел на Юлия. – Это лидер нашей боевой группы, который утопил свой истребитель в болоте.

– В болоте?

– В болоте. Знаете ли, их тут много. Болот.

– С какой целью вы утопили в болоте свой истребитель? – спросил разведчик.

Юлию поплохело. Сценарий, нарисованный Клозе по дороге сюда, начал приобретать черты реальности.

– Мне не нравился дизайн его крыльев, – сказал Юлий.

– Вот я вас и поймал! – торжествующе сказал разведчик. – Настоящий имперский пилот никогда не стал бы топить свой истребитель в болоте.

– Позвольте полюбопытствовать, на каком основании вы делаете подобные выводы?

– Я не обязан отчитываться перед «болотными тварями».

– Дайте я угадаю, – сказал Юлий. – Вы до сих пор не связывались с базой 348-М и не запрашивали наши данные.

– Я пытался, но кабель поврежден. Удачное стечение обстоятельств, не так ли, господин сепаратист?

– Боже, – простонал Клозе, – теперь на нас повесят еще и диверсию.

– Я не верю в такие совпадения, – сказал разведчик. – А вы?

– Точно повесят, – сказал Клозе.

– Я верю в любые совпадения.

– Особенно, когда они вам на руку? – уточнил разведчик.

– Они мне не на руку, – сказал Юлий. – Потому что я на самом деле капитан имперских ВКС Морган, а вот он – лейтенант тех же ВКС Клозе, и ему срочно нужна помощь хирурга.

– Почему это?

– Потому, что у него нет ноги.

– Судя по тому, как он прыгает, у него нет ноги уже достаточно давно.

– Да, со вчерашнего дня, – сказал Клозе. – Иначе бы я прыгал более эффектно. Сказывается недостаток практики.

– Вы не похожи на человека, которому вчера оторвало ногу.

– А вы видели много таких людей?

– Побольше, чем вы. Тут у нас десантный батальон, а не институт благородных девиц.

– Да, благородства вашим людям явно не хватает. Один из них ударил одноногого инвалида в лицо.

– Ну не по ноге же его бить, – сказал разведчик. – Итак, вы можете доказать, что вы на самом деле Клозе и Морган, или мы расстреляем вас за диверсию с кабелем?

– У нас есть пистолеты с нашими именами, комбинезоны с нашими именами и личные жетоны с нашими именами.

– К сожалению, ни на одном из названных вами предметов нет ваших фотографий.

– Недавно, примерно две тысячи лет назад, человечество изобрело одну полезную штуку, – сказал Клозе. – Она называется «компьютер». Вы можете ввести в него наши имена и номера наших жетонов и затребовать наши фотографии в армейской базе данных.

Юлий застонал.

– Кабель поврежден, – напомнил разведчик. – У нас нет доступа к армейской базе данных.

Юлий закатал рукав своего комбинезона и продемонстрировал разведчику свои татуировки.

– Вы знаете, что это такое?

– Вы могли наколоть их для прикрытия, – сказал разведчик.

– Не многовато ли?

– Болотным тварям, особенно диверсантам, свойственна дьявольская изобретательность.

– Мне кажется, вы им льстите, – сказал Клозе.

– Вы хотите сказать «нам».

– Я хотел сказать «им». Я лучше вас знаю, что я хочу сказать.

– Не уверен, – сказал разведчик.

– Я требую, чтобы с нами обращались согласно Женевской конвенции о военнопленных.

– На диверсантов ее положения не распространяются, – сказал разведчик. – Пожалуй, начнем с вами работать. Итак, каковы ваши настоящие имена и цели задания?

– Давай его убьем, – предложил Клозе Юлий. – Нас все равно расстреляют, но хоть будет за что.

– Попытка убийства имперского офицера, – записал разведчик. – Какие еще цели вы преследовали?

– О-фи-цер, – раздельно произнес Юлий. – И-ди-от. Я – капитан Морган, граф Морган, сын Питера Моргана, и у вас будут большие неприятности, о-фи-цер. Вы даже себе не представляете, какие у вас будут неприятности, о-фи-цер. Мой отец сотрет вас в порошок, о-фи-цер, не потому, что испытывает ко мне особенно теплые чувства, но потому что вы покусились на представителя его фамилии.

Расстреливать сразу их все-таки не стали. Вместо этого их заперли в карцере, где было темно, холодно и мокро. В принципе, так же было и на болотах, но, поскольку с них содрали летные комбинезоны и выдали десантную форму со споротыми знаками отличия, они не могли не обращать на это внимания, как делали это прежде.

Клозе стало плохо. Комбинезон больше не обеспечивал лекарствами его организм, и Юлий подумал, что Клозе скоро загнется.

Его мучили боли и бил озноб.

Юлий тарабанил в дверь и требовал хирурга, крича, что не желает сидеть в одной камере с покойником, и всего через полтора часа его крик был услышан. Пришли двое десантников и унесли Клозе, не сказав Юлию, уносят они барона к хирургу или на расстрел.

Самого Юлия накормили отвратительным на вкус ужином, мало чем отличавшимся от его сухпайка, и оставили в одиночестве на всю ночь.

Обработать его рану никто так и не удосужился.

Утром его снова потащили на допрос, на этот раз в кабинет вернувшегося контрразведчика. Контрразведчик был капитаном, как и Юлий, и так же молод. Юлий усмотрел в этом добрый знак.

– Я – капитан Коллоджерро, – представился контрразведчик. – Это итальянская и довольно сложная для произношения фамилия, поэтому вы можете называть меня капитаном или просто Винсентом.

– Я – капитан Морган, – сказал Юлий. – Это древняя аристократическая фамилия, и поэтому вы можете называть меня уродом или просто болотной тварью.

– Вижу, вы уже познакомились с майором Стокхедом.

– А также с сержантом, фамилия которого мне неизвестна. Но я очень хотел бы продолжить знакомство с ними обоими.

– Понимаю. Курить хотите?

– Хочу.

– Как только вы подпишете признательный протокол, я сразу дам вам покурить. Целую пачку.

– Я Империю на курево не променяю.

– Но попробовать-то стоило, – вздохнул Винсент и протянул Юлию пачку сигарет и зажигалку. Сигареты были приличными.

– Вы – первый встреченный мною в жизни контрразведчик, у которого присутствует чувство юмора, – сказал Юлий.

– Вы должны извинить моих коллег. Профессия накладывает на людей определенный отпечаток.

– Вы требуете от меня слишком многого. Я еще и вас-то не извинил.

Винсент тоже закурил. Дым от их сигарет поднимался к потолку и перемешивался.

– С какой целью вы пересекли демаркационную линию? –

спросил Винсент.

– С целью вернуться на базу 348-М, где расквартирована наша эскадрилья.

– Где вы взяли болотоход?

– Ответ может вас здорово удивить. На болоте.

– Он просто стоял и ждал, пока вы им завладеете?

– Не совсем так.

– А как?

– Там были местные, которые на нем приехали.

– Сколько человек?

– Пять. Может, больше.

– И что вы с ними сделали?

– Застрелил.

– Из чего?

– Из «офицерского сорокового».

– Если я дам вам карту, вы сможете указать место, где это случилось?

– Едва ли. К этому моменту мы почти сутки шли пешком, и я затрудняюсь точно рассчитать расстояние, которое мы преодолели.

– Но вы при этом точно знали, в какую сторону вам надо идти?

– Да.

– Почему?

– Потому, что мы – пилоты. Ориентирование на местности у нас в крови.

– Вы были сбиты во время боевого вылета?

– Увы.

– «Увы» – что?

– Увы, да.

– Каковы были цели вашего вылета?

– Я не уверен, что имею права разглашать вам такую информацию. Какой у вас уровень допуска?

– Синий три.

– Доказать можете?

– Могу. – Винсент достал из внутреннего кармана пластиковую карту с фотографией и кодами и продемонстрировал Юлию, не выпуская ее из рук.

– Отлично, – сказал Юлий. – Целью нашего боевого задания было уничтожение космодрома повстанцев в двухстах километрах отсюда в секторе Зэт-13.

– А «деструктор»? – спросил Винсент.

– Что с «деструктором»?

– Он был как-то связан с вашим заданием.

– Он был целью группы, действовавшей параллельно с нами.

– Это они его уничтожили?

– Скорее, его ликвидация стала плодом коллективного творчества.

– Что вы хотите этим сказать?

– Сначала парень из параллельной группы пошел на таран и проделал в его борту огромную пробоину, – начал объяснять Юлий. – Потом одноногий инвалид, с которым нас взяли на болотах, тогда еще не будучи одноногим инвалидом, засадил ракету в капитанскую рубку, а ваш покорный слуга достойно закончил их начинания.

– То есть вы принимали непосредственное участие в уничтожении «деструктора»?

– Каюсь, ибо грешен.

– Что вы можете сказать об этом «деструкторе»?

– А что конкретно вас интересует? Линейный крейсер имперского производства. Вам технические подробности нужны или что?

– У вас было время, чтобы его рассмотреть?

– Не слишком много, как вы понимаете. В основном я занимался

тем, что не давал «деструктору» меня убить.

– На крейсере стоял главный калибр?

– Да, и, честно говоря, это меня несколько удивило.

– Не только вас, – сказал Винсент. – Как вы потеряли ваш истребитель?

– Посадил его в болото, и он утонул.

– Зачем вы посадили его в болото?

– Хотел подобрать одноногого идиота, – сказал Юлий. – Кстати, что вы с ним сделали?

– Отдали хирургу, – сказал Винсент. – Мы не можем себе позволить расстрелять больного человека, это плохо скажется на имидже имперских вооруженных сил. Нам этого не простит наша собственная пропаганда.

– Вы все еще собираетесь нас расстрелять?

– Конечно, – сказал Винсент. – Вы рассказывали все довольно убедительно – наверное, долго заучивали свою легенду, но в одном вы прокололись. Я спросил, стоял ли на крейсере главный калибр, и вы это по инерции подтвердили. Но этот крейсер был списан двадцать лет назад, и главный калибр с него сняли.

– Значит, кто-то поставил его обратно.

– Если бы вы на самом деле были имперским пилотом, вы бы знали, что это невозможно. Подобные орудия устанавливаются на боевые корабли только в одном месте – на верфях Марса, и их никогда бы не поставили на судно, не входящее в состав имперских ВКС.

– Так уж получилось, что мне это известно, Винсент, но я привык верить своим глазам. Я видел главный калибр.

– Вас стоит застрелить только за одно это, – сказал Винсент. – А вы к тому же еще шпион и диверсант.

– Вы не логичны. Если бы я был шпионом, то зачем мне изображать пилота? Прикинуться десантником было бы гораздо проще.

– Почему вы так считаете?

– Мне так кажется.

– Десантник не может оправдать свое длительное отсутствие в расположении части, – сказал Винсент. – Его не могут сбить над территорией сепаратистов.

– Вы расстреляете меня до того, как починят кабель, который мы с одноногим повредили, или после?

– Я еще не решил. Впрочем, не буду вас больше терзать. Ремонтные бригады восстановили кабель сегодня утром, повреждение показалось им вполне естественным и не слишком похожим на саботаж.

– Одним обвинением меньше, – прокомментировал Юлий.

– Я знаю, что вы на самом деле капитан Морган и лейтенант Клозе, – сказал Винсент. – Сегодня вечером прибудет транспорт, который доставит вас на вашу базу.

– Тогда к чему вы устроили тут этот цирк?

– Из любви к искусству. В детстве я хотел стать клоуном.

– Странная смена приоритетов – от клоуна к контрразведчику.

– Я назвал бы это крушением детских иллюзий, – сказал Винсент. – У вас есть какие-нибудь пожелания?

– Я хотел бы повидаться с сержантом, который нас задержал.

– Вы хотите предъявить ему официальные претензии и обвинить в избиении офицеров?

– К чему выносить сор из избы? – спросил Юлий. – Думаю, мы с ним сможем договориться по-свойски.

– По-моему, вы заблуждаетесь, – сказал Винсент. – Но я устрою вам эту встречу, если сержант не на патрулировании.

Сержант не казался особенно счастливым из-за визита в кабинет контрразведчика, тем более что кроме самого контрразведчика там его ждал улыбающийся Юлий.

В присутствии офицеров сержант вытянулся по стойке «смирно». Без бронекостюма он уже не показался Юлию таким здоровенным.

Юлий подошел к сержанту и положил здоровую руку ему на плечо. Правая начинала болеть, но этим можно было пренебречь до вечера.

– Я задолжал вам три удара, сержант, – сказал Юлий, чувствуя себя в присутствии Винсента в полной безопасности. – Два за себя и один за того парня. Думаю, что это будет справедливо.

На лице сержанта не дрогнул ни один мускул.

– Вы били нас с правой, а она у меня болит, – сказал Юлий. – А с левой у меня удар не так хорош, но я удовольствуюсь и этим. Имеете сказать мне что-нибудь напоследок?

Сержант промолчал. Он понимал, что был немного не прав там, на болотах, и три удара в морду казались ему наименее неприятным выходом из этой ситуации. Юлий имел право требовать военно-полевого суда, и в этом случае сержант так легко бы не отделался.

– Начинаю, – объявил Юлий, сделал шаг назад и ударил сержанта левой в челюсть.

Сержант слегка мотнул головой.

– Я вас предупреждал, – сказал Винсент. – Единственным результатом битвы десантников могут стать только сломанные пальцы. Вы бы видели, что с ними вытворяют в тренировочном лагере.

– Ввожу поправку, – сказал Юлий и саданул сержанта ботинком в живот.

Сержант чуть согнулся, поморщился и сделал полшага назад. Мгновение спустя он снова стоял по стойке «смирно» и никаких эмоций не читалось на его лице.

– Так тому и быть, – сказал Юлий и сломал об сержанта стул.

Юлия накормили, полечили, дали помыться и предоставили чистый комплект одежды. А капитан Коллоджерро был настолько любезен, что даже проводил его до вечернего транспорта.

– Напоследок я хочу познакомить вас с официальной версией событий, – сказал Винсент.

– И что гласит официальная версия?

– «Деструктора» не было.

– Как не было?

– Совсем не было.

– Любопытно. А кто же тогда расколошматил столь неприличное количество наших истребителей?

– Плотная противовоздушная оборона сепаратистов.

– А мы, значит, слепые и глупые?

– Это, между прочим, не моя идея. Я вас с ней только знакомлю.

– А кто настоящий автор?

Винсент ткнул пальцем в облака.

– Да неужто? – удивился Юлий и полез по трапу.

Через три часа нервного полета (Юлий всегда нервничал, если транспортное средство пилотировал не он) транспорт приземлился на посадочной площадке базы 348-М. Юлий доложил о своем прибытии полковнику Ройсу, пообещал написать подробный отчет к следующему вечеру, зашел в офицерский клуб за виски и сигаретами, потом заперся в своих апартаментах, и только тогда у него началась истерика.

Часть вторая

ТАНЕЦ В РАЮ

ГЛАВА 1

Юлий лежал на пляже, и теплое тропическое солнце ласкало его своими лучами. Глаза Юлия были закрыты под темными очками, он просто лежал и слушал доносящийся до него плеск воды и гомон отдыхающих.

Юлию было хорошо по нескольким причинам.

Ему было тепло, и он мог валяться на пляже без одежды.

Война и негостеприимная заболоченная Сахара временно оказались от него очень далеко, и перспектива вернуться к боевым действиям в ближайшем будущем ему не светила.

Ему дали майора, и он ждал нового назначения. И совсем не факт, что это новое назначение снова приведет его на Сахару.

Была только одна вещь, которая не давала ему покоя, но Юлий собирался разобраться с ней в течение... Он не знал, сколько конкретно времени ему на это потребуется, но знал, что не успокоится, пока не доведет дело до конца.

Рядом что-то зашуршало, и на Юлия полетели теплые брызги.

– Поаккуратнее, – сказал Юлий. – Ты мне мешаешь.

– Ты же ничего не делаешь, – сказал капитан Клозе.

– Вот и не мешай мне ничего не делать.

– Пиво будешь?

– Холодное?

– Стал бы я предлагать целому майору теплое пиво?

– Давай. – Юлий открыл глаза и взял бутылку из руки Клозе.

Смотреть на голого Клозе было смешно. Ему восстановили правую ногу, но на ней еще не успели вырасти волосы, тогда как его левая нога была покрыта густыми рыжими порослями. Юлий как-то посоветовал Клозе побрить вторую ногу, но тот отказался, сообщив, что бритье ног не входит в перечень тех занятий, которыми пристало заниматься барону.

Клозе прилетел на Эдем через неделю после Юлия. Ему тоже

предоставили двухмесячный отпуск. Встретиться им не составило особого труда – ВКС селили своих офицеров в ограниченном числе отелей.

– Я только что познакомился с одной весьма аппетитной цыпочкой, – сказал Клозе. – Думаю, у меня получится.

– Где это ты с ней познакомился?

– В воде.

– А что у тебя должно с ней получиться?

– Секс.

– О, нет! – простонал Юлий. – Три последних ночи ты провел в борделе, возвращаясь в отель в семь утра, и тебе все еще не хватает секса?

– Так то за деньги, а это – по любви.

– По какой еще любви? Ты знаешь ее десять минут.

– И за это время в моем сердце успела вспыхнуть страсть.

– Которая погаснет к утру.

– Как знать, – сказал Клозе, ваясь в шезлонг с пивом в одной руке и сигаретой в другой.

– Как хоть ее зовут?

– Такими интимными подробностями я еще не интересовался, – сказал Клозе.

– Ты просто маньяк.

– Нет, я – самец.

– Очевидно, самец кролика.

– Ты просто завидуешь.

– Я более разборчив в своей сексуальной жизни.

– Тебе просто никто не дает.

– Это целому майору-то?

– Пока ты голый, никто не видит, что ты майор.

– Такова жизнь, – сказал Юлий.

– Когда я шел в военную академию, у меня был план стать полковником в сорок лет, а к пятидесяти получить собственный корабль. Похоже, что я несколько опережаю свой график.

– Сплюнь, – сказал Юлий. – Стивенс, например, тоже уже должен был стать майором, но в ближайшее время ему это не светит.

Стивенсу, который, как и Клозе, катапультировался во время достопамятной стычки с «деструктором», которого не было, повезло не так сильно. Он выжил, но попал в плен к повстанцам. Отсутствие нормальной связи здорово затрудняло переговоры между руководством ВКС и лидерами мятежников, и процесс обмена пленных обещал затянуться минимум на полгода. Стивенс заслужил своего майора, но ему не могли присвоить очередное звание, пока он находится в плену. Карьера всегда была для Стивенса на первом месте, и он сейчас, наверное, на стенку лезет.

Юлий уже узнал, кто был тем самым парнем из «синей» группы, который протаранил «деструктор» и позволил Юлию с Клозе его добить. Юлий сожалел, что Карсон, Дэрринджер и другие парни отлетали свое. Операция «Всплеск» на данный момент занимала первое место по потерям среди пилотов во время «полицейской операции» на Сахаре. В общей сложности, если посчитать все три ударных отряда, с нее не вернулись двадцать пять человек.

Из «синей» группы выжил один только Стивенс, и тот был в плену.

Начальство простило Юлию утопленный в болоте истребитель. После того как Юлий и Клозе расколошматили ныне официально несуществовавший «деструктор», им простили бы все что угодно.

– Скажи лучше, у тебя прошли суицидальные настроения? – поинтересовался Клозе. – Или тебя все еще беспокоит выбор оружия, из которого ты хочешь пустить себе пулю в лоб?

– Мои суицидальные настроения отступили на второй план, – признался Юлий. – Но они могут вернуться, если нас снова пошлют на Сахару.

– Теперь ты сплюнь, – сказал Клозе.

– Слева от меня лежишь ты.

– Тогда постучи по деревяшке.

- Наклонись поближе, а то вставать неохота.
- Судя по твоему постоянному хамству, тебя записали в графья по ошибке.
- Это ты еще с моим папой не знаком.
- Неужели он хуже тебя? Мне это сложно представить.
- Просто у тебя недостаток воображения, – сказал Юлий.
- Я же говорил, что ты хам. Который час?
- Пятнадцать третьего. – Юлий глянул на часы – единственный его предмет одежды на данный момент. Если не считать темные очки. – Тебе зачем?
- Мне надо в штаб округа, – сказал Клозе. – Забрать отпускные и «боевые».
- Не забудь надеть хотя бы шорты.
- Я думал, для визита в штаб округа надо надевать парадный мундир, – сказал Клозе.
- Ты на Эдеме, сынок, – сказал Юлий. – А Эдем – это рай.

После пляжа Клозе, в шортах и сандалиях, отправился в штаб округа, а Юлий, в таком же наряде, в бар при отеле «Лазурный», в котором они остановились.

Юлий ловил себя на мысли, что в последнее время он пьет все больше и больше. Это его немного раздражало, но сделать с собой он ничего не мог. Он был слишком силен, а потому сам не мог с собой справиться.

В баре было темно и прохладно. Юлий взгромоздился за стойку, поздоровался с барменом по имени Эдди и заказал как обычно. Эдди подал ему бокал коньяка.

В баре «Лазурного» постоянно было полно пилотов, мнящих себя ассами, и Юлий принципиально не надевал майку, когда ходил в это заведение. При виде сорока одного наколотого на бицепсе черепа – «деструктор» Юлий все же посчитал за одного, хотя и не имел права никому рассказывать о его былом существовании, – молодежь тушевалась и не лезла к ветерану. Юлий ходил бы в другие бары, но

там постоянно было полно гражданских, а они раздражали Юлия еще больше.

Несмотря на повышение и возможный перевод, Юлий все еще хотел покинуть армию, хотя и не представлял, чем он будет заниматься. Наверное, политикой, думал он. Происхождение у меня подходящее, уметь там вроде бы ничего не надо, а нелюбовь к остальным людям... Покажите мне хотя бы одного политика, который бы любил людей.

Первый император, создатель Империи, был диктатором и тираном, который пришел к власти, перешагивая через горы трупов и переплывая моря крови. Юлий понимал, что звучит это банально, но это было правдой.

Такие мысли Юлий никогда не озвучивал, но...

Возможно, в те времена всеобщего хаоса централизованное руководство было жизненно важным для существования всего человечества, как это утверждают учебники истории и имперская пропаганда, а может быть, и нет. Юлия тогда не было на свете, а доверять суждениям других людей он не мог. Первый император мог вполне оказаться кровавым маньяком, возжаждавшим власти и не гнушавшимся никакими средствами.

Он провозгласил себя Первым императором Человеческой Империи, а людей, которые помогли ему утопить конкурентов в крови, назначил дворянами. Юлий подозревал, что Хьюго Морган, первый граф этой фамилии, был тем еще пиратом.

Постепенно эти люди остепенились, озаботились дать своим детям приличное образование, те сделали то же самое со своими детьми, и через четыреста лет эта цепочка привела к рождению Юлия.

Юлий был благодарен своим предкам за то, что он родился графом, но пиетета к их мнению не испытывал.

По большому счету, сейчас монархия его вполне устраивала. Но он не сомневался, что, если бы ему довелось родиться простолюдином, сама идея такого общественного устройства приводила бы его в ярость.

А нынешние простолюдины относились к ней вполне спокойно. Конечно, сейчас им были открыты почти все пути: они могли

занимать любые должности, не требующие родства с императорской фамилией, и они могли даже получить титул за выдающиеся заслуги. Но ведь были и времена дикого мракобесия, когда какой-нибудь барон мог застрелить обычного человека только потому, что тот пришелся ему не по вкусу. А восстаний и мятежей все равно было возмутительно мало.

Неужели остальные люди довольствуются тем, что есть, и ко всему привыкают? Неужели никто не склонен задавать себе вопрос, а почему на свете все устроено так, а не иначе? Неужели никто не хотел для себя большего?

Юлий находил, что это так, и презирал остальную часть человечества.

Юлию нравились отдельные личности, но не все человечество в целом. Поэтому он и не хотел служить в армии. Идея отдать жизнь за тупую, серую и аморфную массу не вдохновляла его на подвиги.

Он был сибарит и мизантроп. Свой личный комфорт он всегда ставил превыше государственных интересов.

В половине пятого в бар зашел высокий молодой человек в белых парусиновых брюках, белой рубашке и легких туфлях на босу ногу. Все обитатели Эдема отличались превосходным загаром, но этот человек был смугл от рождения. Еще у него были черные волосы и нос с горбинкой.

Молодого человека звали Асад ад-Дин, он был помощником военного атташе при консульстве независимой планеты Хорезм на Эдеме. Иными словами, он был шпионом.

Увидев Юлия, шпион приветливо махнул рукой и взгромоздился на соседний табурет. На Хорезме царил халифат, а Асад был каким-то дальним родственником одного из визирей. Они познакомились с Юлием на одном из многочисленных приемов, устраиваемых матерью Юлия в их загородном поместье в Европе, и, несмотря на то, что религия запрещала Асаду пить, Юлий считал его своим приятелем.

Юлий был обрадован, когда узнал, что Асад находится на Эдеме. Он не особо рассчитывал на сотрудничество, в каких бы то ни было неофициальных вопросах, когда обращался в консульство на Эдеме, и

с Асадом ему неожиданно и незаслуженно повезло.

Они пожали друг другу руки. Асад заказал у бармена воды.

– Воды? – переспросил Эдди.

– Воды, – подтвердил Асад. – Желательно минеральной. У вас ведь есть вода?

– У нас есть вода, – сказал Эдди. – Но кто ходит в бар для того, чтобы пить воду?

– Я, – сказал Асад.

Эдди пожал плечами и поставил перед Асадом стакан с охлажденной минеральной водой. Юлий воспользовался случаем и заказал еще бокал коньяка.

– Слишком много пью, – пожаловался Юлий Асаду.

– Бывает, – сказал Асад.

– Хорошая у вас религия, – сказал Юлий. – Полезная для здоровья.

– Мусульмане курят, – сказал Асад.

– Это не так страшно.

– Кому как, – сказал Асад. Он не курил. – Ты можешь принять мусульманство. Тогда тебе тоже будет запрещено пить.

– Я не смогу бросить, – сказал Юлий. – Я выпит алкоголь с молоком матери. Фигурально выражаясь, конечно. Вот если бы мне с детства говорили, что алкоголь – грех...

– То, насколько я тебя знаю, ты спился бы годам этак к пятнадцати.

– Ты жесток в своих суждениях, – сказал Юлий.

– Но справедлив, – сказал Асад. – Откуда ты узнал, что я на Эдеме?

– Я и не знал.

– Тогда какого шайтана ты обратился в наше консульство?

– Это мутная история, – сказал Юлий. – И я хотел бы пролить на нее свет.

– С каких пор тебя интересует что-то кроме выпивки и баб?
Когда ты успел так измениться?

– Не слишком давно.

– Понятно. Как твоя военная карьера?

– Я теперь майор.

– Поздравляю.

– Не с чем. Ты знаешь, как я отношусь к армии. Это все папаша.

– Достойный и мудрый человек.

– Не тебе судить. Ты с ним рядом не жил.

– И сожалею об этом. Думаю, я мог бы многому у него научиться.

– В основном, плохому, – сказал Юлий.

– А как твой брат?

– Он подполковник.

– И это все, что ты о нем знаешь?

– Он служит на другом конце Галактики.

– А твоя сестра?

– Вот-вот выскочит замуж.

– Это Пенелопа-то? Как летит время! Еще буквально позавчера я помогал ей залезать на ее пони...

– Это когда такое было? – насторожился Юлий. – Что-то я такого не помню.

– Тебя тогда не было на Земле. Ты учился в академии.

– Ты случайно не подбивал клинья к моей сестре? – подозрительно спросил Юлий.

– Вы оскорбляете меня своими подозрениями, граф.

– Ты говоришь сейчас, как один мой знакомый.

– Хороший знакомый?

– Полный идиот.

– Интересно, как в разговорах с другими своими знакомыми ты

характеризуешь меня.

– Я о тебе в разговорах с другими своими знакомыми даже не вспоминаю.

– С тобой так же трудно разговаривать, как и раньше.

– Ничего в этой жизни не дается нам легко. Как ты получил назначение в этот рай?

– Отец помог.

– Везет же некоторым с родителями, – сказал Юлий. – Мой отец и пальцем о палец ради меня не ударит. Меня сослали в чертову дыру, в которой идет война и где меня могли убить в любую секунду, а старый хрыч и бровью не повел.

– Наверное, он не хочет, чтобы его обвинили в том, что он помогает своему сыну в ущерб другим военным.

– В этом его нельзя даже заподозрить.

– Он занимает слишком высокий пост, и его репутация должна быть белее снега.

– Интересно, что ты об этом заговорил. Ты хоть знаешь, что такое снег?

– Хорезм сильно похож на Землю. У нас бывают зимы, знаешь ли.

– Зато на Эдеме снега никогда не бывает.

– Откуда снег в раю? – спросил Асад. – Так о чем ты хотел со мной поговорить?

– Мое общество тебе уже наскучило и ты хочешь уйти?

– Нет, но я предпочел бы разобраться с делами, а потом уже наслаждаться твоим обществом. Я люблю последовательность.

– Я не хочу разговаривать здесь, – сказал Юлий. – Давай прогуляемся по улице.

Они вышли из полумрака бара на залитую солнцем улицу. Улица была вымощена булыжником, вдоль пешеходной мостовой через каждые двадцать метров стояли деревянные скамейки. Дома на улице были каменные, не выше шести этажей. Вся архитектура на Эдеме была архаичной. Здесь делали все, чтобы помочь туристам забыть о

течении времени.

Здесь не было часов, кроме тех, что туристы привозили с собой. Движение наземного транспорта было ограничено отдельными районами. Воздушный транспорт не имел права летать над городами. Конечно, это было неудобно, если человек куда-то опаздывал, но на Эдеме никто никуда не спешил.

Это был рай. И Новая Ялта, в которой сейчас находился Юлий, была кусочком этого рая.

– Я слушаю, – сказал Асад.

– Примерно двадцать лет назад, а может быть, и чуть больше, ваша, вне всякого сомнения, миролюбивая планета приобрела списанный имперский крейсер класса «деструктор», – сказал Юлий. – Я хотел бы знать дальнейшую судьбу этого крейсера.

– И это все?

– Представь себе, да.

– А зачем тебе надо это знать?

– Просто надо.

– Хорошо, – сказал Асад. – Давай присядем. Я не могу работать с компьютером на ходу. То есть, в принципе, могу, но зачем создавать себе и прохожим лишние неудобства?

Они присели на свободную скамейку. Юлий, естественно, сразу же закурил.

Асад достал из кармана портативный компьютер, и его пальцы задвигались над виртуальной клавиатурой. Асад мог вывести изображение перед собой, но предпочел этого не делать, чтобы не привлекать внимания прохожих, и удовольствовался маленьким встроенным дисплеем.

– В интересующий тебя промежуток времени наша миролюбивая планета приобрела пять имперских крейсеров класса «деструктор», – сообщил Асад. – «Стремительный», «Решительный», «Король Карл», «Яростный» и «Пилигрим».

– И ведь наверняка в адмиралтействе есть люди, которые получают деньги за придумывание этих названий, – вздохнул Юлий.

– Мы их переименовали, – сказал Асад.

– Ты можешь узнать, что с этими крейсерами стало после?

– «Ифрит», бывший «Яростный», «Гул», бывший «Король Карл» и «Силат»[\[4\]](#), бывший «Пилигрим», до сих пор находятся у нас на вооружении.

– Я вижу, у вас тоже проблема с названиями. А куда делись «Стремительный» и «Решительный»?

– Были проданы. Один почти сразу, другой – через пять лет эксплуатации.

– Ты можешь узнать кому?

– «Стремительный» был изначально обещан нашим соседям – планете Бигар. Они бы купили его у вас сами, но так как мы приобретали сразу нескольких кораблей, то нам предоставили оптовую скидку и вышло дешевле. Полагаю, «Стремительный» до сих пор у бигарцев.

– Ты можешь узнать это точно?

– С этого терминала – нет. Но я могу навести справки, когда вернусь в консульство.

– Ты сделаешь это для меня?

– Да.

– А что случилось с «Решительным»?

– Продан некоему Роману Ольховскому, имперскому предпринимателю. Но вполне может быть, что это подставное лицо и на самом деле крейсер предназначался кому-то другому.

– Зачем частному лицу боевой корабль?

– Может, он в детстве недоиграл в «пилотов и пиратов». А может, просто коллекционирует модели.

– Ты можешь разузнать и о нем?

– Могу, но поскольку Ольховский является имперским подданным, тебе это сделать легче.

– Я не могу интересоваться этим делом по своим каналам.

– Почему?

– Потому, что официально никакого дела не существует.

– Вот как? – Асад изогнул правую бровь. Одну. У Юлия никогда так не получалось. – Меня интересуют подробности.

– Я не имею права тебе их рассказывать.

– После того, как я обещал тебе помочь?

– Я сказал, что не имею права. Я не сказал, что не буду. Но ответь мне на еще один вопрос. Хотя бы на одном из этих крейсеров был главный калибр?

– Конечно, нет. Ты же знаешь вашу политику в этом вопросе.

– Не вооружай друзей, потому что они могут стать врагами.

– Что-то вроде того. Так что стряслось с этим крейсером?

– Ты никому не расскажешь?

– Клянусь бородой Пророка!

– Я его сбил.

– Ты?

– Я.

– Крейсер?

– Да.

– В одиночку?

– Нет, мне помогали. Я, как бы это сказать, нанес «удар милосердия».

– Вы что, с кем-то воюете?

– С сепаратистами Сахары.

– Откуда у этих идиотов крейсер?

– Именно это я и хотел бы узнать.

– Ты думаешь, что это был один из наших крейсеров?

– Была такая информация.

– Откуда?

– От нашей разведки. Нам сказали это на предполетном брифинге. И знаешь, что самое интересное? У того крейсера был главный калибр.

– Значит, это не наш.

– Я уже ни в чем не уверен, – сказал Юлий. – Разведка утверждала, что это один из бывших ваших крейсеров и у него нет главного калибра. А потом все в один голос стали утверждать, что никакого крейсера вообще не было.

– Мы не поддерживаем сепаратистов, – сказал Асад. – Сахара от нас слишком далеко, и нам нет от этого никакой выгоды.

– Это верно, – вздохнул Юлий. На Хорезме отсутствовало производство, использовавшее тетрадон. Основной спрос на этот металл проистекал из самой Империи. – Когда я могу рассчитывать на твою информацию?

– Завтра к утру тебя устроит?

– Лучше во второй половине дня. Я поздно встаю.

– Отпускник, – сказал Асад.

– Кто бы говорил, – сказал Юлий. – Ты вообще тут живешь.

Когда Юлий вернулся в свой номер, там уже был Клозе. У капитана имелись собственные апартаменты, расположенные на два этажа выше, но Клозе утверждал, что у Юлия лучше вид из окна. Юлий заметил, что так и должно быть, потому что он майор, а не какой-то там капитан, на что Клозе послал его на фиг.

Клозе валялся на застеленной горничной кровати Юлия и листал свежий выпуск «Плейбоя» с голографическими фотографиями и трехмерной анимацией. Журнал он принес с собой – Юлий не любил порнографии.

– Встречался со своим арабом?

– Он вовсе не мой араб, – сказал Юлий. – И я не уверен, что он в принципе араб. А ты, между прочим, расист и грязная германская свинья.

– Кто бы говорил. Англосаксонский выродец с именем паршивого итальяшки.

– Мне кажется, иногда ты забываешь, что ты – всего лишь барон.

– Как у вас там все прошло?

– Нормально. Он пообещал помочь. Но дело осложняется тем, что у них было целых пять кораблей, попадающих под наше описание.

– Хреново. Ты уверен, что не зря все это затеял?

– Нет.

– Я так и думал, – сказал Клозе. – У меня плохие предчувствия по поводу этого крейсера. Зря ты решил корчить из себя частного детектива.

– Я хочу знать, кто нас подставил.

– А ты уверен, что нас подставили?

– Нет. Дерьмо случается иногда и без посторонней помощи. Но гораздо чаще без нее все-таки не обходится.

– Ты воспринял эту историю слишком лично.

– Меня пытались убить.

– О, не заводи эту шарманку снова. Какие у тебя планы на вечер?

– Пока никаких.

– Предлагаю пойти куда-нибудь.

– А как же твоя цыпочка, с которой ты как бы познакомился на пляже, даже не узнав ее имени? – ехидно спросил Юлий. – Она тебя больше не заводит?

– Она дала мне неправильный адрес, – вздохнул Клозе. – Я туда звонил, а к фону подходит какой-то мужик. Коварная змея. Если я встречу ее еще раз, то обдам холодным презрением.

– Ха! – процитировал Юлий одного знакомого им обоим сержанта.

ГЛАВА 2

Катастрофа произошла в полночь.

Катастрофу звали Изабеллой, но тогда Юлий и Клозе этого еще не знали.

По настоянию Клозе они отправились в бар, куда обычно пилоты не заходили. Клозе мотивировал это решение тем, что в баре превосходная живая музыка. Клозе любил строить из себя эстета и делал вид, что разбирается в джазе.

Юлий в джазе не разбирался и не мог отличить госпел от спиричуэла и тромбон от саксофона. Его раздражала тяга подданных Империи к замшелым культурным ценностям, мода на которые держалась последние двести лет. Он не любил «Биттлз», принципиально не читал Хемингуэя и Дюма, не смотрел смешные двухмерные фильмы из местечка под названием Голливуд в захудалой американской провинции и не умилялся при взгляде на картины Репина, Шагала и Васнецова.

Впрочем, современная культура тоже его не слишком интересовала. Вкусы Юлия были выборочными и эклектичными.

Джаз играл громко, но недолго. Очевидно, пилоты опоздали на концерт. Исполнив только два произведения, джазмены откланялись под оглушительные аплодисменты, и их места заняли ребята в странных пестрых одеждах, похожих на одеяла, и больших широкополых шляпах.

Они играли довольно зажигательные мелодии, и пилоты решили остаться.

В полночь, когда внутри Юлия булькало уже четыре с половиной коктейля, в бар вошла катастрофа. Она остановилась рядом со стойкой, и к ней сразу же подполз местный донжуан с предложением угостить выпивкой.

– Смотри внимательно, – сказал Клозе. – Вполне возможно, что ты смотришь на будущую мать восьмерых моих детей.

– Если ты подойдешь к ней на расстояние пушечного выстрела, я

тебя убью, – серьезно пообещал Юлий.

У катастрофы были длинные черные волосы, загорелое тело с шикарными пропорциями и легкое белое платье, которое этих пропорций совершенно не скрывало. Остальное из своего угла Юлий рассмотреть не мог.

– Неужели ты решил проявить интерес? – удивился Клозе. – Я даже могу тебе сказать, как все закончится. Никак. Ты сам к ней на пушечный выстрел не подойдешь.

– Это еще почему?

– Потому, что ты – слабак, а я – самец.

– Ты – маньяк, – уточнил Юлий. – А я пошел.

– Жду тебя через две минуты. Потом ты посидишь здесь и увидишь работу настоящего профессионала.

– Тебя уже заждались в твоём любимом борделе, профессионал.

Юлий направился к катастрофе. Тогда еще он был абсолютно спокоен, потому что не воспринимал ситуацию всерьез.

– Мадемуазель, – галантно обратился Юлий к катастрофе, небрежно оттирая местного донжуана плечом, – не хотите ли вы потанцевать со мной?

– А вы танцуете танго? – удивилась катастрофа. Оркестр играл сейчас именно эту мелодию.

– Я танцую танго, – сказал Юлий. Он умел танцевать все. Когда ему было шесть лет, мама настояла, чтобы он занимался с учителем танцев.

– Жаль, что я не танцую танго, – сказала катастрофа.

– Я вас научу, – пообещал Юлий.

– А если у меня не получится?

– Мне почему-то кажется, что этого не произойдет, – сказал Юлий и протянул ей правую руку.

Пятнадцатью минутами спустя, когда они вернулись к стойке, местный донжуан уже отвалил. После этого танца ему не на что было рассчитывать.

– Вы изрядно танцуете, – сказала катастрофа.

– А вы меня обманули, сказав, что не умеете танцевать танго.

– Я не говорила, что не умею. Я говорила, что не танцую, и обычно я этого не делаю.

– Почему?

– Это слишком страстный танец, чтобы делить его с незнакомым мужчиной.

– Почему же вы сделали для меня исключение?

– Не знаю. Может быть, мне понравились ваши глаза.

– Мне-то уж точно понравились ваши, – сказал Юлий. – Они прекрасны.

– Прекрасны, и все?

– Разве нужно что-то еще?

– А где же богатые метафоры и словесный водопад, воспевающий их красоту?

– Слова излишни, – сказал Юлий.

– Как вас зовут? – спросила катастрофа.

– Юлий, – сказал Юлий.

– Разве это не женское имя?

– Так звали одного римского императора, – обиделся Юлий.

– Знаю, я просто хотела вас подразнить.

– А как зовут вас, о прекрасное создание?

– Как, по-вашему, какое бы имя мне подошло?

– Прасковья, – сказал Юлий.

– Разве это имя? – удивилась катастрофа.

– Так звали тетушку одного нашего императора, – сказал Юлий. – Кажется, Петра Второго.

По иронии судьбы, парня, основавшего Человеческую Империю, звали Петр Романов. После коронации его стали звать Петром Первым. Юлий, изучавший историю Земли, называл его Петром Первым Вторым.

– Неужели я допустила бестактность в адрес правящей династии?

– Я никому не скажу, если вы назовете мне свое имя.

– Изабелла, – сказала она. – Можно просто Белла, но если вы хотя бы раз назовете меня Изей, я расцарапаю вам лицо.

В качестве демонстрации угрозы Изабелла показала Юлию длинные ухоженные ногти.

– Это серьезно, – признал Юлий.

– Не сомневайтесь, – заверила его Изабелла. – Это очень серьезно. Вы можете обратиться за справкой в местную больницу. Там уже трое таких лежит.

Юлий в притворном ужасе сделал шаг назад.

– Теперь поговорим о вас, – заявила Изабелла. – Что вы здесь делаете?

– Клеюсь к вам, – сказал Юлий.

– Откровенно, – признала Изабелла. – Но я имела в виду, что вы делаете на Эдеме.

– Я в отпуске, как и все здесь.

– А чем вы вообще занимаетесь?

– То тем, то этим.

– Выгодное дело?

– Когда как, – признался Юлий. – Конкуренция страшная.

– И что вы делаете с конкурентами?

– Топлю в болоте.

Она вежливо улыбнулась. Это была не Бог весть какая шутка.

– Мне нравится, как вы улыбаетесь, – сказал Юлий.

– Давайте перейдем на «ты», – предложила Изабелла. – А то я чувствую себя какой-то дворянкой.

– А вы не любите дворян? – спросил Юлий.

– А вы дворянин? – спросила Изабелла.

– А ваш ответ зависит только от этого? – спросил Юлий.

– Вы заметили, что наше общение состоит в основном из вопросов? – спросила Изабелла.

– О чем это говорит? – спросил Юлий.

– А вы как считаете?

– О том, что мы оба очень скрытные, – сказал Юлий.

– Так вы дворянин?

– А я похож на дворянина?

– Сами вы этого не знаете?

– Меня интересует ваше мнение. По сути, только оно меня и интересует. Так дворянин я или нет?

Изабелла внимательно посмотрела на графа Моргана.

– Нет, – сказала она.

– Почему? – спросил Юлий.

– Таково мое внутреннее ощущение. К тому же, вы слишком много знаете об императорах, а это для дворян нехарактерно. Обычно их не интересует ничего, кроме них самих. А я похожа на дворянку?

– А как вы хотите, чтобы я ответил?

– Правдиво.

– Да.

– Что – «да»?

– Вы похожи на дворянку.

– Я испорченная и развращенная?

– Нет, вы прекрасны и утонченны.

– Разве простолюдинка не может быть прекрасна в ваших глазах?

– В моих глазах все женщины – принцессы, – вывернулся Юлий.

– Лстец.

– Я романтик, – возмутился Юлий.

– Вы не похожи на романтика.

- Почему?
- Романтики не танцуют танго.
- А кто танцует танго?
- Мачо и жиголо.
- На кого из них я больше похож?
- А с чего вы взяли, что это не один человек?
- Мачо не может быть жиголо, – объяснил Юлий. – Потому что мачо – это настоящий мужчина, а настоящий мужчина никогда не станет требовать с женщины деньги. Так на которого из них я похож?
- Спешу вас успокоить. Ни на которого.
- Почему вы думаете, что меня это успокоит? Я всегда считал, что похож на мачо.
- Вы недостаточно загорелый.
- Это основное условие?
- Нет, но одно из главных.
- А вы дворянка?
- Вы же сами сказали, что я принцесса.
- Я не могу перейти на «ты» с принцессой. Происхождение не позволяет.
- А если я вам прикажу?
- Я не люблю подчиняться приказам.
- Даже моим?
- Вашим – всегда.
- Тогда я высочайше повелеваю: переходим на «ты».
- Хорошо, – сказал Юлий. – Давай уйдем отсюда.
- Ты не хочешь больше танцевать?
- Я люблю тишину.
- Ты какой-то несовременный.
- Если ты мной недовольна, то я сейчас же пойду и застрелюсь.

– У тебя есть оружие?

– Я отберу его у полисмена.

– У полисменов на Эдеме нет огнестрельного оружия. Здесь полностью отсутствует уличная преступность. Слишком суровые наказания.

– Тогда я спрыгну с крыши, – сказал Юлий. – Я видел, здесь есть достаточно высокие крыши.

– Твоя смерть будет на моей совести.

– Конечно.

– Тогда давай лучше погуляем.

Когда Юлий выходил из бара под руку с Изабеллой, ему доставили большое удовольствие выпученные глаза Клозе.

Следующие три часа они действительно гуляли по набережной.

Юлий был этим так удивлен, что его даже не тянуло на выпивку. К собственному величайшему удивлению, он откопал внутри себя романтика, которому прогулки под ручку при луне доставляли удовольствие.

Он определил, что Изабелла не только красива, но и умна. Она была как Клозе, только лучше, потому что женщина. Он мог разговаривать с ней на любые отвлеченные темы, и вдруг даже куда-то подевался его вечный цинизм. Ему безумно хотелось заняться с ней сексом, но его вполне устраивало, что они просто держались за руки. Он обнаружил, что секса ему будет мало, он желал большего. Он не мог сказать, что с ним происходит, а потому был испуган. Еще никогда прежде он не испытывал таких чувств.

Странно, что они знакомы только пару часов.

Ему нравились ее длинные темные волосы, и он с трудом удерживался, чтобы не погладить ее по голове. Ему нравился изгиб ее шеи и плавная кривизна ее ног. Ему нравились ее жемчужно-белые зубы и то, как она улыбалась его шуткам. Ему нравилось, что она тоже воспринимала этот мир, как сумасшедший дом. Ему много чего нравилось в ней, а точнее, ему нравилось все.

Сказка кончилась в половине четвертого утра, когда дорогу им

заступили трое молодых людей неприятной наружности. По мнению Юлия, особенно их наружность портили виброножи, которые они наставили на имперского пилота.

– А я думал, на Эдеме нет уличной преступности, – пробормотал Юлий.

Изабелла осталась спокойна, и это Юлию тоже понравилось.

– Мне начинать кричать? – спросила она ровным тоном, не допускающим даже мысли о возможной истерике. Пожалуй, из всех прежних знакомых Юлия так повела себя бы только Пенелопа.

– Нет необходимости, – сказал Юлий. – Кричать будут они.

– Как скажешь, – сказала Изабелла.

– Ребята, вам чего-нибудь надо? – спросил Юлий.

– Твою бабу.

– Здесь нет никаких баб, а что касается моей спутницы, то это решительно невозможно, – сказал Юлий. – Если только она сама не захочет. Ты хочешь?

– Нет, – сказала Изабелла.

– Увы, – развел руками Юлий. – Видимо, ничего вам не светит.

– Тебе будет очень больно, – сообщили Юлию.

– Вы что, хотите подраться?

– Ага.

– Это нечестно, ребята, – сказал Юлий. – Я драться не умею. Я буду калечить и убивать.

В ответ Юлию расхохотались.

Ситуация была опасная. Вибронож рассекал кости с такой же легкостью, как и ткань летних брюк, и надежной защиты от него, кроме бронежилета, не существовало. А одежда Юлия этим вечером никак не напоминала бронежилет.

Если меня здесь зарежут, это будет глупо, подумал Юлий. Пройти через ад на Сахаре и попасть под нож хулигана на райском курорте? Ничего нелепее он и представить себе не мог.

Но он бы не отошел в сторону, даже если бы рядом и не стояла

прекраснейшая женщина из всех женщин, которых он встречал в жизни.

Первого он ударил ногой в живот, а потом локтем в лицо. Пока тот сгибался пополам, Юлий поднырнул под нож второго и врезал ему по пояснице. Это было не очень эффективно, но из столь невыгодного положения он никуда больше попасть не мог. Третий махнул перед собой виброножом, Юлий отклонился в сторону и двинул его кулаком в кадык. Парень рухнул на мостовую и захрипел. Выпавший из его руки нож едва не отрезал Юлию большой палец на правой ноге. Юлий быстро наклонился, чтобы подобрать нож. Пока второй парень раздумывал, с какой стороны ему атаковать, Юлий швырнул в него только что подобранным оружием и ринулся вслед. От ножа парень отклонился, а от кулака Юлия – нет.

Удар вышел на славу. Это был проведенный по всем правилам апперкот, на какой-то миг хулиган буквально повис на чужом кулаке, а потом отлетел назад и приложился затылком о мостовую.

Юлий огляделся по сторонам. Все трое парней, на которых он напал, лежали в разной степени разобранности, и продолжать общение никто из них не спешил.

– Пойдем? – спросил Юлий.

Он посмотрел на Изабеллу, и ему вдруг стало плохо. В ее глазах появилось новое выражение, которого он до сих пор не видел. За все три с лишним часа общения.

Холод.

Он проследил направление ее взгляда и определил, что смотрит она на его правую руку. Во время короткой драки рубашка порвалась, обнажив бицепс с его пижонскими татуировками.

– Так вы военный, – сказала Изабелла.

– Разве это проблема? – спросил Юлий. Он отметил, что она перешла обратно на «вы». Ничего хорошего это не сулило.

– Я не очень люблю военных.

– Я их совсем не люблю, – сказал Юлий.

– Спасибо за хороший вечер, – сказала Изабелла. – До свидания.

Она развернулась и отправилась в направлении,

противоположном траектории их прогулки.

– Мы так и расстанемся? – спросил Юлий.

– Да, – ответила она, не оборачиваясь.

Юлий пнул самого активного хулигана в голову и побежал следом за ней.

– Почему? – спросил он.

– Я не обязана перед вами отчитываться, – сказала она.

– Это был самый прекрасный вечер в моей жизни.

– Тогда мне вас жалко. У вас, должно быть, очень убогая жизнь.

Внезапно Юлий осознал, что она права. И что сейчас он упускает единственный шанс исправить это положение.

Юлий обогнал ее и встал на одно колено.

– Красивый и выверенный жест, – сказала Изабелла. – Вы еще и дворянин. Я должна была догадаться – у вас слишком вычурное имя.

– Вы убиваете меня, – сказал Юлий.

– Прощайте.

– Мне нет смысла идти следом за вами?

– Вы потрясающе догадливы, военный. Наверное, скоро станете капитаном.

– Вообще-то, я майор.

– Поздравляю.

– Не с чем, – машинально ответил Юлий. Он еще не терял надежды. Пока она не отказывалась разговаривать с ним и он мог ее переубедить. Он не понимал, что произошло, но думал, что сможет все исправить.

Так он думал целых пять минут, пока она не подошла к полисмену и не попросила избавить ее от докучливых приставаний подвыпившего туриста.

– И ты, как последний дурак, полез на три виброножа с голыми руками? – уточнил Клозе.

– Да, – сказал Юлий. – А что бы ты сделал на моем месте?

– То же самое. Тебя не сильно били в полиции?

– Меня вообще не били. Туристы – основной источник дохода этой планеты.

– Плюс к этому ты военный.

– Ага.

– Удивляюсь я этой полиции. Когда на тебя напали трое хулиганов с ножами, полисменов рядом не было. Зато, когда они на фиг не были нужны, один сразу же оказался под рукой. Как он с тобой справился? Электрошок? Нервно-паралитический газ? Почему ты не убил этого парня на месте?

– Я был слишком ошарашен случившимся.

– Она тебя кинула.

– Да.

– Только потому, что ты военный.

– Да.

– И ты теперь с ума сходишь.

– Да.

– Хотя знал ее всего несколько часов.

– Да.

– И даже не провел с ней ночи умопомрачительного секса?

– Да.

– Тогда почему ты сходишь с ума?

– Не знаю.

– А я знаю. После того, что вы вытворяли с ней в этом танго, ты просто обязан на ней жениться. Если, конечно, ты порядочный человек.

– Генрих?

– Я слушаю. – Клозе насторожился. Юлий еще ни разу не называл его по имени.

– Иди в жопу.

ГЛАВА 3

Юлий заказал в номер ящик коньяка, забаррикадировал дверь тяжелым диваном, закрыл окна, выключил все средства связи, набрал в ванну воду, поставил рядом коньяк, пепельницу и зажигалку, залез в ванну прямо в одежде и начал пить.

Потом ему стало неудобно лежать в одежде, он стянул с себя рубашку и брюки и продолжил пить.

Потом он немного поспал, проснулся, освежил воду, сделав ее погорячее, и снова продолжил пить.

Юлий умел грамотно обращаться с алкоголем и мог неделями ходить в состоянии легкой эйфории при минимальном потреблении горючей жидкости. Но сейчас ему было не до того. Ему хотелось надраться до беспамятства и раствориться в этой горячей воде.

Впервые в жизни его отвергли. Отвергли, не объяснив причин, разом, внезапно и вдруг.

Чуть позже Юлий дополз до унитаза, немного с ним приватно пообщался, потом вернулся в ванну. У него оставалось еще пол-ящика коньяка.

Юлий очнулся оттого, что вода была слишком холодная, вдобавок лилась ему прямо на лицо. Юлий попытался вывернуться из-под струи, но на него словно бегемот сел. Юлий принялся лягаться, выливая на пол ведра воды.

Кто-то сдавленно охнул, и тяжесть, давившая на Юлия, уменьшилась вдвое. Воспользовавшись этим, Юлий принялся брыкаться с удвоенной же силой, ему удалось высвободить левую руку, и он ткнул ею наугад.

Вода перестала бить ему в лицо, Юлий открыл глаза.

Клозе сидел на краю ванны и потирал скулу. На полу валялся помощник военного атташе с планеты Хорезм и держался рукой за ребра.

– Я тебе говорил, что он псих, – сказал Клозе.

– Я это давно знал, – согласился Асад.

– Идите в жопу оба, – сказал Юлий.

– Узнаю высокий слог, – сказал Клозе.

– Иди в жопу персонально, – сказал Юлий.

– Если ты так же разговаривал с дамочкой, из-за которой напился, неудивительно, что она от тебя сбежала.

С похмелья у Юлия была нарушена координация движений, поэтому Клозе успел отскочить.

Юлий плюхнулся обратно в ванну, но вода была слишком холодной и он уже не чувствовал себя в ней комфортно. Пришлось вылезать и закутываться в банный халат.

Асад принес ему кофе, сладкий, крепкий и горячий Юлий выпил глоток, чуть не сжег себе внутренности и закурил, сидя в кресле.

– Как вы сюда попали и что это за новое извращение – топить людей в их собственных ваннах?

– С тех пор как ты впервые назвал меня по имени, прошло два дня, – сказал Клозе. – Ты не вылезал из своего номера, и я начал беспокоиться, как бы ты не привел в исполнение свой план, выношенный еще на Сахаре.

– О каком плане идет речь? – поинтересовался Асад.

– Он планировал застрелиться, – сказал Клозе.

– Он? Не верю. Такие самовлюбленные индюки никогда не кончают жизнь самоубийством.

– Потом появился Асад с информацией, которую ты просил, – продолжал Клозе. – Он не мог с тобой связаться и нанес личный визит. Когда он пришел в третий раз, мы столкнулись под дверью.

– И как вы проникли в номер?

– Через окно, – сказал Клозе.

– Третий этаж, – заметил Юлий.

– Пилоты не боятся высоты, – сказал Клозе.

– Скоты, – сказал Юлий.

– Поговорим о насущных проблемах, – сказал помощник

военного атташе. – Кто была эта женщина и как ее зовут?

– Изабелла, – сказал Юлий.

– Красивое имя, – заметил Асад.

– И главное, редкое, – сказал Клозе.

– Что ты знаешь о ней кроме имени? – спросил Асад.

– Она не любит военных.

– Это говорит о наличии у нее здравого смысла. Но как она узнала, что ты военный?

– По татуировке.

– По татуировке на бицепсе?

– Да.

– Не каждая женщина в Империи знает, что означают идиотские черные черепа, вытатуированные на правом бицепсе мужчины, – сказал Асад.

– А ведь верно, – оживился Клозе. – Значит, она как-то связана с армией.

– Она ее не любит, – сказал Юлий.

– Интересно, почему. Может быть, ее изнасиловал какой-нибудь пьяный пилот с такими же татуировками?

– Этого не могло быть, – убежденно сказал Юлий. – И я больше не хочу слышать подобных предположений.

– Она имеет какое-то отношение к армии, – настаивал Клозе.

– Ну и что?

– Возможны два варианта, – сказал Асад. – Или она здесь приезжая, может улететь отсюда в любой момент, и в этом случае мы никогда ее не найдем, особенно пользуясь твоим описанием. Но если она местная или работает здесь, то вопрос с ее обнаружением становится просто вопросом времени. Здесь не так уж много учреждений, связанных с армией.

– А может, она с ней и не связана. Здесь куча туристов. Она могла видеть такие татуировки у кого угодно, – сказал Клозе. – Это ничего нам не дает.

– Это зацепка, – не согласился Асад. – И, на данный момент, это единственная зацепка, которой мы можем руководствоваться. Кроме того, что это роскошная женщина.

– Ты, часом, не положил на нее глаз, приятель? – поинтересовался Клозе.

– У меня восемь детей, – гордо сказал Асад.

– Как раз столько я и хотел иметь, – восхитился Клозе. – Только когда ты успел столько заделать? Ты что, занимался этим с рождения?

– Расслабься, – сказал Юлий. – У него четыре жены.

– Обожаю мусульманство, – сказал Клозе. – Я готов эмигрировать на Хорезм прямо сейчас.

– Империя потребует твоей выдачи как дезертира, – сказал Юлий.

– Тогда я эмигрирую после отставки.

– Этого мало, – сказал Асад. – Еще надо будет принять ислам.

– С этим у меня без проблем.

– И обрезание, – напомнил Юлий.

– Что такое кусок плоти по сравнению с возможностью иметь собственный гарем?

– Небольшая плата, – согласился Асад.

– Я хочу получить копию Корана прямо сейчас. Вам нужны классные пилоты?

– Всегда. У нас маленький, но быстро развивающийся флот.

– Здесь я мог бы стать капитаном корабля к сорока пяти годам, – предупредил Клозе.

– Мы что-нибудь придумаем, – улыбнулся Асад.

– Ребята, я вам не слишком мешаю? – спросил Юлий.

– Ты нам совсем не мешаешь, – сказал Клозе. – Кстати, а что ты здесь делаешь?

– Это мой номер.

– Правда?

– Ага.

– У него несчастная любовь, – объяснил Клозе Асад.

– Что ты испытываешь к этой женщине? – спросил Асад.

– А зачем тебе это знать?

– Чтобы понять, стоит ли ее искать.

– Влечение, – сказал Юлий. – Нет, «влечение» – неправильное слово. Страсть. Я испытываю к ней страсть.

– Страсти проходят, – заметил Клозе. Он был почти серьезен.

– Но иногда они перерождаются во что-то большее, – сказал Асад. – Итак, она красива, ее зовут Изабелла, фамилии ты не знаешь, она не любит военных, но знает, что означают пилотские татуировки. Это немного, учитывая, что на Эдеме находится не меньше тридцати миллионов человек. Я постараюсь что-нибудь сделать. Ты все еще хочешь услышать о крейсере?

– О каком крейсере? – тупо спросил Юлий. Асад перешел на новую тему слишком быстро, а все мысли Юлия по-прежнему были заняты Изабеллой.

– О линейном крейсере класса «деструктор», который вы утопили в болоте.

– А, об этом крейсере.

– Тебе интересно?

– Очень.

– «Стремительный», переименованный в «Адмирала Нельсона», по-прежнему принадлежит бигарцам, как я и предполагал.

– Что это за название для планеты – «Бигар»? – поинтересовался Клозе. – Что оно означает?

– То ведомо только Аллаху и самим бигарцам, – сказал Асад. – «Золотая стрела», бывший крейсер «Решительный», проданный Ольховскому, был полностью разоружен и переделан в прогулочную яхту.

– Дорогое удовольствие, – заметил Клозе. – Обычная прогулочная яхта обошлась бы ему куда дешевле.

– У богатых свои причуды, – сказал Асад.

– Где эта «Золотая стрела»? – спросил Юлий. – Если с нее сняли оружие, то потом запросто могли поставить обратно.

– По официальным данным, «Золотая стрела» сейчас в открытом космосе, совершает круиз по Солнечной системе.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Сведения достоверные?

– Вчера передавали в новостях, – сказал Асад. – Этот Ольховский у вас – большая шишка. Настоящий денежный мешок.

– Не завидуй, – сказал Юлий.

– Значит, это был не ваш крейсер, – сказал Клозе Асаду.

– Верно, это был не наш крейсер, – сказал Асад.

– Разведка лажанулась, – сказал Клозе.

– Или ее кто-то дезинформировал.

– Ты что-то об этом знаешь? – насторожился Юлий.

– Нет, – сказал Асад. – Это называется предположением. Догадкой. Одним из вариантов.

– С тех пор, как я увидел этот крейсер, я не сомневался, что он не хорезмский, – сказал Юлий. – Опять же, главный калибр...

– Но чей тогда это был крейсер? – спросил Клозе.

– То, что я тебе скажу, – военная тайна, – сказал Юлий. – Кстати, Асад, тебя это тоже касается.

– Ну, – сказал Клозе.

– Это был наш крейсер, – сказал Юлий.

– Что значат слова «это был наш крейсер»? – спросил Клозе.

Они сидели в открытом кафе на набережной, смотрели на море и заставляли Юлия хоть что-нибудь съесть. Юлий вяло ковырял вилкой в каком-то салате из морских продуктов и громогласно требовал коньяка. Ему столь же громогласно отказывали. Официанты уже

начинали коситься на их столик.

– Подумай сам, – сказал Асад. – Где можно взять имперский линейный крейсер с полным боевым оснащением? Ответ очевидный. Только в Империи.

– Но это же глупо, – сказал Клозе. – С чего бы имперскому крейсеру воевать на стороне повстанцев?

– Это политика, – мудро сказал Юлий. – Когда мы узнаем причину, она окажется банальной и гнусной.

– Тебя не спрашивали, – сказал Клозе. – Ешь.

– Изверги. Инквизиторы. Извращенцы.

– Ты знаешь еще много ругательств на «и»?

– Идиоты. Имбецилы. Ишаки. Игуанодонты[5]. Ироды. Иблисы. Иглобрюхие[6]. Игуаны. Иезуиты. Извозчики. Изгои. Изюбри. Имдугуды[7]. Индусы. Индейцы.

– Потрясающий словарный запас, – сказал Клозе. – Некоторых слов даже я не знаю. Кто такие изюбри?

– Это такие олени, – сказал Асад.

– Выходит, он обозвал нас оленями?

– Ага. А также рыбами и динозаврами.

– Гений современной словесности, – сказал Клозе.

– Дай коньяк, – сказал Юлий.

– Жри, – сказал Клозе.

– Есть еще один интересный момент, и, если бы наш общий знакомый не был так поглощен сердечными проблемами, он непременно и сам обратил бы на него внимание, – сказал Асад. – На Эдеме действительно нет уличной преступности, а те считанные подростковые банды, которые все-таки есть, вооружаются кустарным способом. Вибронож – запрещенное на Эдеме оружие, как для продажи, так и для ввоза. Простым хулиганам негде добыть себе такое.

– Они были не подростки, – сказал Юлий.

– Хулиганы не нападают на набережной, – сказал Асад. – Потому что набережная хорошо освещена и патрулируется

полисменами. Они выбирают для нападений темные закоулки.

– Значит, это были не просто хулиганы? – уточнил Клозе.

– Если бы вы прожили на Эдеме хотя бы месяц, вы были бы уверены, что это так. Сложите два и два, господа. Днем Юлий встречается со мной, а вечером на него нападают. Кто-то очень не хочет, чтобы он продолжал интересоваться этим крейсером.

– Глупо было бы спрашивать у тебя, кто именно, – сказал Клозе.

– Совершенно верно, – сказал Асад. – Это было бы глупо.

– Выходит, за нами следили?

– Не исключено.

– Я ненавижу армию, – сказал Юлий.

– Может, это и не армия, – сказал Клозе.

– А свиньи умеют дышать вакуумом, – сказал Юлий. – Все гнусности, которые творятся на территории Империи, исходят от армии. Хотя бы самые крупные из них.

– По-моему, ты перегибаешь палку, – сказал Клозе.

– Он точно ее перегибает.

– Он всегда ее перегибает.

– Когда-нибудь он сломает ее к иблисовой матери.

– Спелись, канарейки, – констатировал Юлий.

– Жри! – сказали Клозе и Асад дуэтом.

На то, чтобы домучить салат, ему потребовалось еще сорок минут. После этого Клозе разрешил ему одну порцию коньяка и тщательно следил, чтобы официант не накапал лишнего. Глотнув, Юлий почувствовал некоторое облегчение и закурил.

– Итак, мы обсудили мои проблемы, наши проблемы и армейские проблемы, – сказал Юлий. – Теперь давайте обсудим что-нибудь глобальное. Асад, когда твой долбаный булыжник, который вы по недоразумению называете планетой, войдет в состав нашей великой и могучей Империи? Она, кстати, называется человеческой. Вы что, не люди, что ли?

– Моя свободолюбивая и гордая планета склонит колено перед

вашей жалкой кучкой псевдоцивилизованных миров только тогда, когда ты ее возглавишь, о безродный сын шайтана и верблудицы.

– Никогда, так никогда. Но маму не трогай. Про отца, кстати, можешь говорить все, что хочешь.

– Стоп, – сказал Клозе. – Я сейчас не понял. О чем вы говорите?

– Ни о чем, – сказал Юлий.

– Он еще не хвастался? – спросил Асад. – Странно.

– Я таким никогда не хвастаюсь, – сказал Юлий.

– О чем речь?! – взвыл Клозе. Официант от неожиданности чуть не уронил поднос с грязной посудой.

– Ты начал, ты и говори, – сказал Юлий в ответ на вопросительный взгляд Асада.

– Он внесен в официальный список наследования престола, – сказал Асад.

– В него внесены тысячи людей, – сказал Юлий.

– Восемьсот пятьдесят два. Но ты-тоходишь в первую сотню.

– Мой прадед был женат на кузине племянника двоюродного внука младшего помощника конюха императора, – объяснил Юлий.

– Представляешь, какое у вас могло бы быть руководство? – спросил Асад у Клозе.

– Я даже не знал, что наследников целый список, – сказал Клозе. – Думал, их три-четыре человека. Дети, братья, внуки... Но восемь сотен, да еще и с твоей фамилией... Это у меня в голове не укладывается. И какой ты по счету?

– Семьдесят пятый, – признался Юлий.

– Ишь ты, – восхитился Клозе.

– Семьдесят шестой. У маркиза Дюваля на днях родился сын, – сказал Асад.

– И слава Богу, – сказал Юлий.

– Да, Аллах велик и милостив, – согласился Асад.

– Так со мной за одним столом сидит человек почти императорских кровей?

– Вот именно «почти», – сказал Юлий. – Передо мной семьдесят пять человек, и с каждым годом этот список все увеличивается. К счастью, у меня нет никаких шансов заполучить эту работу, и я бы предпочел, чтобы меня вообще вычеркнули из списка.

– Список велел составить Петр Первый, который не хотел, чтобы после его смерти началась война за престол и Империя бы распалась с гибелью того, кто ее создал, как это часто бывает. По его высочайшему повелению был составлен список, в котором тщательно указывалось, кто, кому и в каком порядке наследует. Но, по сути, шансы иссякают уже для второй части первой десятки, – рассказал имперцам гражданин планеты Хорезм.

– Откуда ты все это знаешь? – воскликнул Клозе.

– Он же шпион, забыл? – сказал Юлий.

– Семьдесят пятый! – воскликнул Клозе.

– Семьдесят шестой, – сказал Юлий. – Надеюсь, Гай когда-нибудь женится и передо мной вырастет целая новая ветвь наследников.

– Ты не хочешь стать императором? – удивился Клозе.

– Никто в здравом уме не хочет стать императором, – сказал Юлий.

– Петр Первый хотел стать императором, – напомнил Клозе. – И стал.

– Я же сказал: никто в здравом уме, – сказал Юлий. – И замнем наш разговор на этой крамольной реплике.

– Семьдесят шестой! – воскликнул Клозе.

ГЛАВА 4

Клозе теперь не отступал от него ни на шаг. Боялся повторения попытки Юлия утопиться в воде и коньяке одновременно.

Клозе был настолько впечатлен дальним родством Юлия с правящей фамилией, что стал считать себя ответственным за столь благородную кровь. Юлий надеялся, что у него это быстро пройдет.

Когда Юлий был молод, глуп и занимал в пресловутом списке наследования шестьдесят восьмое место, он был очень горд тем фактом, что является не просто дворянином, но стоит на верхней ступени иерархической лестницы. А когда он был ребенком и занимал шестьдесят пятую строчку, он даже мечтал, что когда-нибудь сам займет место верховного главнокомандующего и будет править железной рукой. Сначала он научился считать и понял, что этого никогда не случится, а потом он научился думать и остался весьма доволен тем фактом, что этого не случится никогда.

Ему нравилось быть графом. Мелким графом, младшим сыном своего отца, не имеющим прав на основной титул. Это предоставляло ему возможность пользоваться всеми привилегиями дворянства, но избавляло его от большей части дворянских неудобств. Конечно, главной привилегией дворянина было право умереть за императора, но вот как раз без этого Юлий надеялся обойтись.

Армия для него была обязательным и неприятным препятствием на пути к той праздной и приятной жизни, о которой он мечтал во время учебы в академии.

Все юноши в определенный период своей жизни проходят через период идеализма, когда им хочется совершать подвиги, достигать высокие цели и менять мир в лучшую сторону. У Юлия этот период закончился лет в двенадцать, когда его сверстники только входили в странную пору несбыточных мечтаний.

Юлию не нравился мир, но он не видел смысла его менять. И не имел ни малейшего желания это делать. Кому надо, пусть тот и меняет. А я как-нибудь обойдусь.

Юлий не знал, хотел ли менять мир Клозе. Но он понял, что Клозе твердо вознамерился сохранить для этого мира скромную персону Юлия.

Ношение огнестрельного оружия на Эдеме было запрещено даже имперским офицерам, но никто и ни при каких условиях не мог запретить дворянину носить его кастовое оружие – шпагу, а Клозе как-никак был бароном.

Юлий понятия не имел, где Клозе раздобыл эту полоску металла – скорее всего, в какой-нибудь антикварной лавке, но теперь он не расставался с ней, даже когда ходил в туалет, а укладываясь спать – ночевал он теперь в номере Юлия, – он всегда укладывал ее на пол рядом с диваном.

Ходить на пляж стало решительно неудобно.

Клозе в шортах, сандалиях и при шпаге выглядел, мягко говоря, нелепо.

Юлий так ему и сказал.

Пусть, сказал Клозе.

Это смешно, сказал Юлий. Люди будут над тобой смеяться.

Но Клозе уже включил титулованного дурака и на все провокации отвечал соответственно тупо.

Пусть смеются, сказал он. После того как первые пять весельчаков заведут специальные карманы, в которых будут носить отрезанные им, Клозе, уши, потешаться быстро перестанут.

Отрезать уши у мирных граждан противозаконно, возразил Юлий.

Значит, я буду вызывать всех на дуэль и отрезать уши в законном порядке, сказал Клозе.

Юлий отказался быть его секундантом на дуэлях для отрезания ушей.

Клозе призвал в секунданты Асада ад-Дина, и тот, в пику Юлию, сразу согласился.

История о том, как благородное личное оружие эпохи мушкетеров получило вторую жизнь в эпоху космических перелетов, орбитальных бомбардировок и высокоточного оружия, абсолютно лишена романтики и основана на обычном прагматизме.

Когда Петр Первый возродил институт дворянства, дворяне делились на два типа.

Первые были соратниками, боевыми друзьями императора, которые и вознесли Петра на престол. Свои титулы они получили за верность и силу, сполна заплатив за них кровью.

Вторые были возведены в дворянство по политическим причинам. В основном это были капиталисты – банкиры, экономисты, производители. Враждовать с ними было бы невыгодно, убивать их было чистым безумием, проще всего оказалось купить их лояльность. Но новоявленных дворян, обладающих огромными капиталами и способных нанять на эти деньги небольшие частные армии, тоже нужно было как-то контролировать.

Расстреливать людей за каждый неверный шаг – действенное, но далекое от политики решение, пахнущее уже не авторитарной властью, а террором. Проще было создать условия, при которых люди отказались бы от самой идеи делать неверные шаги. Требовался легальный, но неофициальный способ контроля.

И император утвердил дуэльный кодекс.

Грубо говоря, теперь дворяне первого типа могли совершенно законно убивать дворян второго типа в интересах Империи, но не вмешивая в свои разборки самого императора.

Идея работала в течение двух поколений, до тех пор, пока не появился третий тип дворян, сложившийся при смешении первых двух типов. И из инструмента власти дуэли просто превратились в красивую традицию, которую никто не собирался отменять.

Юлий объяснял этот факт извечной любовью мужчин к блестящим и смертоносным игрушкам. Шпага, как известно, блестит постоянно, а при должном обращении может быть весьма смертоносной.

В дуэльном кодексе было прописано единственно на тот момент дозволенное оружие – шпага. В фехтовании девяносто процентов успеха зависят от мастерства и лишь только десять – от везения. В поединке с применением огнестрельного, импульсного или плазменного оружия больше приходится рассчитывать на удачу, чем на меткость, а для императора когда-то было важно, чтобы в дуэлях побеждали его люди.

Конечно, на момент принятия сего документа фехтовать не умел никто, но дворяне первого типа были элементарно в лучшей физической форме, что повышало их шансы на успех.

Почти все свободное время Юлий теперь проводил в баре, где познакомился с Изабеллой. Он питал слабую надежду, что она, подобно закоренелому бандиту, вернется на место преступления.

Пил он мало. Присутствие Клозе с длинной шпагой нервировало его и не давало расслабиться.

– Клозе, ты баран, – сказал Юлий. – Из всех идиотских зрелищ, которые мне доводилось лицезреть в моей жизни, самое идиотское – ты и твоя шпага.

– Кто бы говорил, – сказал Клозе. – Ты неделю сохнешь по женщине, с которой фактически не знаком.

– Тебе этого не понять, кобель.

– Наверное, все дело в том, что у тебя не было с ней секса, – сказал Клозе. – Если бы вы с ней перепихнулись, ты забыл бы о ней через десять минут. Но поскольку твое либидо осталось неудовлетворенным, у тебя едет крыша. Этому есть даже научное название – спермотоксикоз.

– Заткнись, – сказал Юлий.

– У тебя просто слишком давно не было женщины, – продолжал Клозе. – Ты ведь не ходил вместе со мной по борделям на Сахаре. Мой тебе совет – сходи в бордель сейчас. Тупо потрахайся. Может, и полегчает.

– Капитан Клозе, я был бы вам весьма благодарен, если бы вы перестали совать свой длинный нос в мою частную жизнь.

– Яволь, герр майор, – сказал Клозе.

– Что это сейчас было?

– Я обматерил тебя по-немецки.

– Я так и подумал, – сказал Юлий.

– Мы так ничего и не предприняли по поводу крейсера, – напомнил Клозе.

– Мы выжидаем, – объяснил Юлий.

– Чего?

– Конца отпуска.

– Зачем?

– Ты на самом деле дурак?

– Да.

– Хорошо, – сказал Юлий. – Объясняю. Единственное место, где мы можем получить сведения об имперском крейсере, это имперский военно-космический флот. Но если мы сейчас заявимся в штаб округа и потребуем информацию о передвижении имперских судов, нам откажут по трем причинам. Во-первых, у нас нет нужного уровня допуска. Во-вторых, мы не сможем объяснить, для чего нам нужна эта информация. И, в-третьих, мы в отпуске. Я хочу убрать хотя бы одну из этих причин.

– Нам будет трудно обойти две другие.

– Мы что-нибудь придумаем. Возможно, все будет зависеть от нашего нового назначения.

– Не будет никакого нового назначения, – сказал Клозе. – Нас вернут на Сахару, чтобы мы никому не могли рассказать о существовании несуществующего крейсера. Теперь нас будут держать на Сахаре до окончания нашего срока службы. Может быть, даже до окончания времен.

– А говорил, что дурак, – заметил Юлий.

– С Сахары мы ни черта не узнаем, – сказал Клозе. – У нас не будет доступа к внешним базам данных.

– Ты небезнадежен.

– А может быть, нас там даже убьют, и мы перестанем задавать вопросы.

– Прямо-таки проблеск разума.

– Я не хочу обратно на Сахару.

– А вот это уже гениально!

– Я и так оставил там достаточный кусок себя.

– Вряд ли это была лучшая твоя часть.

– Я был привязан к той ноге, черт побери. Я с ней вырос.

– Мне тоже недавно хотели что-нибудь отрезать, – вспомнил Юлий.

– Те парни с виброножами? – уточнил Клозе. – Или твоя красотка из бара?

– Те парни, – сказал Юлий.

– Вряд ли они хотели тебя убить.

– Знаю, – сказал Юлий. – Если бы хотели, убили бы. Скорее всего, это была акция устрашения.

– Ты устранился?

– До колик.

– Они не ожидали, что ты отобьешься. Ты слишком крут для обычного пилота.

– Ты меня поймал, – признался Юлий. – На самом деле я – тайный агент УИБ.

– Ты не имеешь никакого отношения к имперской безопасности, – сказал Клозе. – Ты – агент разведки враждебной нам планеты.

– У Империи нет достойных врагов.

– Значит, ты – агент нашего недостойного врага.

– Совсем недавно ты продемонстрировал мне некие намеки на интеллект, но своими последними высказываниями все испортил.

Следующим утром капитан Клозе и майор Морган в полной летней парадной форме и с одной длинной шпагой на двоих заявили в местный штаб ВКС на Эдеме и потребовали у дежурного офицера встречи с любым представителем аналитического отдела.

В штабе им несколько удивились, потому что не привыкли видеть на этой планете людей в форме, да еще и при оружии, и на всякий случай отвели в кабинет к полковнику Бреннару.

На двери кабинета так и было написано: «Полковник Бреннар». И никакой ссылки на отдел, в котором полковник Бреннар мог работать.

Юлий предположил, что он контрразведчик. По его наблюдениям, только контрразведчики не указывали на дверях кабинетов род своей деятельности.

– Вы контрразведчик? – спросил Юлий.

– Почему вы так думаете, майор?...

– Морган.

– А я – капитан Клозе, – сказал Клозе.

– Хорошая шпага, капитан. Фамильная? Древнее оружие вашего рода?

– Нет.

– Морган, – повторил полковник Бреннар. – Старая фамилия, правда?

– Настолько старая, что на языке остается вкус плесени, – подтвердил Юлий.

– Вы не родственник того самого Моргана?

– Сын. Младший.

– О! Чем я могу помочь младшему сыну столь великого человека, как граф Питер Морган? Вы столкнулись с какими-то проблемами на отдыхе?

– Отдых превосходен, – сказал Юлий.

– Никаких проблем с отдыхом, – сказал Клозе.

– Так вы контрразведчик? – спросил Юлий.

– С чего вы взяли, майор?

– Я задал вам простой вопрос, полковник. Простой вопрос, требующий прямого ответа. Да или нет. Почему вы не хотите сказать мне то, что я хочу знать?

– С чего вы взяли, что я не хочу?

– Потому что вы мне этого не говорите, – терпеливо сказал Юлий.

Клозе взял у стены стул, поставил его на середину комнаты и встал за ним, придерживая спинку.

– Садитесь, граф.

– Спасибо, барон. – Юлий сел, а Клозе остался маячить за его спиной как верный телохранитель. – Думаете, это надолго?

– Полагаю, что так, граф.

– Офицеры, полагаю, вы настроены по отношению ко мне несколько... недружелюбно, – сказал хозяин кабинета.

– Давайте начнем с самого начала, – сказал Юлий. – Итак, мы вошли, поздоровались, а потом я спросил, не контрразведчик ли вы.

– Нет, я не контрразведчик.

– Тогда из какого вы ведомства?

– Из управления пропаганды.

– Почему нас направили именно к вам? Я просил встречи с кем-нибудь из аналитиков.

– Полагаю, вас направили ко мне, потому что на данный момент я – единственный из старших офицеров кто находится на своем рабочем месте.

– Вот как? Разве сегодня выходной?

– Да.

– А по какому поводу?

– День рождения генерала Оуэнса, начальника штаба округа. Он пригласил всех старших офицеров на вечеринку в своем особняке.

– Всех? – изумился Клозе. – Неплохо живет этот генерал Оуэнс.

– У него богатая жена, – сказал Юлий. – Он женился на деньгах, а она вышла замуж за титул. Он – маркиз.

– Ты его знаешь? – спросил Клозе.

– Встречал пару раз на вечеринках у Виктора.

– У Виктора? – переспросил Клозе.

– У Виктора Второго, – сказал Юлий.

При упоминании имени правящего императора, на знакомство с которым Юлий непрозрачно намекал, лицо полковника Бреннара вытянулось и изменило цвет. По сравнению с этим шапочное

знакомство с самим генералом Оуэнсом не имело решающего значения.

Полковник был дурак и службист, явно из простолюдинов. Услышав фамилию «Морган», он сразу же начал заискивать перед Юлием из-за его высокопоставленного отца. Юлий был благодарен Клозе за то, что тот правильно сориентировался и вовремя подавал требуемые реплики.

Полковник был у них в кармане и сделал бы для них все что угодно. Главный вопрос стоял по-другому: а что этот полковник вообще может для них сделать?

Есть ли у него доступ к той информации, которая требовалась пилотам?

– Чем я могу помочь вам, господа?

– У вас есть доступ к информации о перемещениях имперского флота?

– Какого именно флота?

– Всего, – сказал Юлий.

– Это тактические данные, и их не предоставляют любому желающему по первому требованию, майор. – По тону полковника можно было понять, что он об этом крайне сожалеет.

– Знаю, – кивнул Юлий. – Потому и спрашиваю.

– К моему огорчению, я не могу вам в этом помочь, – сказал полковник Бреннар.

– Я же тебе говорил, – сказал Юлий Клозе. – До свидания, полковник.

– До свидания, полковник, – сказал голос от двери. – Можете погулять пока по коридору или устроить себе внеочередной обеденный перерыв и подумать, почему вас не пригласили на день рождения генерала Оуэнса.

Полковник Бреннар побледнел.

Капитан Винсент Коллоджерро, одетый в штатское, выпроводил полковника за дверь и сел на его место.

– Слушаю вас, господа.

– Я так и знал, что вы не контрразведчик, Винсент, – сказал Юлий.

– Я и не говорил вам, что я контрразведчик, – сказал Винсент. – На Сахаре я разговаривал с вами в кабинете контрразведчика и, наверное, этим невольно ввел вас в заблуждение. А в чем именно я прокололся?

– Вы называли наших врагов «сепаратистами», – сказал Юлий. – Не «уродами», не «болотными тварями» и не «повстанцами». Расквартированные на Сахаре войска так не говорят, вот я и подумал, что вы не местный. И, соответственно, не контрразведчик.

Винсент развел руками.

– С вашей проницательностью вы должны были работать у нас.

– Отец не одобрил бы, если бы я пошел в имперскую безопасность. Морганы были пилотами с основания Империи. Это традиция такая.

– Вы хотите получить доступ к секретной и весьма опасной информации, – заметил Винсент. – Зачем она вам?

– Вы подслушивали? – спросил Клозе.

– Увы, это часть моей профессии. Так что вы хотели найти в данных о перемещении флота?

– Сами не догадываетесь? – спросил Юлий.

– Догадываюсь. Пропавший имперский крейсер.

– Вы на самом деле капитан? – спросил Юлий.

– Пока да.

– Думаю, ненадолго.

– Зачем вам пропавший имперский крейсер, майор?

– Я хочу знать, кто нас подставил.

– С какой целью?

– Морганы привыкли платить свои долги.

– Я хотел бы, чтобы вы озвучили ход своих рассуждений. Вас это не сильно затруднит? Я хотел бы знать, на основании каких фактов вы делаете вывод, что на Сахаре имели дело с имперским

кораблем.

– Меня это ничуть не затруднит. На крейсере, который мы с капитаном Клозе и покойным лейтенантом Дэрринджером утопили в болоте, присутствовал главный калибр, что абсолютно лишает права на жизнь версию о списанном и проданном на сторону корабле. Следовательно, корабль пришел откуда-то с территории Империи. Но я верю в закон сохранения крейсеров в природе. Если крейсер откуда-то взялся на Сахаре, значит, он куда-то делся в каком-то другом месте. А раз он куда-то делся, это должно быть отражено в соответствующих документах. Крейсер, знаете ли, это не старый молоток, о котором никогда никто ничего не знает. А бюрократия – вещь, в некоторых случаях, просто великолепная.

– Иными словами, вы намекаете на измену? – уточнил Винсент.

– Да. А разве в измене есть что-то удивительное? Особенно для УИБ?

– А если по документам все нормально и все крейсера класса «деструктор» находятся на своих местах? – любопытствовал Винсент.

– Тогда это не просто измена, – сказал Юлий. – А измена на самом высоком уровне. Не ниже адмиральского. Причем в заговор должны быть вовлечены несколько адмиралов. Это маловероятно, Винсент. Я думаю, что этот крейсер по документам все-таки куда-то пропал.

– Вы знаете, как часто ВКС теряют корабли такого класса в мирное время?

– Нет, – сказал Юлий. – Никогда раньше не интересовался подобными вещами.

– Такое случалось только дважды, – сказал Винсент. – Первый случай имел место двести пятьдесят четыре года назад. На крейсере «Устрашающий» произошел бунт, капитан и старшие офицеры были убиты, главарь бунтовщиков выдвинул свои требования к Короне и угрожал направить крейсер на мирную планету и разбить его об один из ее крупнейших мегаполисов в случае невыполнения этих требований. УИБ готовило операцию захвата, когда крейсер внезапно взорвался. Мы до сих пор не знаем, что там произошло. Полагаю, какой-то лояльно настроенный космонавт взорвал главный ходовой реактор.

– Это явно не наш вариант, – сказал Юлий.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся Винсент. – Второй крейсер класса «деструктор» пропал два месяца назад при патрулировании пояса астероидов в секторе Альфа-45. Знаете, где это?

– Где-то на окраине.

– Да, где-то там. Достоверного подтверждения гибели крейсера нет. Поисковые отряды не нашли обломков основных систем корабля. Кое-какой мусор, правда, нашелся, но он мог быть оставлен специально, чтобы подтвердить версию о крушении.

– Как назывался этот корабль? – спросил Юлий.

– Я и так сказал вам слишком много.

– Сказали «а», говорите и «б». Вы могли бы вообще ничего не рассказывать.

– Мог бы. Но я считаю, что дешевле и проще предоставить вам требуемую информацию. Иначе вы не остановитесь и все испортите, не так ли? Задействуете все свои связи, надавите на кого надо...

– Боюсь, вы переоцениваете мои связи, – сказал Юлий.

– Одна ваша фамилия раскроет перед вами половину дверей, – улыбнулся Винсент.

– А почему вас генерал не пригласил на свой день рождения? – спросил Юлий.

– Он приглашал, но я отказался. Был все время неподалеку от штаба, все ждал, пока вы соизволите нанести нам визит. Поэтому вам, кстати, стоит простить полковника Бреннара. Он исполнял мою просьбу и тянул время до моего прибытия.

– С чего такая честь? – спросил Клозе.

– Вы шатаетесь по планете и задаете вопросы, – сказал Винсент. – Вы связывались с представителем консульства планеты Хорезм – нетрудно было догадаться, о чем вы с ним разговаривали. Вот начальство и дернуло меня с Сахары и отправило сюда присмотреть, как бы с вами чего не вышло. Вы ведь весьма ценные кадры, господа офицеры. Вдвоем целый «деструктор» в болоте утопили. Кстати, я весьма вам благодарен за столь приятный перевод. Мне здесь нравится гораздо больше, чем на Сахаре.

– А разве там у вас не было дел? – спросил Юлий. – Расследование там и все такое прочее...

– Сейчас, в основном, идет стадия работы с документами, – сказал Винсент. – Ползать по болоту с лупой и выковыривать из грязи остатки «деструктора» – не входит в мои служебные обязанности. А с документами можно работать где угодно. Даже в раю.

– Он слишком откровенен для сотрудника УИБ, – сказал Клозе Юлию.

– Ему просто от нас что-то надо, – объяснил Юлий. – Верно, Винсент?

– Конечно. – Такого улыбчивого агента УИБ Юлий еще не видел. – Совсем небольшую услугу. Не лезьте в это дело. Я расскажу вам все, что могу рассказать, но взамен вы дадите мне слово офицеров, что отойдете в сторону и не будете мешать мне закончить расследование. Поверьте, УИБ хочет разобраться в случившемся не меньше вашего, и виновные обязательно будут наказаны.

– Название корабля, – потребовал Юлий.

– Сначала ваше слово.

– Слово офицера, – сказал Юлий.

– Слово офицера, – повторил Клозе.

– «Бушующий».

– Нет, ну что за названия! – простонал Юлий. – Как будто они думают, чем грознее назовешь корабль, тем лучше он воевать будет.

– Фамилия капитана? – спросил Клозе.

– Все, господа. На этом наше интервью закончится. Больше я вам ничего рассказывать не буду.

– Почему? Мы же дали слово, что отойдем в сторону.

– Существует такое понятие, как интересы следствия. И такое понятие, как презумпция невиновности. Нет никаких гарантий, что на Сахаре крейсером командовал его истинный капитан, и я не хочу подвергать сомнению его честь без весомых доказательств.

– Вы дворянин, Винсент?

– По-вашему, понятия о чести есть только у дворян?

– Нет, – сказал Клозе. – Просто я хотел бы это знать. Или это тоже секретная информация?

– Мой отец торговал овощами, – сказал Винсент.

– Как я ему завидую, – сказал Юлий.

– Я могу помочь вам в чем-то, не связанном с данным расследованием? – спросил Винсент.

Это был вежливый вопрос, рассчитанный на отрицательный ответ. Намек на окончание аудиенции, и Винсент был крайне удивлен, когда Юлий сказал:

– Да. – Ему терять было нечего.

– Я вас слушаю, – удивленно сказал Винсент.

Клозе застонал.

– В этом городе есть девушка, – сказал Юлий.

– В этом городе много девушек, – осторожно заметил Винсент.

– Не перебивайте. Ее зовут Изабелла, и она не любит военных. (Трехминутная пауза.) Почему вы молчите?

– Вы же сами просили не перебивать.

– Я закончил.

– Ага, – сказал Винсент. – И это все, что вы об этой девушке знаете?

– Я еще много чего знаю, но это не поможет ее найти.

– Вы думаете, то, что вы сказали, поможет?

– Я всегда верил, что УИБ может творить чудеса.

– Только на уровне генералов, – сказал Винсент. – Я же еще не волшебник. Я только учусь.

– Можете поучиться на этом примере.

– Зачем вам эта девушка?

– Я хочу на ней жениться, – сказал Юлий и внезапно понял, что сказал правду.

Клозе застонал.

– Она дворянка? – полюбопытствовал Винсент.

– Мне все равно, – сказал Юлий.

– Вы, между прочим, граф.

– Я в курсе.

– Вы не просто граф, а граф Морган.

– Я слышал и об этом.

– Вы не можете жениться на ком попало.

– Она – не кто попало.

Клозе застонал.

– Вашему другу плохо, – заметил Винсент.

– Эта скотина – мне не друг, – сказал Юлий.

– Хорошо, я посмотрю, что я могу для вас сделать, – пообещал Винсент. – Если результат будет положительный, я зайду к вам в отель и оставлю сообщение у портье. Если нет... Не обессудьте.

– Я в вас верю, – сказал Юлий.

Клозе застонал.

ГЛАВА 5

– Ты обратил внимание на странную тенденцию? – спросил Клозе. – В армии число нормальных людей падает прямо пропорционально росту их званий. Если среди лейтенантов нормальных парней процентов девяносто, то среди капитанов их уже шестьдесят, среди майоров – пятьдесят, среди полковников – двадцать, а среди генералов – вообще считанные единицы. Неужели люди портятся в процессе продвижения по карьерной лестнице? Ты расскажешь мне, как это происходит, когда станешь генералом?

– Сам узнаешь.

– Я никогда не стану генералом.

– Почему?

– Я для этого слишком нормальный.

– А я, значит, ненормальный?

– Не я это сказал. Нормальные люди не вмешивают УИБ в свои сердечные проблемы.

– Если никто другой не сможет мне помочь, я приму помощь и от дьявола.

– Ты свихнулся, – сказал Клозе.

– Шпага идет к твоему парадному мундиру. Впервые, с тех пор, как ты начал ее носить, я не чувствую себя полным идиотом рядом с тобой. Всего лишь полудурком.

– Очень изящный финт, – сказал Клозе. – Вы, графья, в совершенстве владеете искусством менять тему.

– Барон, вашими высказываниями движет классовая ненависть.

– Я всегда считал, что графы и бароны принадлежат к одному классу.

– Ха!

– Тот сержант плохо на тебя повлиял.

– Ха! Ха!

– Именно об этом я и говорю, – вздохнул Клозе. – Когда мы

свяжемся с Асадом?

– Зачем?

– Чтобы он по своим каналам узнал для нас имя командира крейсера «Бушующий».

– Ты предлагаешь мне разгласить полученную в УИБ секретную информацию шпиону другой державы?

– Да.

– Эта идея не лишена привлекательности, – сказал Юлий. – Но я дал слово офицера, что отойду в сторону.

– Ну и что? – спросил Клозе. – Ты же не давал слова дворянина.

– В данном случае я не делаю разницы между этими понятиями, – сказал Юлий. – Потому что оба они относятся к моей скромной персоне.

– Надеюсь, ты пошутил. Хотя бы насчет скромности.

– Слушай меня, Клозе. Этот Винсент кажется мне вполне приличным парнем, умным и честным. Дадим ему шанс разобраться с этой ситуацией. Если же у него ничего не получится, тогда возьмемся за дело сами.

– К этому моменту мы уже снова можем быть на Сахаре.

– То, чем мы занимаемся в связи с этим крейсером, можно называть по-разному, – сказал Юлий. – Восстановлением справедливости, наказанием виновных, как угодно еще. Но, по сути, мы занимаемся местью. А месть – это блюдо, которое надо подавать к столу холодным. Это вещь, которая никогда не стареет. Будем же терпеливы.

– Я просто не верю, что именно ты мне это говоришь.

– А с Асадом связаться все-таки стоит. Он хороший парень, и нам следует угостить его ужином.

– Ты просто бесишься, – сказал Клозе. – А знаешь, почему ты бесишься? Потому, что ты облажался.

– Вот как?

– Да. Ты с самого начала знал, что это имперский крейсер. Ты втянул в эту историю Асада только для того, чтобы привлечь

внимание плохих парней к своему расследованию и спровоцировать их на ошибку. А когда они совершили эту ошибку – натравили на тебя тех хулиганов, – ты и облажался. Вместо того чтобы захватить хотя бы одного и устроить ему допрос с пристрастием, ты вырубил их, оставил лежать на асфальте, а сам помчался догонять свою возлюбленную. Ты и ее не догнал, и парней упустил, а потому и бесишься.

- Вы потрясающе тонкий психолог, барон Клозе.
- Скажи мне, что я ошибаюсь, и я сразу же извинюсь.
- Ты не ошибаешься, – сказал Юлий. – Я облажался.
- Ты же военный, – сказал Клозе. – Что с тебя еще взять?

Следующим утром Юлий спустился поговорить с портье на предмет оставленных ему сообщений и, к великому своему удивлению и не меньшей радости, был осчастливлен бумажным конвертом без марки, зато с эмблемой УИБ в верхнем правом углу. Капитан Коллоджерро оказался расторопным и старомодным.

Юлий открыл конверт у себя в номере. Сообщение оказалось очень коротким. Сначала следовал напечатанный на компьютере адрес, а ниже было приписано от руки:

«Вы ошибались, говоря, что она не любит военных. Она не любит только пилотов. Примите мои соболезнования. В. К.».

У Винсента был каллиграфический почерк.

– У него каллиграфический почерк, и он подписывает свои письма инициалами, – сказал Клозе, заглянув в бумажку через плечо Юлия. – Такому человеку нельзя доверять. Но следует отдать ему должное – работает он быстро.

- Мог хотя бы написать ее фамилию, – сказал Юлий.
- Может быть, он посчитал это неэтичным. Ты должен помнить, этот парень очень щепетилен.
- Настолько, что предоставил мне чужой адрес?
- У разных людей разные представления об этике.

Юлий отправился по указанному адресу тотчас же, чуть ли не

силой заставив Клозе не покидать отеля. Ему удалось сделать это только после того, как он пообещал взять с собой шпагу, поэтому на всем протяжении пути Юлий чувствовал себя дискомфортно. Он редко носил кастовое оружие и совершенно не привык к его тяжести на поясе. К тому же шпага постоянно цеплялась за окружающие предметы и путалась в ногах.

Указанная Винсентом квартира находилась на третьем этаже трехэтажного дома. Квартира должна была быть весьма скромной, но на Эдеме почти все жилье выглядело скромным, учитывая немереные цены на местную недвижимость.

Дома никого не оказалось. Юлий стучал, звонил и даже пинал дверь ногой, пока из-за соседней двери не пригрозили вызвать полисменов. Юлий поинтересовался, где хозяйка квартиры, и ему ответили, что она ушла в магазин. Скоро вернется.

Юлий вежливо поблагодарил невидимого собеседника, уселся на верхней ступеньке лестницы и закурил. Голос из-за двери попросил его этого не делать. Юлий затушил сигарету и бросил окурочок на ступеньку. Голос из-за двери призвал его к чистоте. Юлий нецензурно выругался про себя и спрятал окурочок в карман.

Выходить на улицу он не хотел – боялся упустить Изабеллу. У подъезда было два выхода.

Прошло не менее получаса, прежде чем он услышал шаги и удивился по поводу своего учащенного сердцебиения. Он не волновался так и на первом своем свидании.

Забавно, но первое свидание у Юлия произошло на два года позже, чем он потерял невинность. Он просто стащил у отца деньги и отправился в дорогой публичный дом. Его отказывались обслужить, но предложение утроенного гонорара принесло свои плоды.

Узнав о выходке младшего сына, отец не пришел в ярость, как ожидал Юлий, а долго смеялся. Потом он сказал, что Юлий с первой своей зарплаты должен будет вернуть ему деньги.

Прошли годы, и Юлий деньги вернул.

Заметив Юлия, Изабелла остановилась на площадке между вторым и третьим этажами. В ее руках был пакет с продуктами.

– Добрый день, – сказал Юлий.

– Я вас ждала.

– Правда?

– Я знала, что вы придете. – Ее голосом можно было замораживать пиво. – Я знала, что появление на моей работе ищеек из УИБ связано с вами.

Юлий проклял капитана Коллоджерро. По его мнению, Винсент должен был действовать гораздо более тонко.

– Я сказала вам, что не люблю военных, а вы нацепили на себя парадную форму и вдобавок повесили шпагу, майор. Хотите привести меня в ярость?

Юлий надел парадную форму только по одной причине – это был единственный способ оправдать наличие шпаги. А шпагу он взял с собой, чтобы избавиться от Клозе. От Клозе надо было избавляться по причине... В общем, это была слишком длинная история для объяснения. Поэтому Юлий ответил коротко:

– Нет.

Она не сделала попытки подняться хотя бы на одну ступеньку. Юлий продолжал сидеть на лестнице.

По его мнению, это была выигрышная позиция. Если Изабелла хочет попасть домой, ей надо будет пройти мимо него.

– Я удивлена, что вы не принесли цветов.

– Я не думаю, что цветы могут исправить создавшееся положение.

– Вы правы. Его вообще ничто не может исправить.

– Я хотел бы с вами поговорить.

– Разве я обязана вас выслушивать?

– Нет, – вздохнул Юлий. – Не обязаны.

– Тогда уйдите с дороги и дайте мне пройти.

– Пять минут.

– Нет.

– Три минуты.

– Нет.

– Одна.

– До свидания. – Она поставила пакет на пол у стены, развернулась и начала спускаться.

Юлий перемахнул через перила и прыгнул вниз, снова оказавшись у нее на пути.

– Вы опять преграждаете мне дорогу.

– Мне кажется, это судьба.

– Еще немного, и я вызову полисменов. Вам понравилось ночевать в участке?

– Нормально, я ночевал в местах и похуже. Кроме того, в тот раз я был в штатском. И я не думаю, что местные полисмены осмелятся арестовать трезвого майора ВКС в парадной форме и при шпаге.

– Хотите проверить?

– Нет. Хочу поговорить.

– Вы просчитались. – Она развернулась и поднялась на две ступеньки. – Вы не сможете прыгнуть обратно и заступить мне дорогу в третий раз.

Юлий посмотрел вверх. Да, на четыре метра он не подпрыгнет. По крайней мере, без состояния невесомости, уменьшенной гравитации или без специального десантного скафандра.

Изабелла уже вернулась на площадку, где оставила пакет.

Юлий взобрался на перила, опасно балансируя с пристегнутой к поясу шпагой, подпрыгнул, ухватился за что-то, перекинул ногу...

– Надо же, вам удалось, – констатировала Изабелла. – Но я готова держать пари, что вы устанете раньше меня.

– Зато вам первой надоест, – сказал Юлий. Он не хотел прыгать туда-обратно. Он хотел всего лишь поговорить.

– Кто вы такой, что ищейки из УИБ бегают по вашим личным делам?

– Майор Морган. Граф.

– Тот самый Морган?

– Увы.

– Я должна быть польщена, что такой человек удостоил меня вниманием?

– Немного, – сказал Юлий.

Она не улыбнулась, хотя не могла не понять, что он шутил.

– Вы думаете, я должна упасть в ваши объятия, едва услышав вашу фамилию?

– Если бы я действительно так думал, то назвал бы ее гораздо раньше.

– Хотите знать, что я о вас думаю?

– Да, хотя и уверен, что вы ошибаетесь.

– Я думаю, что вы мелкий, наглый, заносчивый мальчишка, который всю жизнь получал то, что хотел. И вы не можете пережить отказа.

– Я надеюсь пережить даже моего отца, хотя кому-то это может показаться невозможным.

– Тогда почему вы здесь?

– Вы мне нравитесь.

– Не порите чушь. Мы с вами едва знакомы.

– Мне кажется, что я знал вас всю жизнь.

– Банальность. Заезженная фраза.

– Хорошо, не кажется. Я не знал вас всю жизнь. Но я хочу знать вас весь остаток жизни.

– Это еще большая ерунда, чем та, первая. Еще скажите, что любите меня.

– Это было бы неправдой.

– А вы всегда говорите правду? Я спрашивала вас, чем вы занимаетесь.

– И я дал туманный ответ. Но я не говорил, что я – не военный. Вы тоже не дали мне о себе никакой информации. За что вы не любите пилотов?

– Я не говорила вам, что не люблю пилотов. Откуда вы знаете? А, ищейки из УИБ. – С каждой следующей фразой ее голос становился все жестче и жестче. – Передайте им, что они хорошо поработали.

Юлий почувствовал, что проигрывает. Они разговаривали, но это был совсем не тот разговор, на который он рассчитывал.

– Подключить УИБ – это был единственный способ, чтобы найти вас. Сам я не смог, хотя и пытался.

– Зря старались.

– Объясните хотя бы почему.

– Вы мне не нравитесь.

– Почему? Потому, что я – пилот?

– Потому, что вы – пилот и потому, что вы натравили на меня УИБ. Представляете, что обо мне теперь думают мои коллеги по работе?

– Дайте мне их номера, и я с ними свяжусь, чтобы объяснить ситуацию.

– Хватит и того, что вы уже сделали.

– Как я могу загладить свою вину?

– Никак.

– Изабелла...

– Майор, вы дурак?

– Не знаю, – честно признался Юлий. Сам он не мог об этом судить, потому что был необъективен.

– Сколько раз я должна сказать вам «нет», прежде чем вы поймете, что это значит, и оставите меня в покое?

– Вы хотите знать точную цифру?

– Да.

– Три миллиона восемьсот тридцать восемь тысяч двести сорок два раза.

– Я скажу вам один раз, майор, а вы слушайте меня внимательно и постарайтесь усвоить. Вы мне не нравитесь. Вы мне нравились,

недолго, но потом я изменила свое мнение. Мне не нравится, что вы пилот. Мне не нравится, что вы пижон. Мне не нравится, что вы обсуждали меня с посторонними и запросили помощи у самого УИБ. Мне еще много чего не нравится, но то, что я перечислила, – главное.

– Зато я хорошо танцую.

– Но никаких других достоинств я в вас не нахожу.

– Убит, – сказал Юлий, – растоптан, уничтожен.

– А теперь дайте мне пройти, майор. Прощайте.

– До свидания, – сказал Юлий.

ГЛАВА 6

Юлий впал в черную тоску. Даже неунывающий Клозе был вынужден умыть руки: убедившись, что Юлий не собирается покидать номер, заказывать коньяк ящиками или вскрывать вены, плюнул на него и возобновил свои походы на пляж, в бары и бордели.

Юлий сидел в отеле и никуда не выходил. Еду ему приносили, терминал гостиничного компьютера был в рабочем состоянии, а более Юлию ничего не было нужно. Систематически заходил Клозе и периодически – Асад. Но толку от таких визитов не было. Никому не удавалось его расшевелить.

Жизнь стала пустой.

Юлий чувствовал себя идиотом и сумасшедшим, но ничего не мог поделать. Он едва ее знал, но ему ее катастрофически не хватало.

Изабелла.

Он даже не знал ее фамилии.

Он не знал ее возраста, ее происхождения, ее родственников. Он не знал, чем она занимается, где работает и как проводит свободное время.

Он не знал, какие она любит цветы, какую слушает музыку и что читает. Он не знал ее страхов и стремлений. Он ничего о ней не знал.

Кроме одного.

Он хотел быть с ней.

Он не мог точно сказать, любовь ли это с первого взгляда. Он вообще не был уверен, что это любовь. Его состояние напоминало ему болезнь. Он знал Изабеллу несколько часов, но ему трудно было дышать в ее отсутствие.

Юлий не знал, что такое любовь и существует ли она вообще. Он читал много книг и почти в каждой находил свое определение любви. Определений было целое море. Их было куда больше, чем любви в этом мире. Так он считал.

Он ненавидел сопливых романтиков и презирал самого себя, что превращается в одного из них.

Если это любовь, то он никогда никого не любил раньше. Никогда не испытывал он таких чувств.

Когда ему было десять лет, в одной из книг он вычитал очередное определение слова «любовь», которое тогда произвело на него впечатление. Больше всего благодаря тому, что он ни черта в нем не понял.

Это была старая книга, принадлежавшая перу женщины, жившей в древние, еще докосмические времена. По тем временам она писала фантастику. Книги о великих империях и звездных войнах, о подвигах и сражениях. Но еще она писала о людях. И все остальное было лишь декорациями, на фоне которых разворачивались настоящие драмы.

Юлий терпеть не мог Шекспира, а эти книги ему нравились, и потому он считал свои вкусы низменными и приземленными.

Книга, в которой он нашел взволновавшую его цитату, была о мужчине и женщине. Они оба были военными, воевали за разные планеты, и периодически судьба сводила их вместе. У них были очень сложные взаимоотношения.

Когда они были разлучены в очередной раз, мать спросила главную героиню, как та относится к главному герою.

Он был очень странным типом, этот главный герой.

Странным и опасным.

«Конечно, я его не ненавижу. Но и не могу сказать, что без ума от него. – Она долго молчала, потом посмотрела в глаза матери. – Но если он порежется, у меня течет кровь»[\[8\]](#).

Юлий считал, что только женщина способна дать столь непонятное и в то же время такое убийственно эмоционально-точное определение.

Теперь он понял, что это означает.

– Так не бывает, – сказал Клозе. – Прости меня, Юлий, но так не бывает. Видел ее какую-то пару часов – и уже не можешь без нее жить? Я тебе не верю. Ты в очередной раз морочишь всем голову.

Юлий не ответил.

– Ведь так не бывает? – обратился Клозе за поддержкой к Асаду.

– Не знаю, – сказал Асад.

– Но у тебя так было? Хоть раз? – настаивал Клозе.

– Нет.

– И у меня не было. А значит, так не бывает.

– Слишком мало данных для экстраполяции, – сказал Асад.

– Я тебя не для того сюда звал, чтобы ты мне противоречил, – заявил Клозе. – Юлий, у тебя неправильное отношение к женщинам.

Юлий не ответил.

– Ты должен помнить, что ты – самец, – сказал Клозе. – Ты – мужчина. Когда мужчина хочет пить, он идет и берет вино. Когда мужчина хочет есть, он идет и берет мясо. Когда мужчина хочет любви – он идет и берет женщину.

На этот раз вместо Юлия ответил Асад.

– Юлий был прав в своей оценке, – заявил Клозе муж четырех жен. – Ты – маньяк.

– Чего ты лезешь? – возмутился Клозе. – Это не твоя реплика. Я хотел спровоцировать этого хлюпика, а не тебя.

Юлий никак не прореагировал и на «хлюпика». Клозе испугался.

Клозе предпринял еще восемнадцать попыток спровоцировать Юлия хоть на какую-то реакцию. Асад помогал ему по мере возможностей.

За все время их встречи Юлий не произнес ни слова.

А когда они ушли, он лег на кровать и уставился взглядом в потолок. Но потолка он не видел.

Изабелла злилась на саму себя и была самой собой недовольна.

Проблема была в том, что ей действительно понравился этот мальчик. Этот милый мальчик с серо-стальными глазами взрослого мужчины. Не уставшего от жизни старика, а мужчины, который повидал многое из того, чего не хотел видеть и чего не видели многие.

Он не был похож на военного до того момента, как она увидела его татуировки, и до того, конечно, как он предстал перед ней в форме. У него не было военной выправки; в отличие от тех военных, которых она знала, его движения были плавными и ленивыми. И она должна была признать, что он отменно танцевал.

Конечно, она неправильно с ним поступила. Надо было объяснить ему все в тот же вечер, сразу после драки. Но она оказалась слишком расстроенной. Слишком разочарованной тем, что она о нем узнала.

И можно сказать, что его выходку с УИБ спровоцировала она сама.

Но уже ничего нельзя было исправить. Он это переживет. И она это переживет. Они оба это переживут. По отдельности.

Возвращаясь домой после работы, она обнаружила под своей дверью рыжего молодого человека. В этом типе она сразу признала военного, несмотря на то, что одет он был типично для туриста. Но свои татуировки, такие же черепа, как у Юлия, он сразу выставил напоказ. У рыжего их было меньше, но ненамного.

– Добрый вечер, – сказал рыжий. – Меня зовут Клозе. Точнее, это моя фамилия, но меня все так зовут. А вы – Изабелла?

– А то вы не знаете. Я видела вас в баре.

– Просто хотел удостовериться лишний раз, – сказал Клозе.

– Что вам надо? Это он вас послал?

– Нет, он меня не посылал. Он даже не знает, что я здесь.

– Вот как? И что вы хотите?

– Может быть, мы продолжим наш разговор в квартире? Не угостите ли бедного немецкого парня чашечкой чая?

– В баре вы тоже пили чай?

– Да, только холодный и алкогольный.

Она пригласила Клозе на кухню и заварила чай.

Это не было против ее правил. Она никогда не давала себе слово, что не будет поить пилотов чаем.

– У вас милая квартирка, – сказал Клозе, который видел только

часть темной прихожей и кухню.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю. Я проявляю вежливость.

– Вы откровенны.

– Да, – сказал Клозе. – Есть у меня такая неприятная черта. Я всегда говорю, что думаю, но не всегда думаю, что говорю. Фраза относительно милой квартирки была первой частью комплимента, который я собирался вам сделать. Типа у милой квартирки милая хозяйка. Но я бы солгал. Вы – не милая.

Действительно, неприятная черта, подумала Изабелла.

– Я – сука, – сказала она.

Клозе покачал головой:

– Я так не думаю. Вы не милая, но вы и не сука. Вы – нечто среднее, что-то между ними. Но, говоря откровенно, мне на это наплевать. А чай неплохой.

– Только не говорите мне, что вы разбираетесь в чае.

– Совсем не разбираюсь. Я слишком редко его пью. Но мне нравится аромат этого чая, а потому я и говорю, что он неплохой.

– Что ж, я уже многое о вас узнала. Кроме того, с какой целью вы сюда пришли.

– Я хочу рассказать вам о Юлии, – сказал Клозе. – Я отниму не так уж много вашего времени. Потом допью чай и уйду. Вы согласны меня выслушать?

– А разве вам требуется мое согласие?

– Безусловно, – сказал Клозе.

– Ладно, говорите.

– Он плохой человек, – сказал Клозе. – Отвратительный. Очень неприятный. Он заносчив, эгоистичен, себялюбив, нагл, высокомерен, упрям. У меня не хватит эпитетов, чтобы его охарактеризовать, потому что я недостаточно хорошо образован. Порой он говорит странные и страшные вещи. Он циник и нигилист. Мы знакомы с ним недолго – всего три года. Мы проводим вместе с ним много времени. Не потому, что нравимся друг другу, а потому,

что вынуждены существовать в очень ограниченном пространстве и нам просто некуда друг от друга деваться. Мы с ним вместе пьем, едим, курим, разговариваем, играем в покер и, извините, совершаем боевые вылеты. Только в бордель я обычно хожу один. Мы знакомы с ним три года, и за все это время он ни разу не назвал меня своим другом. Я его, впрочем, тоже. Порой мы раздражаем друг друга, порой мы друг друга просто ненавидим. Но когда меня сбили над болотами, когда мне оторвало вот эту ногу... – Клозе выставил ноги на середину кухни и задрал штанины, в подтверждение своих слов, продемонстрировав различную степень волосатости нижних конечностей. На правой ноге волосы только начали отрастать. Но он мог бы этого не делать. Изабелла и так ему верила. – Он вернулся за мной, хотя имел право этого не делать. Он утопил свой собственный истребитель, стараясь меня спасти. Он целый день тащил меня на своей спине. Ругаясь последними словами, говоря, что я слишком тяжелый даже без одной ноги, падая в грязь, но – тащил. И он вытащил меня с вражеской территории. Как вы думаете, я сказал ему за это «спасибо»? Нет, не сказал. Он не ждал от меня благодарности, он бы не знал, что делать с такой благодарностью. Думаю, он и сам не понимает, почему он поступает так или иначе. Поступает правильно. Я не говорю, что он всегда поступает хорошо, хотя с моей стороны это выглядит черной неблагодарностью. Не говорю, что он поступает справедливо. Он поступает так, как считает нужным.

– Должна вам сказать, что у вас с ним очень странные отношения, – сказала Изабелла.

– Он сын Питера Моргана. Удивительно, что у него с кем-то есть хоть какие-то отношения, – сказал Клозе.

– Что вы хотите этим сказать?

– Питер Морган – великий человек. Все считают его таким. Я думаю, очень сложно быть сыном такого человека.

Изабелла подумала, что если у рыжего Клозе будут дети, то им тоже придется несладко.

– И что вы хотите от меня?

– Можно, я сначала объясню вам, почему я этого хочу?

– Попробуйте.

– Видите ли, все дело в том, что я – эгоист. Может быть, еще

большой эгоист, чем Юлий. И сейчас, в отличие от тех трех лет, я чувствую себя рядом с ним особенно некомфортно. А я не люблю чувствовать себя некомфортно... Предполагается, что сейчас вы должны спросить, почему я себя чувствую некомфортно.

Она улыбнулась. Впервые. Клозе записал одно очко в свой актив.

Она не спросила.

– Отлично, – сказал Клозе. – Будем считать, что вы задали мне вопрос, а я на него отвечаю. Он страдает. Это глупо, я понимаю, что вы едва знаете друг друга, но он почему-то вбил себе в голову, что любит вас.

– Так не бывает, – сказала Изабелла.

– Я тоже ему это говорил, – сказал Клозе. – Но он страдает, я вижу. Он мало ест, никуда не ходит, пьет мало алкоголя и, что самое подозрительное, почти не курит. С сегодняшнего утра он еще и ни с кем не разговаривает, и это пугает меня больше всего. Раньше его можно было заткнуть только пулей в голову. В упор. И то действовало не сразу.

– И что вы хотите, чтобы я сделала? Переспала с ним? Упала в его объятия? Вышла за него замуж? Родила ему пятерых детей?

– Вы предлагаете слишком радикальные действия даже для меня, – сказал Клозе. – Вполне возможно, что один из вариантов сработает, но я имел в виду не это.

Предполагалось, она спросит, что он имеет в виду, но она опять промолчала.

– Никому этого не говорите, если не хотите подорвать мою репутацию, но я считаю, что у женщины в таких вопросах прав ровно столько же, сколько у мужчины. – Клозе помолчал, потом спросил разрешения закурить и сунул сигарету в рот. Но зажигать не стал. – Он вам не нравится. Вы имеете на это полное право. Вы можете даже ненавидеть его и желать его смерти, и мне нет до этого никакого дела. Я лишь хочу, чтобы вы встретились с ним еще один раз и объяснили почему. Мне кажется, он переживет вашу нелюбовь. Но он не сможет этого сделать, пока не поймет почему. Если вы не любите пилотов, то объясните ему, почему вы их не любите. Если он не нравится вам лично, скажите это. Скажите ему, что это нелепо, что

вы считаете его идиотом. Но не оставляйте его в неизвестности.

– Я... должна подумать.

– Конечно, – кивнул Клозе. – На случай, если вы решитесь оказать мне эту услугу, вот его адрес. Он никуда не выходит, так что вы можете застать его в любое время.

Клозе допил чай и наконец-то зажег сигарету. И тут же выплюнул, потому что за время своего монолога успел изжевать фильтр.

– Если... если я все-таки приду, мне вас не выдавать?

– Нет смысла, – сказал Клозе. – Он не дурак. Как-то же вы узнали, где он остановился.

– Может быть, мне помогло УИБ.

– Ему помогало не УИБ, – сказал Клозе. – А только один сотрудник УИБ, который почему-то чувствует себя виноватым.

– Почему?

– Не знаю, – солгал Клозе.

На самом деле он знал почему.

Если присутствие «деструктора» на Сахаре на самом деле означало чью-то измену, а Клозе готов был прозакладывать свое годовое жалованье, что это так, то эта измена – чистый прокол для УИБ, главная обязанность которого как раз пресечение измен.

Клозе оставил на столе карточку с названием отеля и номером, в котором жил Юлий, церемонно раскланялся и вышел, попросив извинения за беспокойство.

По некотором размышлении Изабелла решила, что он тоже не похож на военного. Или она слишком заблуждалась в своем мнении относительно военных.

Клозе вышел на улицу и закурил. Потом он направился в бар, чтобы прополоскать рот и избавиться от привкуса чая, который он с детства терпеть не мог.

Клозе было не по себе от того спектакля, который он только что устроил.

Он опасался, что его монолог больше был нужен ему самому, а не Изабелле и не Юлию. Он выговорился, после чего ему одновременно стало и легче, и тревожнее.

А еще ему тоже очень понравилась эта женщина.

ГЛАВА 7

Она долго думала, и решила, что Клозе был прав.

Она имела право бросить милого мальчика Юлия, но ей все-таки стоило дать ему хоть какое-то объяснение. Он заслужил это право их танго и теми тремя часами, когда они гуляли по набережной.

Если бы не ее жесткое правило не встречаться с пилотами, правило, которое она установила для себя много лет назад...

Она бы не отшила Юлия на набережной так жестко. Он показался ей довольно интересным.

Интересным и привлекательным.

И еще этот его друг, которого он никогда не называл другом и который не поблагодарил его за спасение собственной жизни.

Он тоже показался ей интересным.

Они были очень похожими и в то же время очень разными.

Оба были чем-то большим, чем казались с первого взгляда.

Юлий был сталью, обернутой в мягкий бархат.

А Клозе был просто сталью.

Юлий был виртуозен и куртуазен. Он хорошо образован, остроумен и способен говорить сколь угодно долго и о чем угодно. И так же долго слушать, выказывая искренний интерес. С ним было очень интересно разговаривать.

А Клозе было невозможно не слушать.

Она поверила каждому его слову, кроме, разве что, слов про чай. Она была удивлена. Поражена рассказом Клозе. Изабелла не думала, что может производить такое впечатление на мужчин.

Приятно.

Страшно.

Страшно приятно.

Одного она знала несколько часов. С другим была знакома чуть больше двадцати минут. Но оба никак не желали вылезать у нее из

головы.

Чтобы покончить со всем этим как можно быстрее, прямо с работы она отправилась в отель «Лазурный». Номер, указанный на оставленной Клозе карточке, был заперт. На стук и звонки никто не отвечал.

Она спустилась к портье и спросила, в каком номере остановился Клозе. Может быть, он что-то просто напутал. Портье известил ее, что капитан Клозе выехал из отеля сегодня утром. Она не спрашивала, но портье уточнил, что майор Морган его сопровождал.

Еще портье передал ей конверт. Она спросила, откуда портье знает, что конверт надо отдать именно ей.

Портье сказал, что капитан Клозе, оставивший конверт, очень подробно ее описал. Ей было страшно любопытно, но она не стала просить портье повторить описание дословно.

Конверт она вскрыла тут же, в вестибюле «Лазурного». Только отошла от стойки портье и присела в глубокое кожаное кресло.

Внутри лежал небольшой листок бумаги, сложенный вдвое. В верхнем правом углу красовалась эмблема отеля.

Оказалось, что Клозе пишет мелкими печатными буквами.

«Здравствуйте, Изабелла.

Если Вы читаете эти строки, то Вы все-таки вняли моим мольбам и решились прийти. Я очень благодарен Вам за это.

И тут же прошу извинить меня.

На время мы позволили себе забыть, что мы военные и не можем располагать своим временем. Но сегодня утром (11 августа, я же не могу знать, сколько дней Вам понадобится на размышления) нам об этом напомнили и мы вынуждены в срочном порядке покинуть райскую планету и вернуться в объятия большой и некрасивой женщины, имя которой – военная служба.

Надеюсь, новое назначение отвлечет майора Моргана от мыслей о Вас. С другой стороны, я рад, что Вам теперь не надо с ним объясняться.

Вы все-таки пришли! Я преклоняюсь перед Вашим мужеством!

Клозе».

Вроде бы все разрешилось само по себе, без ее участия и неприятного разговора с майором Морганом.

Но она все равно почувствовала некоторое разочарование.

Посыльный из штаба округа разбудил капитана Клозе в шесть тридцать утра. Капитан Клозе разбудил майора Моргана. Через полчаса оба были уже в штабе, еще через полчаса они выписались из отеля, а через час орбитальный шаттл унес их с поверхности гостеприимной планеты Эдем.

Их отпуск кончился.

Часть третья
ТАНЕЦ В ВАКУУМЕ

ГЛАВА 1

Их шаттл явно вел какой-то недоучившийся курсант. Во время подъема их дико трясло, а когда они вышли на орбиту, им пришлось целых двадцать минут болтаться в невесомости, потому что курсант никак не мог состыковаться.

Впервые за последнее время у Юлия появилось желание. Это было желание добраться до пилота и задушить его собственными руками. Он в который раз убедился, что чувствует себя спокойно, когда сам управляет транспортным средством, на котором передвигается.

Клозе пришлось хуже. Вчера вечером он перебрал и теперь болтался в воздухе весь зеленый.

– Кос-мо-навт, – сказал Юлий.

– Пошел ты, – ответил Клозе.

– Смотри, не блевани, – сказал Юлий.

Когда стыковка все-таки произошла, двое одинаково безликих стюардов проводили их в каюты по длинному коридору. Юлий отметил, что их привезли не на боевой корабль – слишком мало оружия, но и не на прогулочную яхту – недостаточно роскоши. Точнее определить тип судна было невозможно.

Через двадцать минут корабль ощутимо тряхнуло – это отстыковался давешний курсант. Почти сразу же Юлий почувствовал, что яхта набирает ход.

Почувствовал, как пилот. Яхта была настолько хороша, что обычный человек пропустил бы момент старта, если только при этом он не смотрел в иллюминатор на висящую под судном планету, которая вдруг, ни с того ни с сего, стала удаляться.

Юлий бы уже даже не удивился, если бы обнаружил, что их заперли в их каютах, но едва он успел плюхнуться на кровать, чтобы доспать положенное, в каюту ввалился Клозе.

– Я понимаю, что в чертовых ВКС слишком много капитанов и майоров, чтобы перед каждым расшаркиваться, – заявил он. – Но, по-моему, нам могли бы кое-что объяснить.

– Нас известят, когда сочтут нужным, – сказал Юлий. – Ты видел печати на назначениях?

Два запечатанных конверта им показали, не давая в руки. Можно сказать, помахали перед носом.

– Видел, – сказал Клозе. – Но особенно не рассматривал.

– Значит, не видел. Это были печати императора, – сообщил Юлий.

– Обалдеть, – сказал Клозе и присвистнул.

Обычно назначения заверялись командующим флотом адмиралом. Император снисходил до таких мелочей только в очень редких случаях.

Юлий изучал историю флота и мог пересчитать такие случаи по пальцам.

Их все объединяло только одно – опасность для тех, кому эти назначения вручали.

Император предпочитал лично посылать своих воинов на смерть.

Юлий подозревал, что их пошлют к черту на кулички с каким-нибудь смертельно опасным заданием. Об этом свидетельствовал и крайне необычный способ их доставки к новому месту службы.

Они бы не удивились, если бы информацию о новом назначении получили бы только по прибытии, а в полете с ними вообще никто не стал бы разговаривать, но ошиблись.

Примерно через час после старта снова появился стюард и пригласил их следовать за ним.

Идти пришлось недолго. Стюард привел их к первой каюте соседнего коридора, коротко нажал на кнопку вызова и удалился.

Дверь открылась.

– Входите, – пригласил голос из каюты.

Помещение было раза в три больше, чем обе их каюты, вместе взятые. На полу лежал ковер с длинным ворсом, на стенах – несколько картин с изображением звездных баталий времен основания Империи. Юлий определил, что это были подлинники.

Он хорошо разбирался в живописи того периода. Батальными

картинами были увешаны все стены в кабинете его отца.

Хозяин каюты – немолодой человек с седыми волосами, острым лицом с хищным, как клюв ястреба, носом, одетый в форму космонавта без знаков различия – поднялся к ним навстречу.

Пилоты вытянулись по стойке «смирно». Юлий – потому что знал этого человека, Клозе – потому что этот человек излучал власть так же, как Солнце излучает тепло и свет.

– Здравствуйте, майор Клозе, – сказал глава УИБ генерал Краснов. – Приветствую вас на борту «Сивого мерина».

– Вы ошибаетесь, – сказал Клозе. – Я всего лишь капитан.

– Господин генерал, сэр, – подсказал Юлий.

– Я всего лишь капитан, господин генерал, сэр, – поправился Клозе.

– Если я сказал, что вы майор, значит, вы майор, – сказал Краснов. – В подобных мелочах я не ошибаюсь. За свою долгую и ничемную жизнь мне пару раз доводилось промахиваться по-крупному, и каждый мой промах стоил десятки жизней, но в мелочах я не ошибаюсь никогда.

– Так точно, господин генерал, сэр! – рявкнул Клозе.

– Не ори, сынок, – сказал Краснов. – Можно, я буду называть тебя сынком? Или тебе будет удобнее, если я буду называть тебя по имени, Генрих?

– Как вам будет угодно, господин генерал, сэр.

– А ты говори мне просто «сэр», сынок.

– Так точно, сэр.

– Знаешь, кто я такой?

– Никак нет, сэр.

– Оставь эту казенщину. Достаточно было просто сказать «нет, сэр». Понял меня, сынок?

– Да, сэр.

– Молодец, – сказал Краснов и потрепал Клозе по щеке. – Полковник Морган, просветите, пожалуйста, майора Клозе относительно моей персоны.

– Это генерал Краснов, глава УИБ, – сказал Юлий.

По выпученным глазам Клозе было легко определить, насколько тот обалдел.

– Нервничаешь, Генрих? – ехидно спросил Краснов.

– Да, сэр.

– Расслабься. Сегодня тебя никто не расстреляет, а вот завтра... даже я не всегда знаю, что будет завтра.

УИБ было самой могущественной силовой спецслужбой Империи, последней линией обороны императора и истиной в последней инстанции. Генерал Краснов, возглавлявший УИБ последние двадцать пять лет, был для своих сотрудников живым богом. Причем очень конкретным богом.

Одно из прозвищ, которым его величали подчиненные – Гадес. Зачастую буквы «е» и «с» некоторые предпочитали не произносить.

Непосвященные люди называли его «серым кардиналом» и фактическим правителем Империи. Люди вроде Юлия знали, что это не так.

Краснов был одним из самых преданных слуг Короны.

– Вольно, – скомандовал Краснов, как будто только сейчас заметил, что пилоты до сих пор стоят, вытянувшись по струнке. – Юлий, отец просил передать тебе привет.

– Спасибо, сэр, – сказал Юлий.

– Еще Питер просил передать, что он гордится тобой. Это конец, подумал Юлий. На этот раз – точно. Нас убьют. Только перспектива неминуемой смерти Юлия могла заставить Питера Моргана произнести такие слова.

В последние полтора года Юлий не получал от отца ни единой весточки. Тот его даже с днем рождения не всегда поздравлял.

– Я им тоже горжусь, – сказал Юлий.

– Не ври, сынок, – улыбнулся Краснов. – Врать мне не имеет смысла, забыл? Вранье придумал я, и никто не сможет превзойти меня в этом искусстве. Я и сам знаю, что Питер – сложный человек и отношения у вас не складывались с тех пор, как тебе исполнилось два года. Ты, может быть, это и не помнишь, а я помню.

– Да, сэр, – сказал Юлий. Он всегда называл Краснова сэром. С детства.

Краснов был влиятельной фигурой, на знакомство с которой Юлий любил ссылаться, чтобы позлить контрразведчиков. Но встречаться с ним в реальности он не любил с тех пор, как попал в академию и узнал, кто на самом деле этот веселый шумный русский дядька, так часто бывающий в доме его родителей.

– Присаживайтесь, ребята, – сказал Краснов и занял место в кресле. По правую руку от него стоял стол с напитками. – В ногах правды нет, как нет ее и в жопе, но разговаривать сидя гораздо удобнее. А разговор у нас будет долгий и довольно неприятный. Если хотите курить – курите. Здесь все-таки не совсем военное судно.

Раздумывая, что бы сие могло означать, новоявленные майор и полковник уселись в кресла и закурили сигареты.

В мозгу Юлия давно гудела тревожная сирена. Этот корабль, личная беседа с Красновым, внеочередные звания... Все говорило об одном – их шансы вернуться с нового задания минимальны.

Клозе думал примерно о том же. Еще его несколько обижало, что его повысили на одно звание, а Юлия – на два.

– Спиртного не предлагаю, – сказал Кранов. – Люблю беседовать на трезвую голову. Хотите кофе?

Пилоты кивнули.

– Ты дерьмово выглядишь, Юлий, – сказал Краснов, вызвав стюарда и отдав ему распоряжения начесть кофе. – Впрочем, ты, Генрих, выглядишь не намного лучше. В чем дело? Отпуск не пошел впрок?

– Вроде того, сэр, – сказал Юлий.

– Не говори за всех, – сказал Клозе. – Я просто перепил вчера, сэр. А в целом, отпуск для меня был замечательным.

– Рад это слышать, сынок. Теперь ты нескоро отдохнешь.

Им принесли кофе.

– Натуральный, с Земли, – похвастался Краснов. – «Арабика». От поставщика дома Романовых. Теперь вы можете всем говорить, что пили кофе самого императора. Впрочем, я уверен, что ты, Юлий, и

так это всем говоришь.

– Да, сэр, – кивнул Юлий. – При каждом удобном случае.

Генерал Краснов не был дворянином. Виктор Второй несколько раз предлагал ему графский титул, но генерал каждый раз отнекивался. Говорил, что поместье графа – это лишние заботы, а лично у него и так забот хватает. По всей Империи.

УИБ было одним из камней в фундаменте, на котором стояла императорская власть. Вполне возможно, главным камнем.

Но это было не просто репрессивное ведомство. УИБ занималось самыми важными государственными вопросами. От курирования перспективных научных проектов до контроля над процессом престолонаследования. От расследований фактов государственной измены до борьбы с инфляцией.

– Как я уже говорил, разговор у нас будет долгий и обстоятельный, – сказал Краснов. – Чтобы ничего не забыть, начнем по порядку и для затравки расставим все точки над «ё» в истории с крейсером «Бушующий». Вы следите за новостями, парни?

– Нет, сэр, – сказал Юлий.

– Конечно, вы же в отпуске. Но если бы вы следили за новостями, то узнали бы, что два дня назад контр-адмирал Симони застрелился из «офицерского сорокового» из-за смертельной и неизлечимой болезни, которую нашли у него врачи. Скажу вам по секрету, что этой болезнью было плоскостопие.

– Так это он?

– Это он сначала «потерял» целый «деструктор» в поясе астероидов, а потом натравил его на вас. За «потерю» корабля именно там, где он его потерял, мы должны сказать ему отдельное спасибо, но об этом позже. Хотите знать, зачем Симони это сделал?

– Мне кажется, я догадываюсь, сэр, – сказал Юлий.

– Ты всегда был умным, сынок. Я даже одно время считал, что ты слишком умный. Я просил разрешения у Питера, чтобы поговорить с тобой и убедить пойти в УИБ, но он настаивал, что Морганы всегда были пилотами. Это как раз тот случай, когда из-за традиций страдают интересы государства. В качестве сотрудника УИБ ты мог бы принести больше пользы, нежели в качестве пилота.

Но это дело прошлое, и не будем об этом. Так о чем ты там догадываешься?

– Полагаю, что, когда «хирурги» из УИБ пришли искать у контр-адмирала плоскостопие, он кричал им что-нибудь относительно своих благих намерений.

– Припоминаю что-то подобное, – сказал Краснов. – Продолжай, сынок.

– Я долго думал относительно не только того, где повстанцы раздобыли целый крейсер, но и зачем он им понадобился. Повстанцев вполне устраивает вялотекущая кампания на Сахаре, которая может тянуться еще лет десять. Эскалация конфликта – а ее как раз означало бы присутствие на их стороне крейсера – была бы выгодна им в последнюю очередь, потому что в ответ на «деструктор» мы ввели бы в атмосферу пару линкоров и растерли бы их в пыль. У повстанцев просто не было выбора. Когда им на голову вместо очередного контрабандиста свалился боевой корабль, они ничего не могли сделать. Воевать с крейсером при помощи каменных топоров и луков со стрелами?

– Не вдавайся в лирику, сынок.

– Извините, сэр. Я хочу сказать, что присутствие на стороне повстанцев «деструктора» было в первую очередь выгодно самой Империи.

– Почему так?

– Единственный способ выиграть войну, сэр, это признать ее войной. Наличие на стороне противника столь мощной разрушительной силы позволило бы Империи вывести ситуацию на Сахаре из рамок «полицейской операции» и бросить в бой серьезные силы, что, в свою очередь, позволило бы нам выиграть войну в срок от двух до четырех недель.

– Немного оптимистичный прогноз, но пока все верно.

– Теперь немного изменнических разговоров, сэр. Я не знаю, кто в Империи отвечает за эту «полицейскую операцию», но он или они явно не спешат ее заканчивать, потому что, если бы они хотели, им бы для этого не потребовались никакие предлоги. Они не хотят заканчивать войну, но «деструктор» заставил бы их хоть что-то предпринять.

– Продолжай, сынок.

– «Деструктор» должен был нанести имперским войскам на Сахаре серьезный ущерб, и после этого Империи не осталось бы ничего другого, как вступить в войну, а вступив – выиграть ее. Поэтому я предположил, что этот гамбит разыграл кто-то из руководства флота. Причем, разыграл его лично, не ставя в известность генштаб, который, я надеюсь, ни при каком раскладе бы не санкционировал подобную операцию. Она, операция, предполагала пожертвовать сравнительно небольшим количеством имперских солдат, чтобы спасти жизни других солдат в длительной перспективе.

– На каких основаниях ты сделал подобные выводы, сынок?

– Боюсь, только на знании природы нашего космофлота и силе моего собственного интеллекта, сэр.

– Иными словами, ты все это придумал.

– Я ничего не могу доказать. Но разве я не прав?

Прежде, чем ответить, Краснов набил и раскурил свою трубку.

– Я говорил Питеру, что ты нужен УИБ, – сказал он. – Жаль, что он меня не послушал. Ты прав, сынок. Я хотел ввести тебя в курс событий, но теперь мне надо только рассказать подробности. Контр-адмирал Симони на самом деле действовал из ложных патриотических побуждений и считал, что это пойдет на благо Империи. Он вступил в сговор с первым помощником капитана «Бушующего» и под видом ротации десантных батальонов разместил на крейсере дублирующий экипаж. Во время планового патрулирования на корабле произошел мятеж, в результате которого лояльные Империи люди были уничтожены. Крейсер имитировал крушение и окружным путем направился в сторону Сахары. Если верить предсмертному признанию контр-адмирала, «Бушующий» должен был уничтожить двенадцать наземных объектов на поверхности Сахары, но мои аналитики считают, что ущерб мог быть гораздо больше. После выполнения полетного задания экипаж должен был увести крейсер обратно в пояс астероидов, к тому времени поисковые операции уже бы закончились, и там его разбить, пересев на резервные корабли. Членам экипажа были обещаны новые документы, значительные денежные вознаграждения, желающие могли продолжить службу под командованием Симони. Думаю, на

самом деле их бы всех оставили умирать вместе с крейсером, чтобы ликвидировать свидетелей. Но это домыслы, ибо до окончания операции ни один член экипажа не дожил. Никто не мог предположить, что «деструктор» может быть уничтожен уже в первом бою, да еще и столкнувшись с обычными истребителями. Вы, парни, спасли тысячи жизней своих братьев по оружию.

– Война продолжается, сэр, – сказал Клозе.

– Сейчас я разглашу вам секретную информацию, сынки, – сказал Краснов. – Война закончится в течение ближайших двух месяцев. Естественно, полной и безоговорочной победой имперских войск.

– Могу я задать вам вопрос, сэр? – спросил Клозе.

– Валяй, сынок.

– Почему вы с нами так откровенны, сэр? Означает ли это, что мы не вернемся с того задания, на которое вы собираетесь нас отправить?

Лицо Краснова внезапно превратилось в каменную маску.

– Я никогда не отправляю людей на задания, с которых у них нет шансов вернуться, майор, – отрезал он.

– Извините, сэр.

– Я откровенен с вами потому, что насколько я знаю младшего сына своего старого друга, он бы не остановился, пока не узнал бы фамилию виновного, а вы сами видите, насколько хорошо он соображает. Он мог бы спровоцировать большой скандал в армейских кругах, который нам совершенно не нужен, особенно сейчас. К тому же сведения, которые я собираюсь вам сообщить в самое ближайшее время, являются гораздо более секретными и вам обоим все равно предстоит дать подписку о неразглашении. Особую подписку, отличную от той, что вы давали перед зачислением вас в офицерский корпус. Вы адресуете ее императору и подпишете в моем присутствии.

Судя по всему, шансы вернуться с этого задания у нас будут, подумал Юлий. Примерно один к миллиону. Может, чуть хуже.

– Во всем этом для меня остался только один непонятный момент, сэр, – сказал Клозе. – Насколько я понимаю, штаб контр-

адмирала Симони располагается довольно далеко от Эдема. Я бы даже сказал, очень далеко. Я не верю, что у Симони были свои агенты на всех планетах Империи, и не верю, что его люди зачем-то следили за нами с Юлием, питая к нам личную неприязнь после уничтожения «деструктора». Таким образом, вопрос о том, кто были люди, напавшие на полковника Моргана в Новой Ялте, остается открытым.

– А ты тоже не дурак, сынок.

– Спасибо, сэр.

– Юлий, у тебя есть мысли о том, кто эти парни?

– Есть, сэр, но они мне не нравятся.

– Излагайте.

– Нападение произошло в тот же день, когда я встречался с Асадом Ад-Дином, помощником военного атташе планеты Хорезм. Сработано было достаточно оперативно, поэтому я могу предположить, что эти люди были местными агентами.

– Чьими агентами, сынок?

– Тут у меня есть два варианта, сэр, – вздохнул Юлий. – Даже три. Поскольку эти люди явно не собирались меня убивать, они могли преследовать разные цели. Во-первых, их мог нанять тогда еще капитан Клозе, чтобы, положив всех на мостовую, я выглядел героем в глазах девушки, с которой прогуливался. Эта версия не выдерживает критики, потому что не объясняет наличие у нападавших виброножей, кроме того, в подобную оперативность майора Клозе я не верю.

– Это был не я, честное слово, – сказал Клозе.

– Согласно второй моей версии это могли быть агенты УИБ, предпринявшие нападение с целью запугать меня и заставить отказаться от дальнейшего выяснения подробностей о «деструкторе».

– Это не я, честное слово, – сказал Краснов, подражая интонации Клозе.

– Я тоже так думаю. Хотелось бы верить, что УИБ способно действовать более тонко.

– Тогда выкладывай третью версию, сынок.

– Это могли быть люди из посольства Хорезма, и послал их сам Асад. Он знал о непричастности его планеты к истории с «Бушующим» и этим нападением мог пытаться спровоцировать меня на более активные действия, которые и могли привести к столь нежелательному для ВКС скандалу. Поэтому я отошел в сторону от расследования после встречи с капитаном Коллоджерро.

– Лживый мусульманский змей, – пробормотал Клозе. – А мне казалось, что он твой приятель.

– Приятель приятелем, а интересы родного государства превыше, – сказал Юлий. – К тому же, вряд ли мне собирались нанести несовместимый с жизнью ущерб. Я прав, сэр? Это был он?

– Увы, сынок, – сказал Краснов. – Это были люди из посольства.

– Но зачем Хорезму скандал внутри имперской армии? – изумился Клозе и добавил: – Сэр.

– Хорезм – богатая планета и важный стратегический партнер Империи, – сказал Краснов. – Но это партнерство отнюдь не означает, что он наш друг и что наши проблемы не могут пойти ему на пользу. Вы бывали на Хорезме, парни?

– Нет, но я слышал, что это достаточно неприятное место, – сказал Юлий.

– Планета богата своими ресурсами, но обладает малыми запасами площадей, пригодных для проживания, – сказал Краснов. – В течение ближайших двадцати лет жители Хорезма столкнутся с проблемой перенаселения. В то же время в их звездной системе находится еще одна планета, более подходящая для проживания, чем сам Хорезм. Проблема только в том, что ее уже заселили.

– Бигар, – сказал Юлий. – Неужели Хорезм хочет ее аннексировать?

– Хорезм вынашивает этот план около трех лет, – сказал Краснов. – Их флот превосходит флот Бигара в тринадцать с половиной раз. Они могут беспрепятственно высадить войска для наземной операции в течение семидесяти двух часов. Единственное, что их сдерживает, это близкое соседство с Империей. Мы декларируем нейтралитет, но кто знает, как поступит император в тот или иной момент?

– Вы знаете, сэр, – сказал Юлий.

– Я знаю, сынок, а вот жители Хорезма – нет. И буча внутри нашей собственной армии способна сыграть им на руку. Пока мы будем разбираться с нашими внутренними проблемами, аннексия Бигара может пройти почти незамеченной. Твой приятель Асад достаточно быстро сориентировался в ситуации и решил сыграть на ней. Вряд ли он мог что-то потерять, но приобрести для своей планеты – мог.

– Умный сукин сын, – сказал Юлий.

– Умный, – согласился Краснов. – Это политика, сынок. А в политику играют только большие и умные мальчики.

– Но большие умные мальчики выигрывают чаще, чем умные большие, – сказал Клозе.

– И закончим на этом, – сказал Краснов. – Мы обсудили дела минувших дней, и я открываю вторую часть Марлезонского балета. Поговорим о текущих проблемах. Я хотел бы объяснить вам кое-что касательно ваших новых званий. Их присвоили вам совсем не для того, чтобы заткнуть рты и похоронить историю с «деструктором». Ваши звания одновременно являются авансом тех наград, которые вы можете получить после выполнения нового задания, и условием, которое может облегчить вам выполнение самого задания. В частности, я настаивал на присвоении сыну моего друга звания полковника совсем не потому, что дружу с его отцом. Таким образом, я собираюсь поднять его авторитет при общении с гражданским персоналом.

– С гражданским персоналом? – обреченно взвыли оба пилота.

– Именно так, сынки, – ехидно улыбнулся Краснов.

Если военные не любили кого-то больше гражданских, то это были гражданские, с которыми им приходилось иметь дело по долгу службы. Гражданским нельзя приказывать. Гражданские имеют наглость оспаривать не понравившееся им решение. Гражданским нельзя пригрозить военно-полевым трибуналом и расстрелом. Их нельзя поместить в карцер, а если выбросить их за борт, придется писать целую грудку объяснительных записок.

– Я понимаю ваше неудовольствие, парни, но нам потребовались лучшие эксперты, и они, как ни странно, не служат в армии императора. Может быть, потому что раньше их дисциплины не пользовались особым спросом. Как бы то ни было, мы предложили

им офицерские погоны, они отказались, и нам пришлось с этим смириться.

– Эксперты в какой области, сэр?

– Мы как раз к этому подбираемся, – сказал Краснов. – Парни, поднимите свои задницы и разверните кресла вон к той стене. У нас тут сейчас будет небольшой киносеанс. Можете расслабиться – фильм не эротический.

При помощи вмонтированного в подлокотник пульта Краснов приглушил освещение, и одна из стен его каюты превратилась в огромный экран.

– У нас есть и голографическая запись этого события, но я не думаю, что вам захочется ее посмотреть, – сказал генерал.

Фильм занял пятнадцать минут. Краснов оказался прав оба раза: фильм был не эротический и смотреть трехмерную его версию пилоты не захотели.

– Ваше мнение? – спросил Краснов.

– Это отвратительно, – сказал Юлий. – Это ужасно и тошнотворно, сэр, но я не понимаю, какое это может иметь отношение не только к нашему будущему заданию, но и ко всему военно-космическому флоту в целом.

– А ты что думаешь, сынок?

– Я бы лучше помолчал, – сказал Клозе. – Не люблю ругаться матом в присутствии высоких чинов.

Краснов улыбнулся.

Юлий знал, насколько богат арсенал улыбок этого человека. И слово «арсенал» было именно тем самым словом.

Генерал умел улыбаться так, что его политические противники начинали трястись и пускали себе пулю в лоб, запершись в своих дорогих кабинетах. Он умел улыбаться так, что гнев грозного императора, способный снести с карты галактики пару неудобных планет, затухал, как застигнутый приливом пожар на берегу моря. Он умел улыбаться так, что высокопоставленные дамы падали в объятия этого не слишком симпатичного человека и были согласны даже на мезальянс.

Но Клозе он улыбнулся, не преследуя при этом никаких целей. Просто улыбнулся, потому что Клозе его позабавил.

– Если вы не можете сказать мне, что вы думаете, тогда просто скажите мне, что вы видели.

– Если кратко, то мы видели кучу медиков, которые препарировали какую-то отвратную на вид тварь, – сказал Юлий.

И вслух комментировали каждое свое действие, с жаром размахивая чужими кишками и залезая пальцами в чужой мозг. Фильм не показывал все стадии операции. Кое-что, к счастью, было опущено.

– Хотите знать, как эта тварь выглядела до препарирования?

– Нет, – сказал Клозе. – Но я чувствую, что от этого зрелища нам не отвертеться.

– Верно. – Краснов щелкнул пультом, и на экране появилось крупное изображение твари.

Больше всего она напоминала Юлию таракана. Тропического таракана с жестким хитиновым панцирем и сложенными вдоль него крыльями. У таракана оказалось две пары фасеточных глаз.

Крупный план таракана был отвратительным, но больше всего ужасало не это.

Тварь явно была мертва, а рядом с ее трупом лежала линейка, чтобы наблюдатель мог получить представление об истинных размерах твари. В длину она достигала около метра, в высоту была сантиметров сорок.

Тараканы до сих пор вызывают у людей инстинктивное отвращение. Но столь больших экземпляров человечество еще не встречало.

– У меня нет слов, сэр, – сказал Юлий. – Это не просто отвратительно, эта тварь одним своим видом вызывает у меня желание пойти за моим мегатапком, а потом долго блевать, а потом очень-очень долго мыться. На какой планете удалось обнаружить эту новую форму жизни?

– Вы думаете, я собираюсь отправить вас на эту планету?

– Сия неприятная мысль уже приходила в мою голову.

– Спешу тебя успокоить, сынок. С полетом на родную планету этих тварей придется подождать.

– Очень хорошо, – сказал Клозе. – А то я уже начал беспокоиться.

– Потому что мы не знаем, где она находится, – сказал Краснов.

Пилоты вежливо рассмеялись. Краснов – нет.

– Хорошая шутка, сэр, – сказал Юлий. – Если мы не знаем, где расположена планета, на которой водятся эти милые зверюшки, то где же, позвольте полюбопытствовать, вы взяли тело? Если это муляж, то я хочу узнать фамилию скульптора. Чтобы хотя бы издалека посмотреть на человека со столь извращенным воображением.

– Это не муляж, – сказал Краснов. – А тело этой милой зверюшки мы обнаружили на борту космического корабля нечеловеческой сборки, на который наткнулись в поясе астероидов во время поисков линейного крейсера «Бушующий». Это – Чужой, джентльмены.

– О...еть, – сказал Клозе.

ГЛАВА 2

Позже Клозе долго смеялся над Юлием и его концепцией о невозможности встречи человечества с представителями иной цивилизации. В этом смехе присутствовали истерические нотки. Очень много истерических ноток.

Юлий и сам смеялся над собой. Со стороны они выглядели как двое буйнопомешанных, разглядывающих комиксы.

Но – позже.

Тогда, в каюте генерала Краснова, им было не до смеха.

Корабль, в котором обнаружили труп Чужого, был небольшим одноместным судном дальнего радиуса действия. Если бы это был имперский корабль, его назвали бы разведывательным ботом. Но этот корабль не имел никакого отношения к имперским ВКС.

Юлий никогда не видел, как изнутри выглядит тараканья нора, но если бы ему сказали, что выглядит она в точности как внутренности этого корабля, он бы не удивился.

Корпус корабля был сделан из неизвестного человечеству сплава и по прочности не уступал корпусам имперских судов. Но и не сильно превосходил.

Генерал не стал показывать пилотам изображение двигателей, сказав, что с ними сейчас работают инженеры. С принципом действия разобраться им пока не удалось.

Корабль препарировали так же, как и его пилота.

– Таракан, – сказал Юлий. – Ну почему это именно таракан? Я ненавижу тараканов. Черт побери, но это же банально. Большинство фантастов изображали Чужих именно как насекомых.

– Обычно это были жуки, – сказал Клозе. – Или, в крайнем случае, пауки. До тараканов, по-моему, никто так и не додумался.

– Когда мы обнаружили корабль, он был цел и невредим. По крайней мере, насколько мы можем об этом судить. Но пилот был мертв.

– Не называйте это пилотом, сэр, – попросил Клозе. – При мысли

о том, что эта штука является моим коллегой, мне становится дурно.

– Мы не знаем, откуда он прилетел, – сказал Краснов. – Не знаем, с какими целями находился на территории, контролируемой человечеством. Полагаю, что это все-таки разведка.

– На корабле присутствовало вооружение? – спросил Юлий.

– Нечто вроде импульсной пушки.

– А личное оружие?

– Нечто вроде бластера.

– Значит, его миссия предполагала высадку на какую-либо планету, – сказал Юлий. – Иначе, зачем ему личное оружие на одноместном корабле?

– Не пытайся сообщить мне что-то новое, сынок. Лучшие умы УИБ бьются над этим уже два месяца.

– Что требуется от нас, сэр?

Краснов раскурил свою погасшую трубку.

– Полгода назад астрономы из одной из расположенных на окраине Империи лабораторий обнаружили странные возмущения пространства в секторе Гамма-Гамма-Бета-22. – Юлий подумал, что название сектора похоже на детский стишок-считалочку. – Никто точно не знает, что означают эти возмущения, но мы – УИБ – обязаны исходить из худшего.

Экран погас, вместо него посреди комнаты возникла объемная карта галактики. Область со странными возмущениями была обозначена красным цветом. Она находилась чертовски далеко от границ Империи.

– Состояние дел на полгода тому назад, – пояснил Краснов и щелкнул пультом. Изображение изменилось – красная область переместилась чуть ближе к границам Империи. Совсем ненамного, учитывая масштаб карты, но переместилась.

– Эта штука идет на нас, – заметил Клозе.

– Одна из версий, пытающихся объяснить это явление, говорит о том, что подобные возмущения в электромагнитном поле могут производить двигатели кораблей,двигающихся с релятивистской скоростью.

– Я не сильно разбираюсь в физике, но, по-моему, для этого требуется чертовски большое количество кораблей, сэр, – сказал Клозе.

– Да. Если принять за единицу измерения имперский линкор, то от двух до шести тысяч судов.

– Оху... извините, сэр, – сказал Клозе.

В имперских ВКС столько линкоров не было.

– Не извиняйся, сынок, – сказал Краснов. – Вовремя сказанное крепкое словцо способно облегчить душу. И потом, моя реакция в тот момент, когда я услышал об этой версии, не слишком отличалась от твоей.

– Но это всего лишь версия, сэр, – осторожно напомнил Юлий.

– Да, всего лишь версия, – согласился Краснов. – Это вполне может быть какая-нибудь электромагнитная буря, аномалия или еще что-то в этом роде, но я уже говорил, что мы обязаны исходить из худшего. Так что до тех пор, пока мы не докажем обратного, мы должны считать эту штуку флотом вторжения.

Юлий кивнул.

Глупо было бы предполагать, что такое количество судов летит, чтобы выпить с человечеством чая, сыграть партию в бинго и обсудить достоинства античной живописи.

УИБ предполагало худшее и было право. Речь шла уже не только о безопасности Империи, но о безопасности всего человечества.

– Вы как-то связываете этот флот с тем кораблем, который был обнаружен в поясе астероидов?

– Да. Это может быть случайно, но и то и другое было обнаружено в один промежуток времени.

Верно. Полгода по меркам галактики – один миг.

– Извините, но это очень хрупкая связь.

– Вы и сделаете ее прочнее, – сказал Краснов. – Или разрушите ее к черту. Если эта хрень не изменит ни своей скорости, ни направления, она достигнет границ Империи примерно через год. Скорость приближения к нам этой хрени чуть меньше скорости света. Вы же можете смотреть туда и обратно в течение четырех месяцев.

Я дам вам самый быстрый корабль, созданный руками человека.

Вот мы и добрались до целей задания, подумал Юлий. Все оказалось куда круче, чем он ожидал. Чем он мог даже подумать.

– Вы отправитесь туда и выясните, что это такое, – сказал Краснов. – И дай бог, чтобы это оказался какой-нибудь местный феномен, а не чужой флот. Но если это все-таки флот, то вам придется сделать еще кое-что.

До этого момента все звучало неплохо. Слетать туда-сюда и осмотреться. Юлий знал, что так просто у УИБ ничего не бывает.

Уж не прикажут ли им вступить в первый контакт?

– Если это все-таки окажется флот, что, согласен с вами, маловероятно, но возможно, то вам следует оценить технические характеристики его кораблей, численность и тактическое взаимодействие. А для этого вам придется навязать им бой.

– Простите, сэр, но разумно ли это? А что, если они летят сюда с мирными целями?

– Тогда один корабль вряд ли сможет спровоцировать масштабную агрессию, – сказал Краснов. – А в случае чего мы вас расстреляем и выдадим им ваши тела. Или просто выдадим им, а они сами пусть делают с вами все, что захотят.

Краснов явно не шутил.

– Бой может сказать нам многое о потенциальном враге, – сказал Краснов. – С вами будет гражданский персонал – трое ученых. Доктор Джей Остин, ксенобиолог и ксенопсихолог, доктор Алан Мартин, астрофизик, и профессор Георгий Снегов, специалист-конструктор в области кораблестроения.

– Ксенобиолог? Сэр, уж не хотите ли вы, чтобы мы привезли вам живой образец?

– Если случай подвернется, – сказал Краснов. – Ваша главная цель – просто вернуться с полученной информацией.

– Сэр, у меня есть еще вопрос, – сказал Юлий. – Почему вы выбрали именно нас двоих?

– Корабль рассчитан на десять человек. Учитывая дальность полета и наличие на борту оборудования троих ученых, места на

корабле хватит только для пятерых. Нам нужны были два пилота.

– Со всем уважением, но это не ответ, сэр.

– Нам нужны были два пилота класса «Омега». Два пилота, достаточно притертых друг к другу, чтобы провести в замкнутом пространстве четыре месяца. И, кроме того, нам нужны были два везучих пилота, ибо удача является непременным условием успеха подобного дела. А я должен признать, что вы оба – везучие сукины дети.

– Служу Империи, сэр, – простонал Юлий.

Они вернулись в каюту Юлия.

– Нам кранты, – сказал Юлий. – Из этого похода мы не вернемся.

– Верно, – сказал Клозе. – Но какой головокружительный взлет карьеры, черт побери! Мне двадцать три, а я уже майор! Держу пари, на данный момент я являюсь самым молодым майором во всех ВКС!

– Чему ты радуешься? – спросил Юлий. – Твое повышенное жалованье направят твоей семье вместе с извещением о смерти. Хотя нет. Мы с тобой пропадем без вести. Официальная версия будет именно такова.

– Я знал, что надо держаться к тебе поближе, – сказал Клозе. – Знал, что рядом с тобой моя карьера пойдет в гору.

– Я позабочусь о том, чтобы посмертно тебе присвоили полковника, – пообещал Юлий. – Даже папу подключу, если необходимость возникнет. Займусь этим, как только мы ступим на «Наполеон», с борта которого начнется наш последний полет. А то могу и не успеть. Я ведь с тобой вместе помру.

– Что мне нравится в вас, граф, так это ваш неисправимый оптимизм.

– Оптимисты – это скептики под кайфом.

– А реалисты – это оптимисты с похмелья, – сказал Клозе.

– Жизнь – дерьмо.

– А мы в нем плаваем.

– Иногда даже вынуждены нырять.

– Слушай, – Клозе стал серьезен, – я не хотел беречь твои раны и все такое, но раз уж ситуация складывается таким образом... В общем, я к ней ходил.

– К кому?

– К Изабелле.

– Зачем? – встрепенулся Юлий.

– Чтобы поговорить. Я просил ее прийти в отель и самой объяснить тебе причины ее странного поведения.

– Она не пришла.

– Полагаю, это могло случиться, потому что на следующий день нас выдернули с планеты. Я был у нее только вчера.

– Ненавижу армию, – сказал Юлий. – Как она тебе?

– Армия?

– Изабелла.

– Ничего, – сказал Клозе.

– И это все, что ты можешь о ней сказать? Об этой богине, осенившей своим присутствием нашу грешную землю?

– Эк тебя плющит, болезного, – сказал Клозе. – Не сомневаюсь, что, если бы сейчас я выдал в ее адрес хотя бы один комплимент, ты бы бросился на меня с кулаками.

– Я не дерусь с теми, кто заведомо слабее меня.

– Ха!

– Вижу, что знакомство с сержантом не прошло бесследно и для тебя.

– Хо!

– Это уже что-то новое. Долго вы с ней говорили?

– Да вы прямо-таки мавр, граф.

– А вы – старый сводник, барон.

– Никакой я не старый, – запротестовал Клозе.

Несмотря на угрозу скорой смерти, Юлию стало чуть легче на душе. Им предстояло опасное боевое задание, а это значит, что

следующие недели он будет сильно занят и это позволит ему хотя бы на время отвлечься от мыслей об Изабелле. А потом, кто знает? Может, ему повезет – его убьют и ему вообще не придется о ней думать.

ГЛАВА 3

В полете Клозе решил следовать старому обычаю космонавтов дальней разведки и перестал бриться. За полтора месяца у него отросла солидная рыжая борода, и он стал напоминать Юлию викинга из исторической реконструкции. Не хватало только рогатого шлема и большого обоюдоострого топора.

На решение Клозе отпустить бороду не могли повлиять ни заявления Юлия, что с бородой Клозе выглядит смешно, ни присутствие на борту женщины.

Женщина на борту дальнего разведчика – явление настолько удивительное и редкое, что у ВКС и примет на такой случай не оказалось. На больших боевых кораблях женщины присутствовали в качестве членов экипажа или обслуживающего персонала, и там с этим свыклись, но в дальнюю разведку женщин раньше не брали.

Никогда.

Первопроходчицей оказалась доктор Джей Остин, ксенобиолог. Она принадлежала к той породе заумных и некрасивых женщин, которых Клозе терпеть не мог. Поэтому он все время провоцировал ее, обращаясь к ней не иначе как «мэм».

Впрочем, Алана Мартина он звал «доком», а Георгия Снегова – «профом», что тоже не приводило ученых-мужчин в дикий восторг.

Уже полтора месяца все пятеро ютились на борту имперского разведбота дальнего радиуса действия «Одиссей». Это был маленький корабль, добрую половину которого занимал ходовой реактор и двигательный отсек. Вооружение кораблей такого класса было минимальным – пара пушек и несколько торпед. Основная ставка делалась на скорость и маневренность.

Правда, на судне Юлия с оружием дела обстояли получше. Для разведки боем на корабль установили вспомогательные огневые системы, что еще в два раза уменьшило жилое пространство разведбота.

Капитанская каюта была похожа на шкаф. Лежа на койке, Юлий мог дотянуться рукой до любой стены и лишь чуть-чуть не доставал до потолка. Остальные каюты были еще миниатюрнее, поэтому

пассажиры старались большую часть времени проводить в кают-компании. Они проводили бы там и все время, если бы не Клозе.

В принципе, второй пилот «Одиссея» вел себя нормально... для Клозе. Просто, в отличие от Юлия, успевшего привыкнуть к стилю поведения барона и порой ведущего себя ничуть не лучше, ученые никак не могли адаптироваться к постоянным провокациям и сугубо военным шуткам.

Большую часть полетного времени Юлий проводил в кресле первого пилота, рассчитывая траектории для гиперпрыжков, поэтому Клозе обладал полной свободой действий в плане общения с гражданским персоналом. И пользовался этой свободой напропалую.

Вот и сейчас Юлий только что вошел в кают-компанию, чтобы принять участие в таком важном мероприятии, как ужин, и застал разглагольствующего Клозе на окончании какой-то гневной тирады. На этот раз объектом нападения оказалась доктор Остин.

– Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать выводы, что алхимия, френология и ксенопсихология являются лженауками. – Клозе завершил длинный монолог. Юлий ничуть не жалел, что не успел к его началу.

– Вы ошибаетесь, Генрих, – сказала доктор Остин. Клозе терпеть не мог, когда его зовут по имени. Наверное, доктор об этом знала. – Ксенопсихология является весьма уважаемой наукой и существует уже больше двухсот лет.

– Алхимия тоже существует достаточно долго, – сказал Клозе. – Но никто не называет ее наукой. Я еще могу понять ксенобиологию – мы встретили много чужих видов жизни. Но ксенопсихология изучает то, чего нет, ибо все эти чужие виды жизни – неразумны.

– Ксенопсихология занимается построением теоретических моделей поведения инопланетных цивилизаций.

– Это все равно, как если бы строительство лодки доверили человеку, который никогда не видел воды.

– Ваша аналогия неуместна.

– Человек, который никогда не видел воды, не может построить ничего в принципе, – вмешался Снегов. – Потому что он умер от жажды. Еще в детстве.

– Хм, – задумался Клозе. – А ведь верно.

– Так его, Георгий, – одобрил Юлий профессора. – Все его построения гроша ломаного не стоят, потому что они абсолютно лишены логики.

Юлий взял в автоподатчике свою порцию того, что условно можно было называть «едой». Сегодня кто-то попытался заставить автоповара сотворить рагу. Но единственное блюдо, которое автоповар хорошо умел готовить, – это тосты.

К сожалению, корабль был слишком мал, и нормальный камбуз на нем просто не поместился.

– И ты, Брут, – возмутился Клозе. – Не ожидал.

– Сюрприз. Кроме того, я – не Брут. Я – Юлий.

– А вы знаете, что Брутов было двое? – спросил Снегов. – Марк Юний Брут и Децим Юний Альбин Брут. Оба были военачальниками и оба участвовали в заговорах против Цезаря. Первый – более удачно.

– Они были родственниками? – поинтересовался Клозе.

– Полагаю, что да.

– Георгий, я редко могу составить вам компанию и не хотел бы терять время на обсуждение древней истории, особенно когда у нас есть проблемы поважнее, – сказал Юлий. – Расскажите лучше, что вы думаете о корабле Чужих.

– Чужой – это старый эпитет для обозначения представителей иной разумной жизни, и он носит явный негативный оттенок, – заявила доктор Остин. – Лучше использовать термин «братья по разуму».

– Лично я никогда не признаю таракана-акселерата своим братом по разуму, – сказал Клозе.

– Я не думаю, что они произошли от тараканов.

– Мне плевать, от кого они произошли. Главное, что они выглядят как самые натуральные тараканы. И вы никогда меня не заставите назвать эту тварь «братом».

– Похоже, что у них разума куда больше, чем у вас, Генрих.

– Туше, мэм, – сказал Клозе. – Одно очко в вашу пользу.

– Не обращайтесь на них внимания, Георгий, – сказал Юлий. – Капитана вашего судна интересует корабль чужих братьев по разуму.

– Чужие братья по разуму – это куда лучше, – признал Клозе. – Главное, что не мои.

– Второй пилот, окажите любезность капитану и заткнитесь.

– Есть, сэр.

– Самый важный момент – на корабле отсутствует гипердвигатель, – сказал Снегов. – Корабль может двигаться на скорости, близкой к скорости света, но совершить гиперпространственный прыжок он не способен. Скорее всего, они не открыли гиперпространство. Это очень важно для нас, потому что в таком случае мы имеем явное преимущество в скорости.

– Скорость – это еще не все, – сказал Клозе. – Решающим фактором любой космической битвы является огневая мощь. Мы можем напасть на их флот и отскочить на скорости, в которой мы имеем преимущество, но свои планеты с их пути мы убрать не в состоянии. А эвакуировать сорок восемь миллиардов человек – задача несколько трудновыполнимая. И потом – куда?

– Верно, – сказал Снегов. – Технологическое превосходство не имеет решающего значения при тотальном численном перевесе противника. Если, конечно, это не превосходство в несколько порядков.

– Но такого превосходства у нас нет? – уточнил Юлий. В принципе он это знал и раньше, их с Клозе очень долго вводили в курс дела, но мнение профессора было ему интересно. Вдруг оно окажется более оптимистичным.

– Нет. Уровень технологий чуть ниже, но очень близок к имперскому. Если они стоят с нами не на одной ступени, то на соседней.

Клозе опять заржал.

– У меня есть один знакомый, – объявил он, – который перечислил мне три фактора, делающих невозможными звездные войны. Первый – пришельцев нет в принципе. Второй – если они есть, то мы не совпадаем с ними в пространстве и во времени. Третий – если они есть, и мы совпадаем с ними и в пространстве и во времени, то должен не совпадать уровень нашего развития.

– Очень разумный знакомый, – сказал Снегов. – Все так и есть, и я даже могу назвать вам четвертый фактор – совсем необязательно, что пришельцы будут агрессивно настроены. Это называется законом больших чисел. Вселенная – достаточно большая штука, знаете ли. Если там, куда мы летим, мы на самом деле встретим флот вторжения Чужих, можете считать, что нам феноменально, катастрофически не повезло. Кто этот ваш знакомый? Я был бы не прочь с ним побеседовать.

– Мы уже беседуем, – сказал Юлий. – Это я. Признаю, я облажался, и мой чертов второй пилот не забудет мне этого до конца жизни.

– А ты больше не строй из себя пророка, капитан.

– Ваш друг скор на язык и неводержан в своих суждениях, – сказал Снегов. – И как вы его терпите?

– Мы – не друзья, – отрезал Клозе. – И потом, он сам такой. Только сейчас он не может быть полностью таким, потому что на него давит бремя капитанской ответственности. А на меня не давит.

– Что это значит, вы – не друзья? – удивился Снегов.

– То и значит, – сказал Клозе.

– Позвольте, но я читал ваши досье...

– Что?! – возопил Клозе. – Вы читали наши досье?

– Конечно. Должен же я знать, кому вверяю свою жизнь и безопасность. К тому же, вы наверняка читали мое личное дело.

– Бегло пролистывал. Оно слишком длинное.

– Ваше ничуть не короче.

– Он читал мое досье! – воскликнул Клозе. – Читал досье! Гражданский!

– У меня, как вы понимаете, есть допуск и к более секретной информации. У всех нас он есть.

– Невероятно, – сказал Клозе. – Уму непостижимо. Империи угрожает нашествие гигантских тараканов. Гражданские читают досье военных. Куда катится этот мир?

– Вы не пробовали свои силы в театре, Генрих? –

поинтересовалась доктор Остин.

– Только в цирке, мэм.

– Вы были клоуном, разумеется?

– Нет, дрессированным тюленем.

– Это очень похожие амплуа.

– Детский сад, – сказал Юлий. – Первый в моей жизни корабль, а я командую детским садом. Вот что действительно уму непостижимо.

– Так вот, я читал ваши досье. – Сбить Снегова с мысли казалось делом невозможным. – Вы служите вместе более трех лет. Вы вместе летаете в боевые рейды. Вы вместе сидите на гауптвахте, вместе проводите свой отпуск. А когда один из вас потерял истребитель в бою, второй вернулся за ним.

– Это была ошибка, о которой я жалею до сих пор, – признался Юлий. – Мне следовало оставить его на болоте. Если бы повстанцы его подобрали, война на Сахаре уже давно закончилась бы. Он развалил бы их структуру изнутри. Задемагогировал бы их до смерти.

– Вас двоих послали в дальний поход, требующий от пилотов слаженности и психологической совместимости. И после всего этого вы утверждаете, что вы – не друзья? Кто же вы тогда? Любовники?

– Чур меня, – сказал Клозе. – Я гетеросексуален и крайне этим горд. А если бы я был чуть постарше, проф, то за такое предположение обязательно вызвал бы вас на дуэль и пронзил бы чем-нибудь острым и железным.

– Едва ли. Я не дворянин... Генрих.

– А я всего лишь барон. Мою честь таким поединком не запятнать.

– Я должен заметить, что у вас очень странные взаимоотношения, молодые люди, – сказал Снегов.

– Они основаны на взаимной ненависти, – объяснил Клозе. – Мы настолько ненавидим друг друга, что боимся, как бы одного из нас не ухлопал кто-нибудь посторонний. Это было бы несправедливо по отношению к оставшемуся.

– Довольно точное определение, – признал Юлий. – А что-нибудь еще любопытное в чужом корабле было?

– В корабле – вряд ли. Кое-что любопытное было в самом пришельце, – сказал Снегов.

– Опаньки, – сказал Клозе. – Что именно, проф?

– Я не специалист и попрошу доктора Остин поправить меня, если я ошибаюсь, но у обнаруженного нами существа слишком маленький объем мозга, чтобы он мог вместить в себя разум, подобный человеческому.

– Это хорошо, – сказал Клозе. – Я даже думать не хочу, что мой разум может быть подобен разуму таракана. Но что это значит?

– Мы столкнулись с другой формой жизни, – сказала доктор Остин. – Мне, как ученому, сложно судить о степени разумности данного индивидуума, имея на руках лишь его труп. Мы не можем судить, какой должен быть объем мозга разумного существа, используя для сбора статистических данных лишь пример человека.

– Лично я думаю, что этот Чужой был ограниченно разумен, – сказал Снегов. – И мог выполнять только определенные функции или, если хотите, записанную в его мозге программу. Я думаю, что их цивилизация делится на классы и подобна общественному устройству обычных земных муравьев. Класс рабочих, класс воинов, класс инженеров, класс производителей...

Юлий немного подумал и решил, что эта теория ему не нравится.

– Эта теория мне не нравится, – сказал он. – И я готов объяснить, почему. Ограниченно разумные существа не строят космических кораблей. А для поддержания среднего интеллектуального уровня цивилизации, в которой существуют ограниченно разумные представители, в этой самой цивилизации должны присутствовать и сверхразумные существа. А это означает, что если вы, Георгий, вне всякого сомнения, очень умный человек и разумнее Чужого пилота в несколько раз, то эти сверхразумные твари в несколько раз разумнее вас. И это мне категорически не нравится.

– Мне тоже, – сказал Клозе. – Таракан не должен быть разумнее человека. А если он и может быть разумнее, то он должен быть такого размера, чтобы я мог доказать свое интеллектуальное превосходство при помощи тапка.

– Доктор Остин, имеет ли теория профессора право на жизнь? Могут ли виды, подобные земным муравьям, эволюционировать

настолько, чтобы достичь уровня космических полетов?

– Точно сказать трудно. Земные муравьи точно не могут. Им элементарно не позволит их размер. В мозге размером с булавочное острие разум уж точно не появится.

– А в этот момент муравьи сидели под землей, пили пиво, травили анекдоты и рассуждали, может ли разум зародиться в мозгу у примата, – сказал Клозе.

– Остроумная версия, – одобрил Снегов. – В сущности, что мы знаем о муравьях?

– Вы, может быть, чего-то и не знаете, а я знаю все! – отрезала доктор Остин, и Юлий окончательно решил, что профессор ему нравится.

– Подведем итоги, – предложил Клозе. – Чужой – это омерзительная белковая кислорододышащая тварь, возможно разумная, возможно не очень, которая похожа на таракана и умеет летать в космосе. При одном взгляде на нее меня тошнит, а мы летим навстречу, возможно, миллиону таких тварей. Удивительно радостная перспектива.

– Я против использования таких слов, как «омерзительная» и «тварь» по отношению к этим существам, – сказала доктор Остин, и Юлий окончательно решил, что она ему не очень нравится.

Он не мог составить определенного мнения только об Алане Мартине, астрофизике. Тот почти всегда составлял им компанию во время приема пищи, но большую часть времени молчал.

– Выбор слов в частных разговорах, имеющих место в мое свободное время, я всегда оставляю за собой, – отрезал Клозе. – И если там, куда мы летим, действительно полно этих тварей, то, скажу честно, я предпочел бы воевать с ними, а не вести переговоры и гулять под луной. Человечество никогда не уживется с такой мерзостью в одной галактике.

– Нельзя судить только по их внешнему виду. Кстати, У меня он не вызывает столь неприятных эмоций.

– Бывают извращения и похуже, – сказал Клозе. – Давайте проведем небольшой эксперимент. Нас здесь пять человек, и пусть каждый скажет, нравится ему внешний вид этих тараканов или не нравится. Только честно. Мое мнение вы знаете. Капитан, ваше

слово.

– Они отвратительны, – сказал Юлий. – Я понимаю, это антропоцентризм, но ничего не могу с собой сделать. Полагаю, они еще и воняют.

– Ясно, – сказал Клозе. – Мэм, вы желаете что-нибудь добавить к своему мнению?

– Я только повторю, что мне они не неприятны, и я готова начать с ними диалог.

– Диалог с тараканами, – сказал Клозе. – Проф, ваше слово.

– Мне жаль противоречить доктору Остин, но я скорее соглашусь с капитаном, – сказал Снегов. – Вот если бы это были какие-нибудь бабочки или стрекозы... Но тараканы... Брр...

– Док? – позвал Клозе.

Астрофизик вздрогнул, оторвался от созерцания своей пустой тарелки и поднял глаза на присутствующих.

– Скорее да, чем нет. Они довольно неприятны. Но я считаю, что одного этого мало, чтобы начать с ними войну.

– Мне тоже жаль, что военные обнаружили их первыми, – сказала доктор Остин. – Наши ВКС вообще, и УИБ в частности, очень агрессивно настроены.

– УИБ не является частью ВКС, – сказал Клозе.

– Мы настроены не агрессивно, а осторожно, – сказал Юлий. – Мы обнаружили чужое присутствие на своей территории. Пусть это был один небольшой корабль, но он был вооружен и не собирался обнаруживать себя. Что это, если не разведка? А теперь к границам нашей территории, вполне возможно, двигается флот, в полтора раза больший, чем флот Империи. Мы просто обязаны исходить из того факта, что это начало вторжения. Иначе нас следует назвать предателями интересов человечества. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Зря вы расписываетесь за все человечество, капитан, – отрезала ксенобиолог.

Генерал Краснов ошибся. Звание полковника не вызывало у ученых совершенно никакого уважения. Может быть, все дело в том,

что я слишком молод, подумал Юлий. Если бы генерал отправился сам...

То ничего бы не изменилось. Эти трое гражданских экспертов побаивались репутации Краснова, но и только. На борту «Наполеона» они имели смелость даже препираться с ним и вступали в полемику по любому пустяковому поводу. Лучше других вел себя только Снегов. Лучше, но ненамного.

– Может быть, я не прав, мэм, – сказал Юлий. – Видит Бог, мне очень хотелось бы ошибаться.

Юлия разбудил осторожный стук в дверь.

Поскольку помещения маленького суденышка не запирались изнутри, это был явно не Клозе. Тот открывал все двери ногами.

Значит, кто-то из пассажиров. Какого лешего им не спится?

– Войдите, – сказал Юлий, накидывая халат.

– Я вас не разбудил? – поинтересовался Снегов с порога. Входить по большому счету было некуда.

– Разбудили, Георгий, – сказал Юлий. – Но ничего страшного в этом нет. Я не люблю спать. Сон – это бессознательное состояние, которое отнимает у меня время и приближает к смерти. Что-то случилось?

– Нет-нет, я просто хотел бы с вами поговорить.

– Здесь слишком тесно, – сказал Юлий.

– В кают-компании сидит ваш д... второй пилот. А мне хотелось бы разговора тет-а-тет.

– Пойдемте в пилотскую кабину, – предложил Юлий.

В кабине Юлий сел в свое кресло, а Снегов устроился в кресле второго пилота. Особого любопытства к внутреннему убранству кабины пилотов эксперт по космическим кораблям не выказал.

Наверное, и не в таких доводилось сживать.

– Вас что-то беспокоит, Георгий?

– Честно говоря, меня беспокоит многое. Аналитики и привлеченные к этому делу независимые эксперты высказывали

разные версии происхождения этих чертовых возмущений, но, мне кажется, делали это только для того, чтобы лишний раз продемонстрировать остальным уровень своего интеллекта. Девяносто процентов за то, что эти возмущения вызваны большим количеством кораблей,двигающихся с релятивистскими скоростями.

– Значит, это все-таки флот?

– Думаю, что так. Очень большой флот.

– Но это ведь необязательно флот вторжения, – сказал Юлий.

– Необязательно, – согласился Снегов. – Мы не можем ничего сказать с уверенностью, ибо столкнулись с чужой формой разума. Мы не в силах понять мотивы их действий, ибо мы их еще даже не видели. Но, подумайте сами, дипломатическая миссия не требует такого количества кораблей.

– Может быть, с их точки зрения, очень даже требует.

– А как вы сами думаете?

– Я, наверное, антропоцентрист. Я рассуждаю с человеческой точки зрения. Это война.

– Я знаю, почему я здесь. Наш корабль готовится вступить с Чужими в огневой контакт. А я должен сделать выводы о характеристиках их кораблей.

– Сначала мы должны просто позволить им себя обнаружить, – сказал Юлий. – Остальное – по обстоятельствам.

«Одиссей» отправился в поход с борта дредноута «Наполеон», расположившегося на самой границе Человеческой Империи. Туда он и должен был вернуться по окончании полета. Контр-адмирал Руис, на время попавший в прямое подчинение УИБ, был полностью в курсе целей их задания. Экипаж дредноута – нет.

Для всех непосвященных они совершали обычный разведывательный полет.

Юлий не знал, сколько еще кораблей стартовали с «Наполеона» с аналогичным заданием. Он задавал этот вопрос Краснову, и тот ответил, что «Одиссей» – единственный.

Юлий в это не верил. Ситуация была слишком сложной, чтобы поставить исход разведки в зависимость от одного судна. Но Краснов

утверждал, что он не верит в разделение ответственности. Он заявил, что при отправке нескольких кораблей их экипажи могут понадеяться друг на друга, в результате чего цели задания не будут достигнуты.

Юлий полагал, что Краснов врет.

– Но вы полагаете, что огневого контакта не будет? – уточнил Снегов.

– Я не знаю, – сказал Юлий. – Я, конечно, военный, но я не люблю воевать. Может, они нас обнаружат и просто пролетят мимо. А может, нам придется пухнуть в них торпедой, чтобы они нас обнаружили. Такого варианта развития событий мне хотелось бы избежать.

– Вы – очень редкий военный, – сказал Снегов. – Не в том смысле, что не любите воевать, но в том, что вам уже доводилось. В последние двадцать лет в боевых действиях участвовало не более одного процента имперских военнослужащих. Но я думаю, что эта ситуация, к сожалению, скоро изменится.

– Вот как?

– Вы не все знаете, – сказал Снегов. – Корабль Чужих был обнаружен в поясе астероидов во время поисков линейного крейсера «Бушующий».

– Это я знаю.

– Но, как вы думаете, почему контр-адмирал Симони, инициатор «потери» корабля, решил, что крейсер должен «пропасть» именно там?

– Потому что это наиболее удобное место в зоне ответственности самого Симони.

– И потому что за последние пятнадцать лет там пропало уже восемь военных кораблей. Ни одного крейсера, конечно, и вся информация была тщательно засекречена, а потери списывались во всей Империи, но...

– А откуда вы об этом знаете, Георгий? И откуда у вас доступ к информации, которая недоступна мне?

– Я много лет дружу с генералом Красновым и являюсь внештатным аналитиком УИБ.

– Почему Краснов мне ничего об этом не сказал? О других пропажах?

– Я вам говорю. Неужели вы думаете, что я это делаю вопреки воле генерала?

– Вряд ли, – сказал Юлий. Но Снегов мог бы предоставить ему всю информацию и пораньше, не за считанные дни до первого контакта. – Хотя бы один из пропавших кораблей нашли?

– Нет.

– Вы думаете, что это проявление агрессии Чужих? – Восемь пропавших кораблей за пятнадцать лет – это больше половины всех потерь ВКС, считая и локальный конфликт на Сахаре. Статистическим скачком такое явно не объяснишь.

– А на что это еще похоже?

– Может, они нас просто изучали.

– Вам самому хочется стать объектом такого изучения?

– Нет. А зачем вы мне все это говорите? И почему именно сейчас?

– Сколько у нас времени до прибытия в расчетную зону?

– Два дня. Чуть меньше.

– Не рискуйте лишний раз, капитан.

– У меня есть план полета, Георгий. Я могу действовать только в его рамках.

– Я понимаю. Но наша основная цель – вернуться.

– Я помню. Вам страшно, Георгий?

– А вам разве нет?

– Страшно, – сказал Юлий. – Я вообще-то по жизни трус.

– По вашему послужному списку заметить это довольно трудно.

– Прочитав мой послужной список, вы боитесь, что я, сломя голову, брошусь в бой? В безнадежный бой с превосходящими силами противника?

– Нет. Я просто не хочу, чтобы вы слишком увлекались.

– Мы вернемся, Георгий, – сказал Юлий. – Я вам это обещаю.

Он был бы рад, если бы был твердо уверен, что способен сдержать свое обещание.

Юлий был убежден, что, как только Снегов покинет пилотскую кабину, его место тут же займет Клозе. Так и случилось.

– Наобщались, полуночники?

– Ага.

– Чего он хотел?

– Очевидного, – сказал Юлий и вкратце изложил Клозе историю с восемью пропавшими кораблями.

Клозе присвистнул.

– И до полета нам ничего не сказали?

– Поблагодари Снегова, что мы узнали об этом хотя бы сейчас.

– Обязательно поблагодарю, – сказал Клозе. – Ситуация становится все более веселой с каждой новой минутой полета.

– Ага.

– Думаешь, будет война?

– Скорее всего.

– Таких войн у нас еще не было. По сравнению с ней даже война за основание Империи покажется детской ссорой в песочнице.

– Да.

– Ты удивительно немногословен сегодня.

– Угу.

– Но ведь не исключена возможность ошибки. Может быть, там вообще нет никаких кораблей.

– Может.

– А может быть, они летят с мирными целями.

– Может.

– Как ты в целом, капитан?

– Нормально.

– Эта война оправдывает наше пребывание в армии.

– Эта война может стать для нас последней.

– Брось. Таракан, какой бы здоровый и умный он ни был, не сможет победить человека. Человек – это звучит гордо. А таракан – это звучит мерзко.

– УИБ так и не придумало пришельцам официального названия.

– Неудивительно. Кстати, ты знаешь, что на корабле Чужих не нашли средств связи. Даже ничего похожего. Что ты об этом думаешь? – сказал Клозе.

– Это же очевидно, – сказал Юлий. – Единственным известным нам средством связи, способным опередить корабль, движущийся с релятивистскими скоростями, является гиперсвязь. Но теория гиперполей им, судя по всему, неизвестна. А это значит, что самым быстрым средством доставки информации для них являются сами их корабли.

– Или они телепаты.

– Я не верю в телепатию на такие расстояния.

– Ты вообще ни во что не веришь, – сказал Клозе.

– Это не ваше дело, второй пилот.

– Слушаюсь, командир.

ГЛАВА 4

Насколько было известно человечеству на данный момент, скорость света[9] являлась предельной скоростью распространения физических воздействий по Вселенной. У Империи, самой технологически продвинутой части человечества, не существовало кораблей, способных превысить скорость света, но в то же время имперские суда могли путешествовать от планеты к планете быстрее, чем свет.

Но для этого кораблям приходилось покидать трехмерное пространство.

Для этого был даже придуман специальный термин – «гиперпереход».

Корабль мог выйти в гиперпространство только при достижении определенной скорости, близкой к скорости света. Когда корабль достигал этой скорости, пилот, помимо основной тяги, включал гипердвигатель, и судно покидало трехмерное пространство, чтобы снова появиться в нем в расчетной точке, преодолев значительное расстояние.

Для наблюдателя, не покидающего трехмерное пространство, время отсутствия корабля исчислялось несколькими секундами.

Время нахождения корабля в гиперпространстве лимитировалось самими законами физики. Если лимит бывал превышен, корабль не возвращался.

Минимальное время между гиперпространственными прыжками составляло от шести до двенадцати часов в зависимости от многих факторов. Столько времени требовалось пилоту и корабельному компьютеру, чтобы стабилизировать скорость и рассчитать траекторию следующего гиперперехода.

План, разработанный УИБ совместно с ВКС, был достаточно прост. «Одиссею» нужно было вынырнуть из гипера так, чтобы интересующая их область оказалась между «Одиссеем» и Империей, двигаться с ней параллельным курсом, придерживаясь той же скорости, и провести исследования. И если объектом исследований

окажется флот Чужих, позволить таковому себя обнаружить.

Дальше надо было действовать по ситуации.

Это означало, что с момента обнаружения «Одиссея» Чужими и до возвращения разведбота на «Наполеон» вся ответственность за принятие решений падала на хрупкие плечи полковника Моргана.

– Три, два, один. Бинго! – провозгласил Юлий.

«Одиссей» вывалился в трехмерное пространство в расчетной точке.

Как обычно, после прыжка, у Юлия ушла пара секунд, чтобы снова обрести контроль над своим телом. Период адаптации был у каждого свой, но в пилоты не брали людей, у которых он занимал более трех секунд.

Пока Юлий обозревал пилотскую кабину еще расфокусированным зрением, Клозе уже был у мониторов и регулировал настройки. Его период адаптации был немногим меньше секунды.

Ученые приходили в чувство в своих каютах. Потенциальных пилотов среди них не было.

Больше всего времени требовалось Снегову – почти минута. Впрочем, это было связано с его возрастом. Доктор Остин обходилась двадцатью секундами, доктор Мартин – двенадцатью.

– Офигеть, – сказал Клозе.

Юлий мотнул головой, как выбравшийся из воды пес, и тоже посмотрел на монитор.

– Офигеть, – согласился он.

Худшие мысли УИБ, из которых оно просто обязано было исходить, получили реальное подтверждение.

Вне всякого сомнения, это был Чужой флот.

Очень большой флот. И он явно не имел ничего общего с человеческим флотом.

Корабли имперских ВКС имели разную форму. Цилиндрические крейсера, усеченные пирамиды дредноутов, почти идеальные кубы

мониторов. Все корабли Чужих были шарообразными.

Средний корабль Чужих был размером с три дредноута, самого большого имперского судна.

Кораблей было много. Уже через десять секунд наблюдения бортовой компьютер выдал их точное количество – три тысячи двести сорок две штуки. С «Одиссея» флот Чужих выглядел как целая галактика.

– Если они дерутся хотя бы вполтину хуже, чем смотрятся, нам конец, – сказал Клозе.

– Да, выглядят они довольно внушительно, – признал Юлий.

Между двумя каютами «Одиссея» была снесена перегородка. Получившееся в результате этого помещение занимала аппаратура доктора Мартина. Что он собирался изучать при помощи такого количества приборов, Юлий не понимал.

Доктора Мартин и Остин расположились среди груд этого оборудования, и было видно, что они не покинут своего наблюдательного поста даже в случае боевой тревоги. Снегов напросился в кабину пилотов, утверждая, что для его исследований хватит и стандартного обзорного монитора, и Клозе уступил ему свое место.

– Что скажете, Георгий? – спросил Юлий, когда Снегов устроился в кресле Клозе.

– Они большие и круглые, – сказал Снегов. – Пока они не начнут маневрировать, больше я ничего не могу сказать. Они вращаются вокруг своей оси, создавая искусственную гравитацию. Значит, генераторов гравитации, подобных нашим, у них нет.

– Технологическое превосходство снова за нами, – сказал Юлий.

– Пока мы не видим ничего, что способно опровергнуть это утверждение. Но их много.

– Их чертовски много, Георгий.

Юлию хотелось курить.

Устав космофлота запрещал курение на малых военных кораблях. На крупных можно было курить только в специально отведенных для этого местах.

Желание было не физическим – таблетки, которые принимал Юлий во время всего полета, хорошо справлялись со своей функцией. У Юлия была припасена одна сигара – в нарушение устава и в поддержание флотских традиций капитан должен выкурить ее после успешного выполнения задания. Юлий мечтал именно об этой сигаре. Но до успешного завершения было слишком далеко.

Все самое интересное только начиналось.

– Ну? – сказал Клозе, входя в кабину пилотов.

Они с флотом Чужих шли параллельным курсом уже больше сорока минут. Внимания на них обращали не больше, чем на песчинку во время бури в пустыне.

– Гну, – сказал Юлий.

– Нас игнорируют, – сказал Снегов. – Или просто не видят.

– Как бы я хотел, чтобы вы были правы, – сказал Клозе.

– Надо было вынырнуть перед ними, а не сзади, – сказал Юлий. – Тогда бы они нас точно заметили.

– Я не желаю изображать мишень для трех тысяч двухсот сорока двух кораблей тараканов, – заявил Клозе.

– Успокойся, ты уже это делаешь.

– В таком случае как же я могу успокоиться?

– Например, ты можешь закрыться в гальюне с номером «Плейбоя».

– После тебя в нем все страницы слиплись. Проф, не обращайтесь на нас внимания. Это специфический военно-космический юмор. Черт, мне нравится это словосочетание! Специфический военно-космический! Это почти поэзия, черт бы меня забрал!

– Он тебя заберет, вне всякого сомнения, – пообещал Юлий.

– Банальный ход. Ты становишься слишком предсказуем, – сказал Клозе.

– Джентльмены, – вклинился в перепалку пилотов профессор Снегов, махнув рукой и привлекая их внимание к монитору. – Нас наконец-то заметили.

– Тогда уступите мне мое кресло, – сказал Клозе.

Они поменялись местами.

– Сорок четыре минуты тринадцать секунд после установления визуального контакта, – сказал Юлий, включив диктофон. – Один из кораблей флота Чужих замедляет скорость.

– Хочет отстать от остальных и посмотреть, что мы такое, – сказал Клозе. – Зачем ты записываешь? Разве компьютер не фиксирует все в режиме реального времени?

– Хочу войти в историю, – сказал Юлий. – Мы же, возможно, первые люди, кто такое видит. Разве тебя это не колышет?

– Меня колышет, как бы выбраться из этой истории живым, а не остаться в ней на веки, – сказал Клозе. – Проф, здесь нет кресла третьего пилота, а корабль может начать маневрировать в любой момент. Шли бы вы к себе в каюту.

– Я пока тут постою.

– Гражданский, – вздохнул Клозе. – Что ты делаешь, капитан?

– Выключаю двигатели и ложусь в дрейф.

– Зачем?

– Чтобы изображать из себя еще более удобную мишень.

Клозе застонал.

– Георгий, идите к себе и пристегнитесь, – сказал Юлий. – И передайте остальным. Если кому интересно, я выведу изображение на дисплеи в каютах и включу общую связь. И это приказ.

– Есть, сэр, – сказал Снегов, и пилоты остались вдвоем.

– Он тормозит, – сказал Клозе, имея в виду то ли корабль Чужих, то ли профессора Снегова. – Приготовить торпеды к бою?

– Пусть он сделает первый ход.

– Вы – истинный джентльмен, граф.

– Жаль, что я не могу сказать того же о вас, барон.

– И правда, жаль, – сказал Клозе.

– Расстояние?

– А сам ты посмотреть не можешь?

– Нет. Я осуществляю общее руководство.

– Пять боевых единиц. Для торпедного боя достаточно.

– На случай боевого столкновения предлагаю следующее разделение ответственности, – сказал Юлий. – Я летаю, ты стреляешь.

– А почему не наоборот?

– Потому, что я – капитан и имею право выбора.

– Ладно, ты меня уговорил.

– Расстояние?

– Четыре с половиной.

– Пассажиры все пристегнуты? – спросил Юлий в микрофон общей связи.

– Снегов пристегнут.

– Остин пристегнута. Астрофизик промолчал.

– Доктор Мартин?

Нет ответа.

Бросить управление и самому идти разбираться с астрофизиком не было времени. Поручать это одному из пассажиров – значит, рисковать еще чьей-то жизнью.

– Скотина гражданская, – выругался Юлий. – Алан, вы меня слышите, я знаю. Меня по всему кораблю слышно. Если в течение трех минут я не услышу, что вы находитесь в своей каюте и пристегнуты, то снимаю с себя всякую ответственность за вашу жизнь.

Тишина.

– Три единицы, – доложил Клозе серьезным голосом.

– Он что, вплотную подойти хочет? – пробормотал Юлий. – На abordaj нас брать решил, что ли?

До abordaja не дошло.

– Выстрел, – сообщил Клозе.

– Анализ угрозы?

– Похоже на плазменную пушку.

– С трех-то единиц? – усомнился Юлий.

– Может, они думают, что у нас двигатель навернулся. Тридцать шесть секунд.

– Тяга! – объявил Юлий.

«Одиссей» скакнул вперед, предпринимая маневр уклонения. На миг возникла и тут же пропала перегрузка. Юлий снова погрузил корабль в дрейф.

– Промазали, – констатировал Клозе. – Уже вижу, что промазали.

– Вот вам и огневой контакт, – сказал Юлий.

– Значит, уже можно домой? – с надеждой спросил Клозе.

– Нет, потанцуем еще немного.

– Выстрел. Опять плазма. Двадцать восемь секунд.

Юлий легко уклонился.

– А большая штука, – сказал Клозе, имея в виду корабль Чужих. – Никак не меньше линкора.

– Большие штуки громче взрываются.

– Мечтатель. Слушай, он вообще остановился. Он в дрейфе, как и мы. Расстояние – две единицы.

– Ну, и что же вы теперь предпримете, букашки-таракашки? – спросил Юлий.

Прошло тридцать секунд.

– Что происходит, капитан? – спросил Снегов.

– Самое странное, что ничего не происходит, – сказал Юлий.

– Хотите знать мое мнение?

– Чуть позже, если можно, – сказал Юлий. – Мы тут немного заняты, Георгий. Мы, как бы это сказать, воюем.

– Выстрел. Плазма. Восемнадцать секунд, – сообщил Клозе.

– Маневр.

– Мимо.

– Ты можешь не говорить «мимо», – сказал Юлий. – Когда в нас попадут, мы все это поймем.

– Отлично. Может, мне и о выстрелах не говорить?

– Как хочешь.

– Плазма. Восемнадцать секунд.

– Маневр.

– Должен сказать, они ведут себя тупо. Неужели еще не поняли, что так они в нас ни за что не попадут?

– Дай бог, чтобы они и дальше вели себя тупо. При мысли о гениальных тараканах мне как-то не по себе.

– Выстрел. Плазма. Восемнадцать.

– Маневр.

– И мы все еще живы.

– А вы всегда во время боя говорите вслух? – поинтересовался Снегов, лежа в своей койке.

– Это мы для вас стараемся, – объяснил Клозе. – Чтоб вам веселее было. Можем и помолчать, если вам не нравится.

– Нет, продолжайте, прошу вас. Мне очень интересно.

Из каюты доктора Остин доносились судорожные всхлипывания. Похоже, она только что осознала, что на самом деле означают короткие фразы, которыми обмениваются пилоты в последние несколько минут.

– Выстрел. Плазма. Восемнадцать.

– Боеприпасов у них до черта. Маневр.

– Мимо.

– Нормально воюем, – сказал Юлий. – Мне нравится.

– Флот уходит, – сообщил Клозе. – И никто не остался помочь нашему тупому мальчику.

– Думаешь, нам линкора не хватит?

– За глаза. Выстрел. Время то же.
– Ухожу.
– Ушел.
– Пока не очень весело, – пожаловался Юлий.
– И сколько еще ты собираешься играть в поддавки?
– Пока они не сменят тактику.
– Собираете информацию, граф?
– Именно, барон.
– Продолжаем. Выстрел. Восемнадцать.
– Маневр.
– Мимо.
– Зашибись, – сказал Юлий. – Так воевать я согласен. Пока все довольно безопасно.

Сорок секунд затишья.

– Похоже, они заснули, – пожаловался Клозе.
– Я и сам сейчас засну, – сказал Юлий. – Что там?
– Ничего. Мы в дрейфе, они в дрейфе. Воевать никто не хочет. Может, нам их расшевелить?
– Не стоит. Ждем.
– Как скажете, босс.

Если бы на месте «Одиссея» был хотя бы среднетоннажный боевой корабль Империи, то он мог бы уничтожить лежащее в дрейфе в двух боевых единицах судно пришельцев четырьмя различными способами. У «Одиссея» было только два.

Юлий не спешил. Он не хотел раскрывать свои карты раньше времени.

Неужели Чужие руководствуются теми же соображениями?

Плазменная пушка, стреляющая неуправляемыми зарядами, на таком расстоянии была бесполезна. От нее было слишком легко увернуться. Или у них просто больше ничего нет?

– Торпеды, сэр, – торжественным голосом объявил Клозе. – Две штуки.

– Летать не буду. Играй.

Клозе выхватил из ниши рядом с креслом второго пилота шлем стрелка, нахлобучил его на голову и положил руки на панель управления огнем.

– Такие штуки я сбиваю походя, – заявил он и сшиб торпеды двумя выстрелами из импульсной пушки.

– Объявляю благодарность, – сказал Юлий.

– Принято.

– Шлем не снимай. Тебе так лучше.

– Торпеды. Три. Играю... Сделано.

– Снайпер.

– Служу Империи.

– Орел.

– Плазма. Восемнадцать.

– Вижу. Маневр.

– Очень скучный огневой контакт. Односторонний какой-то. Может, стоит начать огневое взаимодействие?

– Ждем.

– Играю две торпеды. Плазма.

– Ухожу.

– Сыграл.

– Восемь торпед. Плазма.

– Маневр.

– Играю торпеды.

– Маневр.

– Кажись, отбились, – сказал Клозе.

Стрелковый шлем был вентилируемым, но из-под него все равно тек пот.

Юлий решил больше не испытывать Клозе и судьбу.

– Империя наносит ответный удар, – объявил он и нахлобучил на голову тактический шлем пилота. – Пассажирам финальная просьба пристегнуться. Начинаем операцию «Инсектицид». Кто не спрятался – я не виноват. Клозе, торпеды не экономь.

– Есть, сэр.

– Поехали.

Теоретически корабль класса «Одиссей» не может причинить большого вреда судну размером с линкор. Юлий и не собирался его причинять. Ему нужно было посмотреть, как Чужой будет уклоняться.

Но то ли Чужой был тормозом, то ли Юлий был офигенным пилотом, а Клозе – нехилым бомбардиром, уклониться Чужой не успел.

Двигаясь по сужающейся спирали, «Одиссею» удалось подобраться к кораблю Чужих на расстояние в одну боевую единицу, и Клозе всадил в шар целых восемь торпед «космос-космос».

Урон был не финальным, но ощутимым. Посреди шара образовалась огромная воронка, в которой «Одиссей» мог бы не только припарковаться, но и развернуться, а может, даже выписать несколько несложных пилотажных фигур.

– Следует помнить, что люди – самые опасные твари в этом секторе галактики, – назидательно сказал Клозе.

– Готовься, опасная тварь, – сказал Юлий. – Сейчас что-то будет.

«Одиссей» лег на прежний курс, Юлий врубил полную тягу и бросился вдогонку флоту Чужих.

Клозе знал, что задумал его командир. Они этот маневр обсуждали заранее. Юлий считал, что все должно пройти гладко.

Клозе считал, что это самоубийство.

Впрочем, ни один из них не помнил, чтобы им удалось договориться на словах по какому-нибудь мало-мальски значимому

поводу.

Краем уха Юлий слышал, что кто-то стонет по внутренней связи. Либо у Снегова плохо со здоровьем, либо это астрофизик, который так и не пристегнулся. Что ж, времени разбираться с этим сейчас нет.

Если это астрофизик, тогда – поделом ему. Когда кто-то не пристегивается на военном корабле во время маневра, он действует на свой страх и риск. Военных за такую халатность сажают в карцер. Если им удастся до этого дожить, конечно.

Больше они между собой не разговаривали до самого конца боя. Были слишком заняты. Да и комментировать свои действия для пассажиров они бы просто не успели.

Шедший на пределе своих возможностей «Одиссей» вклинился в строй Чужих. Юлий лавировал между шарами кораблей противника, а Клозе стрелял во все стороны из всех бортовых орудий.

Особой меткости от него не требовалось – враг был повсюду.

Со стороны это могло бы показаться безумием. Атакой камикадзе.

Но это был тонкий расчет.

«Одиссей» набирал необходимую для гиперперехода скорость, двигаясь в сторону Империи по кратчайшему маршруту, и при этом противник не мог по нему стрелять из опасения попасть в свои собственные корабли.

Правда, Чужие все равно стреляли.

У Юлия было впечатление, что он попал внутрь калейдоскопа. Картина вокруг была цветная, яркая и менялась каждую секунду. Он еле успевал реагировать на эти изменения.

А бортовой компьютер тщательно фиксировал все, что происходило вокруг, собирая тактические данные о боевой мощи Чужих.

Впереди была вселенная с вражескими кораблями.

Позади царил сущий ад, который гнал за ними, наступая на пятки.

Учитывая размеры и вооружение их собственного корабля, Юлий и Клозе нанесли противнику урон, на который не могли даже рассчитывать изначально.

Чудес не бывает.

Может быть, они и бывают, но не в этой жизни.

А если и в этой, то не с такими людьми, как Юлий.

В них все-таки попали. В последние секунды перед гиперпрыжком сразу три вражеские торпеды взорвались в режиме преследования в непосредственной близости от «Одиссея».

Корабль тряхнуло.

Клозе выматерился по-немецки. Юлий – на родном языке императора.

Загорелись контрольные огоньки. Вырубилась половина корабельных систем и тут же снова врубилась, но уже в аварийном режиме.

Они все-таки ушли в прыжок. А это означало, что корабль большей частью цел, и немедленная смерть его экипажу не грозит.

Зато с медленной смертью дело обстояло совсем иначе.

ГЛАВА 5

Юлий сидел перед главным терминалом бортового компьютера и угрюмо пялился в монитор. Открытый раздел был озаглавлен как «Контроль повреждений». Данные на мониторе никак не могли Юлия радовать.

Юлию хотелось курить. Ту самую сигару. Пока было очень похоже на то, что больше курить ему не придется.

Клозе вернулся с визуальной инспекции повреждений и уселся в кресло второго пилота.

– Готов докладывать, – сообщил он.

– Валяй.

– Нам попали в склад, – сообщил Клозе. – Разгерметизация устранена в аварийном режиме, но добраться до того, что там осталось, при условии, что там хоть что-то осталось, мы не можем.

– И что мы имеем?

– Жопу, – сказал Клозе.

– А нельзя ли более детально? – попросил Юлий.

– Полную жопу. Жратвы осталось в обрез, – сказал Клозе. – Но это х...я. Воды – самый минимум, но это тоже х...я. Потому что с кислородом – полная жопа. Один рециркулятор накрылся окончательно и восстановлению не подлежит. Второй дышит на ладан и готов последовать за первым в любой момент. А что у тебя?

– Передатчик накрылся, связи, соответственно, нет. Ходовой реактор в норме, основной двигатель не в норме, но в рабочем состоянии, гипердвигатель в норме. Вооружение – ноль, ты все на фиг расстрелял, но при нашем раскладе оно нам и на фиг не нужно.

– У тебя результаты получше, чем у меня.

– А толку? Все упирается в твои результаты. Мы еще проживем и даже полетаем, но жизнь наша будет недолгой и крайне некомфортной.

– Теперь о менее важном, капитан. Астрофизику кранты. Ударился башкой и, идиот этакий, ее себе проломил.

– Я приказал всем пристегнуться. Несколько раз.

– Ты же не виноват, что он не выполнил приказ, – сказал Клозе. – В общем, его уложили в автохирург, но автохирург ему на хрен не нужен. Мозг мертв. Если он у него изначально был. Что весьма сомнительно.

– Мозг мертв, а астрофизик жив?

– Растение. Таким и останется.

– Он не растение, – сказал Юлий. – Растения выделяют кислород, а он его поглощает.

– Похоже, наши мысли текут в едином направлении, – сказал Клозе. – К сожалению.

– Как остальные гражданские? – спросил Юлий.

– Опять же, к сожалению, живы. Целы и, мать их, невредимы.

– И что у нас осталось из продуктов?

– Сухпак.

– А кроме?

– Кроме сухпайка только сухпак.

– Зашибись, – сказал Юлий. – Ладно, иди, успокой пассажиров. Я тут пока чего-нибудь посчитаю.

– Не переусердствуй.

Клозе положил диск со своим отчетом ему на стол и ушел.

Юлий посчитал. Результат ему не понравился, и он еще раз посчитал. Ничего не изменилось. Юлий посчитал в третий раз и ударил кулаком в стену, проломив тонкую панель внутренней обшивки.

Тогда он позвал Клозе.

Клозе тоже был нерадостный.

– Зайду издалека, – сказал Юлий. – Воды нам хватит, чтобы не умереть от обезвоживания. Естественно, про бритье, умывание, ванны и влажные компрессы придется забыть, но мы протянем.

– Это были хорошие новости, – сказал Клозе. – Теперь какие на очереди?

– Теоретически половины плитки сухого пайка хватает, чтобы поддерживать жизнедеятельность организма при интенсивных физических нагрузках в течение суток. У нас тут особых нагрузок не намечается, так что мы можем сжирать по одной плитке в день на всех. Тогда нам придется поголодать только пару дней в самом конце полета.

– Это тоже звучит достаточно неплохо, – сказал Клозе. – Когда ты перейдешь к плохим новостям?

– Уже. Кислорода на все время полета нам хватит на четверых только в том случае, если мы будем дышать через раз и по очереди. К сожалению, эту функцию организма мы контролировать пока так и не научились.

– На четверых? – уточнил Клозе.

– Экипаж плюс пассажиры минус растение.

– Жестко, но необходимо. А на троих кислорода хватит?

– В обрез.

– Что ты предлагаешь? Точнее, кого ты предлагаешь?

– Как раз это я и собирался обсудить.

– Пассажиры?

– Исключено. Они гражданские.

Сегодня они понимали друг друга с полуслова.

– Хрен ли с того? Они знали, на что идут.

– Она – женщина, он – старик.

– Его и... Он свое отгулял.

– Майор Клозе, вы готовы сказать это ему в лицо?

– Могу. Он мне с самого начала не нравился. Больно умный.

– Я бы предпочел женщину. Она стремная.

– Может, обоих? – предложил Клозе.

– Хорошая мысль. Кислорода останется – завались.

Они помолчали.

– Кинем монетку? – предложил, наконец, Юлий.

– Нет.

– Почему?

– Ты – командир. Тебя выбрали первым, меня взяли только за компанию. Тебе начальству и докладывать.

– Невелика хитрость – докладывать. Ты тоже можешь. Основные данные все равно в компьютере.

– Тебя повысили на два звания, а меня – всего на одно.

– Это просто недоразумение и формальность.

– Ты лучший пилот, чем я.

– С чего ты это взял?

– Ты сумел подобраться к «деструктору», выпустить ракеты и отвалить, сохранив истребитель. Я – нет.

– Только после того, как ты вышиб «деструктору» мозги.

– Я эмоционально нестабилен. Я перестреляю штатских до конца полета.

– Я – капитан судна, и меня они больше ненавидят.

– Ты – семьдесят шестой в списке наследования.

– Я не могу представить себе ситуацию, чтобы те семьдесят пять разом умерли раньше меня.

– Ты – граф, а я всего лишь барон.

– Я – командир корабля и могу тебе просто приказать.

– Я тебе должен, – сказал Клозе.

Он даже не успел ничего сообразить, как его выдрали из кресла пилота и припечатали спиной о стену. Юлий держал его правой рукой за горло, глаза полковника Моргана сверкали бешеной яростью.

– Это за что ты мне должен? – прошипел Юлий.

– За Сахару.

Клозе приложили о стену еще раз.

– Чтоб. Я. Этого. От. Тебя. Никогда. Больше. Не. Слышал! – произнес Юлий, делая паузу после каждого слова.

– Задушишь, черт!

Юлий отпустил Клозе. Несмотря на то, что душили одного, тяжело дышали они оба. Недостаток кислорода пока был ни при чем.

– Псих, – сказал Клозе. – Я тебя только поблагодарить хотел.

– Засунь свою благодарность себе в ухо.

– Так и сделаю. Но давай рассуждать логически. Мы – гонцы, везущие плохие известия. Ты – командир. Если это сделаешь ты, твой поступок могут счесть трусостью и попыткой уклонения от доклада. Кроме того, остаться – это слишком большая ответственность, и я не уверен, что я с ней справлюсь. Давай это сделаю я, а? Пожалуйста. Ты же знаешь, я эгоист. Остаток полета будет очень некомфортным, а я люблю комфорт.

– Ты меня что, уговариваешь? – спросил Юлий.

– Да.

– Надо было мне идти в артиллеристы, – сказал Юлий.

– Не уверен, что я тебя понял.

– Неважно.

– Так ты согласен?

– Вы будете гореть в аду, барон. Надеюсь, я это увижу. – У Юлия был очень странный взгляд. Тоскливый.

– Не иначе, как с соседней сковороды, – сказал Клозе. – Двигаем. Время уходит, вместе с ним уходит и кислород, а нам еще предстоит обработать наших пассажиров.

Перед тем как присоединиться к товарищам по несчастью в кают-компанию, Юлий зашел в свою каюту и вытащил из сейфа «офицерский сороковой». На рукоятке все еще значилось «майор Морган». Пистолет явно не успевал за его карьерой.

Снегов выглядел возбужденным. Юлию было трудно судить, как на организме профессора сказались перегрузки, но встреча с флотом

Чужих явно произвела на него впечатление.

Доктор Джей Остин... Юлию очень не понравился ее вид. Такое впечатление, что ксенобиолог находится на грани нервного срыва.

Клозе выглядел... как Клозе.

– Капитан, я хочу вам кое-что сказать. Я конструировал корабли, строил корабли, испытывал корабли, но я понял, что до сегодняшнего дня я ничего не смыслил в кораблях, – заявил Снегов, едва Юлий перешагнул порог кают-компаний. – Я никогда даже не думал, что такое пилотирование возможно в принципе. То, что вы сделали...

– Не сейчас, Георгий, – остановил его Юлий. – У нас еще будет время поговорить о том, что я – ас из асов.

– Извините, капитан.

– Объясняю текущую ситуацию, – сказал Юлий. – Самая трудная часть нашего полета позади. Мы обнаружили флот Чужих и сумели унести от него ноги. Теперь нам надо доставить полученную нами информацию в Империю. С этим могут возникнуть некоторые сложности, ибо передатчик выбит. Кроме того, мы потеряли часть воды, пищи и, что самое печальное, кислорода... А теперь я хотел бы знать состояние доктора Мартина.

– Состояние доктора Мартина тяжелое, но стабильное. Нам удастся доставить его назад живым, – сказала доктор Остин.

– Насколько я знаю, его мозговая деятельность нарушена, – сказал Юлий.

– Мы не можем судить об этом без специального оборудования, – сказала доктор Остин.

– К чему вы клоните? – спросил Снегов.

– Его мозг мертв, – сказал Юлий. – А у нас действительно очень мало кислорода.

Снегов побледнел, но промолчал.

– Вы этого не сделаете, – сказала доктор Остин. – Мы не можем быть уверены, что его мозг не сможет вернуться к нормальному функционированию. Это же убийство!

– Он уже мертв, – сказал Клозе. – Он сам себя убил, когда проигнорировал приказ капитана корабля и не пристегнулся во время

маневрирования.

– Маневрирования? – взвизгнула доктор Остин. – Эту самоубийственную гонку вы называете маневрированием?

– Это война, – сказал Юлий. – И я буду воевать так, как считаю нужным. А доктора Мартина можно записать первой официальной жертвой этой войны. Мы должны доставить информацию, должны предупредить руководство флота. Впятером мы не долетим.

– А если уж кем-то жертвовать, то тем, кто уже и так большей частью мертв, – сказал дипломатичный Клозе. – Или самым бесполезным членом экипажа. Или если кто-нибудь вызовется добровольцем.

– Вы рассуждаете...

– Как военный, – перебил ксенобиолога Клозе.

– Я и сам не в восторге от всего этого, но выбора у меня нет. Я – капитан судна, я принял решение и не собираюсь более его обсуждать, – сказал Юлий.

– Неужели нет другого выхода? Ведь есть! Мы можем положить доктора Мартина в криокамеру, – сказал Георгий. – Я видел, она стоит в медблоке рядом с автохирургом. Так мы и доктора не потеряем, и кислород во время полета он потреблять не будет.

– К сожалению, то, что вы предложили, неосуществимо, – сказал Юлий. – Криокамера во время полета будет занята.

– Кем же, позвольте спросить?

– Мной, – сказал Клозе.

Юлий убил доктора Мартина выстрелом в голову.

Это далось ему куда труднее, чем принятие решения об экономии кислорода. На этот раз ему пришлось убивать не врага, вооруженного и стремящегося убить его самого, а безоружного и беззащитного человека.

Можно было оправдать себя мыслями, что астрофизик сам спровоцировал все свои неприятности, но нажимать на курок от этого легче не стало.

Клозе предложил свои услуги. Юлий отказался. Юлий считал, что капитан корабля должен сделать это сам.

Потом они упаковали труп астрофизика в предназначенный для этого контейнер и оттащили его в комнату доктора Мартина, где и оставили. Юлий запечатал двери каюты и откачал из нее кислород.

Потом пилоты вернулись в медблок, и Клозе включил криокамеру в режим диагностики.

В криокамерах замораживали тела тяжелораненых космонавтов, тех, которым не мог помочь корабельный автохирург и которых требовалось доставить в нормальный госпиталь. Шансы человека пережить сам процесс заморозки составляли восемьдесят процентов из ста, и то без учета необратимых изменений в организме, которые могли произойти за время длительного пребывания в «холоде». Наиболее подверженным риску органом был мозг.

– Восемьдесят из ста – это не так уж плохо, – пробормотал Клозе, занятый теми же мыслями, что и Юлий. – Это гораздо выше шансов вернуться с боевого вылета на Сахаре. Правда, на Сахаре все зависело только от меня.

– Мне будет тебя не хватать, – сообщил Юлий. – Все эти два месяца полета. Я все время буду думать, что ты тут отдыхаешь, лежа на холодке, в то время как я страдаю от лишений и терплю эту чертову истеричку. Я тебе даже в какой-то степени завидую.

– Зато я тебе не завидую, – сказал Клозе. – Я сейчас засну, а потом проснусь в каком-нибудь приятном месте. А ты тут один будешь со всем трахаться.

– Ты – злобный эгоист, барон.

Криокамера закончила диагностику и доложила о готовности.

– Мне пора, – пробормотал Клозе и начал раздеваться.

Сложив одежду на койку автохирурга, Клозе принялся забираться в рабочее пространство криокамеры, жалуясь, что это чертовски неудобно.

– Предполагается, что люди не залезают туда сами, – сказал Юлий.

– Я в курсе, – сказал Клозе. – Но кто-нибудь мог бы предусмотреть и такую возможность.

- Хочешь сказать что-нибудь напоследок?
- Чтоб довез мое туловище в целости и сохранности.
- Вот еще. Как получится, так и получится.

Клозе сложил руки на груди и закрыл глаза. Это было необязательно. Юлий знал, что барон просто рисуется.

Юлий закрыл дверцу криокамеры и нажал стартовую кнопку.

По дисплею побежали какие-то цифры.

– Мне холодно, – пожаловался Клозе через десять минут. – Но, насколько я понимаю суть процесса, если я все еще могу разговаривать, то мне недостаточно холодно.

«Объект не поврежден. Нет объективных причин для начала криосохранения».

Юлий плюнул в дисплей и посоветовал Клозе вылезать.

– Полным идиотом себя чувствую, – сказал голый Клозе, выбираясь из камеры вперед ногами.

– И давно? – спросил Юлий.

– Сколько себя помню, – признался Клозе.

– Накинь на себя что-нибудь, – посоветовал ему Юлий. – Схожу за местным экспертом.

Снегов уселся на койку автохирурга и задумчиво пососал большой палец на руке.

– Честно говоря, я ожидал чего-то в этом роде. Медицинский компьютер не позволит вам заморозить абсолютно здорового человека.

– Это он-то абсолютно здоровый? – возмутился Юлий. – Да он больной на всю голову.

– Вы знаете, как работает система медицинского блока? – спросил Снегов.

– В академии проходили. Преимущество этой системы в том, что она не требует на борту присутствия квалифицированного врача, а потому система используется на малых кораблях или же на крупных, но только в качестве резервной, на случай, если медицинский персонал будет убит. Любой идиот, включая вашего покорного слугу,

может засунуть раненое туловище в автохирург, а если тот выдаст заключение, что не может ничего сделать, то переложить туловище в криокамеру и заморозить. Остальные подробности мне неизвестны, – сказал Юлий. – Предполагается, что всей этой медицинской чушью должны заниматься не пилоты. Просто у нашего судна очень уж усеченный экипаж.

– Автохирурга и криокамеру связывает один диагностический компьютер, который выносит решения о способах лечения, – сказал Снегов. – Этот компьютер не позволит вам заморозить тело, если с ранением способен справиться автохирург. И уж тем более он не станет замораживать здорового... э... физически здорового субъекта.

– Этот компьютерный блок можно как-то обойти? – спросил Юлий.

– Может быть, и можно. Но для этого нужен квалифицированный программист. Хакер. Если вы спрашиваете меня, могу ли я это сделать, то ответ – нет. Не могу. Вам нужно поискать какой-то другой выход.

– Другого выхода нет. Кислорода только на троих.

Снегов снова пососал палец.

– Неужели никак нельзя обойтись без крайних мер?

– Если мы хотим добраться до «Наполеона» живыми – нет.

– Я никогда не сталкивался с такими ситуациями. Даже не знаю, что нам всем посоветовать.

– А если автохирург выйдет из строя, то компьютер допустит в камеру человека с любым повреждением? Даже с мелким?

– Теоретически, да. Но я не понимаю, как в бою можно повредить автохирург таким образом, чтобы камера осталась цела. Если будет повреждение внешней обшивки, то накроется сразу все.

– Встаньте, Георгий. И отойдите в угол.

Снегов недоуменно пожал плечами, спрыгнул с автохирурга и отошел в угол. Юлий достал «офицерский сороковой» и всадил в медицинское оборудование восемь пуль. Лампочки на мониторе тревожно замигали.

– Автохирург мертв, – сообщил Клозе. – Камера не повреждена.

– Я все еще не понимаю... – начал Снегов.

Юлий посмотрел на Клозе. Клозе кивнул.

Юлий выстрелил ему в живот.

На этот раз диагностический компьютер криокамеры против заморозки не возражал.

ГЛАВА 6

Юлий сидел в кресле пилота, боролся с желанием курить и нервничал.

Ему все больше и больше не нравилась обстановка на «Одиссее». Снегов вел себя вполне адекватно, но дамочка явно потихоньку сходила с ума. На вторую неделю после повреждения корабля она отказалась употреблять в пищу сухпак и сидела на добровольной диете уже восемь дней. Большую часть времени она проводила в своей каюте, откуда периодически доносились взрывы хохота или безудержные рыдания. Когда Юлий слышал любой из этих звуков, его бросало в дрожь.

– Есть время, капитан?

– Входите, Георгий.

Снегов уселся в кресло Клозе. На этом корабле Юлию все напоминало о Клозе, лежащем в криокамере с дыркой в животе. Дыркой, проделанной Юлием самолично.

Сначала я убивал врагов из кабины истребителя, подумал Юлий. Это моя работа.

Потом я стрелял в них из табельного оружия.

Потом я застрелил безнадежного больного.

А потом я выстрелил в Клозе.

Это было вызвано необходимостью.

Но, может быть, именно так становятся маньяками-убийцами?

Интересно, а я бы позволил Клозе выстрелить в живот мне? При таких же обстоятельствах?

Сейчас Юлию сложно было об этом рассуждать. Обстоятельства изменились.

– Я хотел бы поговорить с вами о Чужих, капитан.

– Излагайте, – сказал Юлий.

– Вас не удивила их реакция на наше появление?

– Что именно должно было меня удивить?

– Мы лежали в дрейфе. Они не пытались хоть как-то связаться с нами, не пытались захватить нас живыми, а корабль – целым. Сразу открыли огонь на поражение.

– Вполне оправданная реакция на появление вражеского разведчика.

– И она говорит о том, что Чужие хорошо нас знают. Они не пытались захватить нас для изучения, потому что уже знают о нас и наших кораблях все, что им о нас нужно знать. Это война, капитан, и не мы ее начали. Все всякого сомнения.

– Очень похоже на то, Георгий.

– Как вы думаете, мы в ней победим?

– Победим, но с большими потерями, – сказал Юлий. – Уж очень их много.

– Жаль, что не все имперские пилоты дерутся, как вы.

– На этот раз нам помогал фактор внезапности, – сказал Юлий.

– Я просматривал запись, сделанную во время боя. По крайней мере, трем кораблям противника были нанесены финальные повреждения.

– Это не мы. Большую часть ущерба они нанесли себе сами.

– А кто поставил их в такое положение? Кто заставил их стрелять друг в друга?

– Больше одного раза такие фокусы не срабатывают, – сказал Юлий. – А как вы думаете, почему эти типы решили на нас напасть? Я имею в виду, человечество, а не «Одиссея».

– Может быть, наш внешний вид так же отвратителен им, как и нам их.

– Едва ли это убедительная причина для войны.

– То, что неубедительно для нас, может быть более чем убедительно для них. Не забывайте, что мы имеем дело с представителями другого разумного вида. Кстати, вам известно, что на найденном нами корабле не обнаружили ничего, хотя бы отдаленно напоминающего вычислительное устройство?

– Известно. Это значит, что они очень умные? Настолько умные,

что могут сами рассчитывать траектории полета кораблей в трехмерном пространстве?

– Очень не хочется этого признавать, но это так.

– А как же маленький объем мозга? Вы же сами говорили, что они могут быть даже ограниченно разумными.

– Я не все вам рассказал. На корабле было еще одно существо.

– Вот как? Мне об этом ничего не говорили. Ни вы, ни кто-то еще.

– Это армия. Вам говорят только то, что считают нужным. До подтверждения факта вторжения эта информация была не слишком актуальна и представляла лишь академический интерес.

– И я к этому уже почти привык. Так что там с этим вторым?

– Тоже насекомое, но принадлежит к другому виду. Когда его вскрыли, то обнаружили, что оно состоит из мозга почти на сто процентов.

– Это как? – не понял Юлий.

– Конечностей нет, крыльев нет, глаз нет, отсутствует даже ротовое отверстие и пищеварительный тракт.

– И как эта хрень вообще могла жить?

– Она находилась в симбиозе с первой. Соединялась с ней при помощи сложной системы присосок.

– Может быть, это было и не отдельное существо, а просто выносной мозг первого?

– Может, и так.

– Я не большой специалист, но как такая тварь вообще могла эволюционировать?

– Я тоже не большой специалист, но мне кажется, что никак не могла. Полагаю, что эта парочка является продуктом генной инженерии.

– Мы такого делать не умеем.

– Не умеем, – подтвердил Снегов.

– Чего-то я в этой жизни не понимаю, – сказал Юлий. – Значит,

вторая тварь не была похожа на таракана?

– Нет. Она вообще ни на что не похожа.

– Теперь понятно, почему вы говорили, что эти твари подобны земным муравьям и делятся на классы. Непонятно только, почему вы сразу ничего не сказали о второй твари. И почему об этом не сказал Краснов.

– Генерал по роду своей деятельности очень подозрителен и неохотно делится информацией.

– А зачем вы со мной делитесь той информацией, на которую поспешил генерал?

– Потому что...

– Чтобы отвлечь меня, не так ли? – спросил Юлий. – Не волнуйтесь, я в порядке. Доставлю нас на «Наполеон» в целости и сохранности. Во всяком случае, постараюсь. Не хочется, чтобы мне в дальнейшей жизни являлся злобный призрак барона Клозе.

– Вы – очень странный человек, капитан. По крайней мере, странный на мой взгляд. К сожалению, я не могу вам сказать, что вы поступаете хорошо. Я не могу вам даже сказать, что вы поступаете правильно. Но вы поступаете так, как надо поступать в данной конкретной ситуации.

Так Юлий потом и оправдывался перед самим собой. Особенно после того, как на третьей неделе полета застрелил доктора Джей Остин.

На кораблях такого класса дверь капитанской каюты не запирается изнутри. Конструкторы просто не видели в этом необходимости. Они не были знакомы с ксенобиологами женского пола, которые сходили с ума после встречи с представителями иной цивилизации.

Юлий спал, когда дверь его каюты открылась, а ксенобиолог бросилась на него и вонзила в бок скальпель, входивший в комплект расстрелянного автохирурга.

Юлий наугад ударил ногой в темноту и только потом проснулся. Как раз вовремя для того, чтобы получить второй удар.

Может быть, ему удалось бы сохранить доктору Остин жизнь, если бы его «офицерский сороковой» лежал в сейфе, как того требовал устав, а не под подушкой, в нарушение всех правил. Рука рефлекторно скользнула к пистолету.

Других вариантов в тот момент Юлий даже не искал. Пуля попала ксенобиологу в грудь и отбросила ее на переборку.

Юлий дотянулся до выключателя, зажег в каюте свет и посмотрел на дело рук своих.

Женщина была ранена.

Но при отсутствии автохирурга ее шансы на выживание были равны нулю. А Юлий никогда не поменял бы ее местами с Клозе и не отдал бы ей место в криокамере.

– Сука тупая, – сказал Юлий и выстрелил женщине в голову.

Снегов отнесся к происшествию довольно спокойно и с пониманием. Помог перевязать раны, к счастью, оказавшиеся неглубокими.

– Не берите в голову, капитан, – сказал он. – Дерьмо случается.

– У меня к вам только одна просьба, Георгий, – сказал Юлий. – Не вынуждайте меня стрелять еще и в вас, а то я заработаю худшую репутацию во всей флоте и получу кличку Капитан Смерть. У меня на судне было пять человек, и троих я уже уложил собственными руками.

– Но вы-то, в сущности, не виноваты, – сказал Снегов. – Алан сам ударился головой, Джей явно обезумела... В этом случае с вашей стороны была чистая самооборона. А ваш... пилот... Вы ведь с ним совместно приняли это решение.

– Думаете, мне от этого легче?

– Вряд ли, – честно признался Снегов. – Я всегда полагал, что у военных должен быть особенный склад ума, но вы все-таки тоже люди.

– Спасибо, Георгий.

Но в этом прискорбном случае Юлий умудрился найти и светлую сторону. Их осталось только двое, и кислорода было – дыши – не хочу.

Юлий не мог размышлять ни о чем другом. Тупая сука, думал он. Если бы я с самого начала знал, как оно сложится, надо было сразу пристрелить эту дуру и засунуть ее в морозильник. И Клозе был бы рядом.

Какой гений додумался послать с нами ксенобиолога? На кой черт нам вообще сдались гражданские эксперты? С таким же успехом они могли бы просмотреть сделанные нами записи уже на «Наполеоне». С удовольствием пристрелил бы еще и того, кто планировал нашу операцию.

Вхожу во вкус.

Огневое взаимодействие с Чужими длилось менее двадцати минут. Все человеческие потери, которые понес «Одиссей», произошли уже после боя. И если бы на судне были только военные, этого бы не случилось. Для того чтобы спятил имперский военный, требуются другие условия и куда больше времени.

Юлий бегал от лишней ответственности всю свою жизнь. И едва получил под свое командование первый корабль, как сразу же нарисовалось два с половиной трупа.

Половина его первого экипажа.

Как капитан, он отвечал за всех.

Как капитан, он должен был действовать в интересах Империи.

Вряд ли командование флота или руководство УИБ его осудят.

Но дальше ему придется жить с мыслью о том, что он стрелял в гражданских и в Клозе. Если бы не информация о Чужих, которую он был обязан доставить в Империю, он бы всерьез задумался о поисках иного решения.

С учетом потери ксенобиолога сухпайка было даже слишком много.

Эта еда поддерживала тело Юлия в работоспособном состоянии, но не давала чувства наполненности желудка, и Юлию уже больше

месяца хотелось есть.

Закрывая глаза, он думал о бифштексах с кровью, дарах моря, дичи, зеленых салатах и горах картофеля фри. Он думал о свежих французских булках, о свежесваренном натуральном кофе и, конечно же, о сигаретах.

Кофе, который варил корабельный автомат, был отвратительным. Настолько отвратительным, что Юлий предпочитал пить чай. На вкус чай тоже был кошмарным, но Юлий полагал, что так и должно быть.

Военные не любят пить чай.

Большую часть времени делать было нечего. Расчеты гиперперехода не занимали Юлия надолго, ибо «Одиссей» шел обратно по уже отработанному маршруту.

Снегову было чуть легче. Он в который раз просматривал короткую запись боя «Одиссея» с Чужими и готовил отчет для Краснова. Юлий ему даже завидовал. Когда человек работает, у него нет времени думать на отвлеченные темы.

Юлий и сам просмотрел запись своего боя. Один раз.

Увидев со стороны то, что он вытворял со своим кораблем, он просто испугался и даже не дождался благополучного окончания ролика. В момент маневра ему казалось, что он поступает единственно правильным образом и контролирует ситуацию. При просмотре же увидел, сколько раз «Одиссею» грозил финальный урон, нашел свои действия суицидальными, подивился меткости Клозе, феноменальной в такой ситуации, и решил больше не думать о том, как он воюет.

Теперь он лучше понимал доктора Остин. Пожалуй, если бы он был гражданским, то и сам бы свихнулся.

Еще он думал об Изабелле.

Он думал, что с течением времени его ненормальная страсть пройдет сама собой. По крайней мере, он надеялся на это. Но его теперешние переживания не были способны забить то чувство, начало которому было положено на Эдеме.

Ему хотелось знать, кто она, как живет, чем занимается и о чем мечтает. Ему хотелось танцевать с ней танго без конца. Ему хотелось

прикасаться к ней снова и снова. Ему хотелось знать, о чем она думает каждую минуту. В общем, ему много чего хотелось, и он находил свои желания странными.

Хотя проблем с кислородом и не ожидалось, Юлий достал скафандры и объяснил Снегову, как ими пользоваться. В автономном режиме и при наличии нескольких сменных баллонов запаса кислорода в скафандрах им хватило бы на неделю.

Теоретически Снегов знал о скафандрах все, но оказалось, что пользоваться ими он не умеет. Полдня Юлий убил на обучение и тренировки.

Это было хорошо.

Это помогало отвлечься.

Юлий ожидал, что после полученных повреждений на «Одиссее» возможны дальнейшие цепные неполадки, и даже надеялся, что они возникнут, и придется с ними бороться, но ничего не происходило. Рециркулятор держался, корпус оставался герметичным, двигатели не давали сбоя, и только скудный рацион раздражал и вызывал беспокойство.

У Снегова возникли проблемы с пищеварением. Он похудел, осунулся. А кожа его приобрела серовато-зеленый оттенок. Юлий полагал, что сам выглядит не лучше. Кроме того, у него не росла борода.

Только жидкая поросль на подбородке и несколько клочков по щекам. Вот у Клозе с волосами на лице было все нормально. Юлий не сомневался, что если бы Клозе видел его хилую растительность, разговора было бы на полдня, не меньше. Такого случая поиздеваться над командиром второй пилот бы не упустил.

Чтоб он сдох, мерзавец, думал Юлий. На его месте должен был быть я.

Когда его разбудят, наш полет уже будет закончен. Я бы с радостью поменял два этих чертовых месяца на одну пулю в кишках.

Что за невезение такое? Тотальное невезение, которое сопровождает его последние полгода. А может быть, и год.

Пожалуй, полоса неудач началась с назначения на Сахару. Если не считать самой большой неудачей сам факт рождения.

Потом его сбили свои.

Потом был боевой вылет и на его голову свалился целый «деструктор».

Прогулку по болоту с одноногим Клозе на спине тоже нельзя назвать большой удачей.

Во время отпуска на Эдеме он встретил самую восхитительную женщину в галактике и тут же был отвергнут ею без объяснения причин.

А поход на «Одиссее» превратился в одно сплошное недоразумение.

И теперь в перспективе маячила самая грандиозная война, которую когда-либо вело человечество, и будущее уж точно не обещало ничего хорошего.

Под конец полета Снегов ослабел настолько, что не мог даже ходить. Юлию приходилось насильно засовывать в него сухой паек, заливать воду и водить его в галюн.

Сам он держался на мыслях о «Наполеоне», где он сможет принять ванну, отмыть походную грязь, поесть нормальной еды и не беспокоиться о судьбах второго пилота и последнего пассажира.

«Наполеон» стал для него навязчивой идеей. «Наполеон» заменил собой концепцию рая.

Там было много воды, нормальная еда и временная безопасность. Временная, потому что флот не мог гарантировать постоянную безопасность ни одному своему пилоту.

А «Наполеона» в точке встречи не оказалось.

Сенсоры «Одиссея» не обнаружили присутствия дредноута в назначенном секторе. Юлий просканировал окружающее пространство, провел визуальный осмотр, бухнулся в кресло пилота и заплакал от ярости и отчаяния.

Он мог ожидать чего угодно, но только не этого.

Скорее всего, «Одиссея» вместе с экипажем и пассажирами списали, после того как он не выходил на связь в течение двух месяцев.

Наверное, вернулся какой-то из дублирующих кораблей. Вернулся и известил Империю о грядущих неприятностях, после чего УИБ свернуло операцию и отозвало «Наполеон» туда, где он был больше нужен.

Юлию даже не требовался компьютер, чтобы посчитать остальное. До ближайшей населенной людьми планеты две недели хода. Еды и воды на борту «Одиссея» хватит только на одну неделю полета. Юлий был уверен, что сможет обойтись неделю без пищи, но по поводу воды у него такой уверенности не было. В последнее время он и так старался экономить и страдал от обезвоживания.

Но все это не имело значения. Потому что кислорода хватит только на пять дней. Плюс неделя, которую могут дать скафандры. Этого все равно не хватит. Без кислорода – что два дня, что два часа – все едино.

Можно, конечно, пойти дальше по тому пути, на который он ступил, застрелив астрофизика. Можно использовать запасные баллоны самому, наплевав на Георгия. Тогда Юлий сможет долететь даже до Эдема.

Но, похоже, что информация с «Одиссея» Империи больше не требовалась. А значит, не было и цели, которая могла бы оправдать любые средства для ее достижения.

Не очень-то и хотелось, подумал Юлий.

Это было несправедливо. Четыре месяца, из которых последние два были настоящим адом, не должны были закончиться вот так.

Трепыхаться не хотелось.

Юлий достал из сейфа футляр с сигарой, отвинтил колпачок и переломил сигару пополам. Выкурить целую в такой ситуации он не имел права.

Спичек не было. Пришлось нарушить все традиции сигарокурения и воспользоваться зажигалкой.

У Юлия сразу закружилась голова. Организм успел отвыкнуть от

табака и вообще был крайне ослаблен.

А ведь нас, скорее всего, найдут, подумал Юлий. Не буду глушить реактор. В таком случае у Клозе будет хороший шанс. Человеческие тела могут храниться в криокамерах почти вечно, лишь бы энергии хватало. Значит, Клозе повезло.

Хоть кому-то повезло.

Докурив остатки сигары и тем самым заметно понизив качество потребляемого кислорода, Юлий сел в кресло пилота и положил пистолет на пульт перед собой.

Капитан покидает свой корабль последним. Юлий не мог застрелиться, пока на борту находился хотя бы один живой человек. Клозе в этих расчетах не участвовал.

Стрелять в Георгия Юлию не хотелось. Проще было подождать, пока тот умрет сам. Правда, на это уйдут три-четыре дня, и застрелить старика было бы даже гуманнее. Но стрелять в последнего пассажира капитан «Одиссея» не мог.

«Наполеон» прибыл в точку randevu на пятнадцать часов позже «Одиссея».

Разведчик лежал в дрейфе и на попытки с ним связаться не отвечал. Он выглядел так, как будто вышел из серьезного боя. В корпусе корабля зияла пробоина, а половина аварийных люков оказалась оплавленной.

На его борт была выслана спасательная команда, которой удалось открыть один из люков при помощи аварийных кодов и пневматической кувалды.

Спасатели обнаружили на борту два трупа, два полутрупа и одного капитана корабля, который сидел в кресле первого пилота и с выражением полного блаженства на лице курил короткий огрызок дорогой сигары.

Часть четвертая
ИМПЕРСКИЙ ТАНЕЦ

ГЛАВА 1

Когда Клозе открыл глаза и увидел над собой покрашенный в нежный салатовый цвет потолок больничной палаты, он сразу же понял, где находится, а поняв это, вспомнил и все остальное.

Чокнутый сукин сын Юлий всадил ему пулю из «офицерского сорокового» в живот. Скотский выродок граф Морган подстрелил его. Последнее, что он помнил, – ему очень хотелось ругаться, но от удивления он забыл, как это делается. Ублюдок чертов!

Когда Клозе запихивали в криокамеру, он мечтал выжить и отплатить скотине Моргану той же монетой.

Клозе ненавидел Юлия.

Был еще старик, который помогал упаковывать Клозе в холод, но против старика он ничего не имел. Пассажир, почти незнакомый. Гражданский. Что с него взять?

Это будут разборки между военными.

Дуэль, решил Клозе. Всажу этому ублюдку шпагу в живот. Он мне пулю, а я ему шпагу. Это будет называться «поэтическая справедливость».

Клозе был зол.

Более того, он был в ярости.

Однако в одном этому чокнутому сукину сыну Моргану не откажешь. Он – отменный пилот. Клозе еще раз убедился в этом, когда они прорывались сквозь флот Чужих. В тот момент он не успел испугаться, потому что был слишком занят стрельбой, но теперь не мог вспоминать о тех минутах без содрогания. Этот чокнутый сукин сын вытащил их оттуда. И смог доставить их на борт «Наполеона», иначе он, Клозе, сейчас не грелся бы на больничной койке, а мерз бы в криозаморозке.

Но если чокнутый сукин сын ждет, что я буду его за это благодарить, он крупно ошибается, подумал Клозе. Кто кого в этой ситуации спас, это вопрос очень и очень спорный.

По крайней мере, я готов спорить об этом довольно долго.

Бесконечно.

Физически Клозе чувствовал себя отвратительно.

Дело было не в дырке в животе. С дыркой врачи справились быстро.

В ходе реанимационных работ после заморозки Клозе заменили всю кровь и кое-какие из органов, и теперь он чувствовал ужасную слабость во всем организме и не мог самостоятельно передвигаться. А если Клозе что-то и ненавидел в этой жизни сильнее, чем чертового ублюдка Моргана, так это было состояние собственной слабости.

Клозе всю жизнь презирал слабых людей. А когда он сам бывал слаб, то презирал и самого себя.

С врачами Клозе близко не сходилась, имена сестер он даже не старался запоминать. Как и все пилоты, он был суеверен. А одно из суеверий пилотов говорило, что чем лучше твои отношения с медицинским персоналом, тем быстрее ты снова попадешь в госпиталь.

Поэтому некоторые пилоты вели себя на лечении просто по-свински.

Но не Клозе.

Он был сдержан и холоден.

На второй неделе его нахождения в госпитале и на третий день его пребывания в сознании к нему пришла первая посетительница.

– Офигеть, – сказал Клозе. – Не думал, что я сумел произвести на вас такое впечатление. То есть, конечно, я знаю, что произвожу впечатление на женщин, но вас я увидеть точно не ожидал. Хотя мне и приятно. Откуда вы здесь?

– Просто проходила мимо, – сказала Изабелла.

– Ха! – сказал Клозе. Чертов сержант с Сахары никак не желал вылезать у него из головы. – Может быть, какой-нибудь идиот вроде Юлия вам и поверил бы, но со мной этот номер не пройдет. Что вы тут делаете?

– Работаю.

– Не повезло вам, – сказал Клозе. – Я никогда не встречаюсь с медсестрами.

– Почему?

Клозе объяснил.

– Не думала, что вы суеверны.

– Я очень суеверен. В моих апартаментах в родовом замке стоят не меньше пятидесяти чучел черных кошек, которые пытались перебежать мне дорогу. А в плевках, отправленных мною за левое плечо, можно утопить еще одну Атлантиду.

– Здорово. Правда, я не медсестра.

– Должно быть, меня ввел в заблуждение ваш белый халат. Кстати, он вам к лицу.

– Такие халаты выдают всем посетителям.

– Посетителям? А мне показалось, вы говорили, что работаете здесь.

– Я работаю в разных местах.

– Предполагается, что сейчас я должен спросить, кем вы работаете.

– Такой пункт есть в моем плане беседы.

– Тогда не будем нарушать план. Итак, кем вы работаете?

Она показала ему удостоверение.

– УИБ. Отдел внутренних расследований.

– А я еще удивлялся, как этому чертовому Винсенту удалось так быстро добыть ваш адрес, – сказал Клозе.

«Внутренние расследования» были слишком расплывчатой формулировкой и могли означать что угодно. Начиная от расследований внутри самого УИБ и заканчивая расследованиями внутри Империи. Все знали, насколько у УИБ широк спектр интересов.

– Я веду дела о нарушениях устава на военных кораблях, находящихся в открытом космосе, – сообщила Изабелла.

– Так вот почему вы не встречаетесь с пилотами. Опасаетесь

столкновения интересов, – догадался Клозе. – И какой пункт устава я успел нарушить? Точнее, каким именно нарушением я привлек ваше внимание к своей скромной персоне?

– Сейчас речь идет не о ваших нарушениях.

– А о чьих же?

– Капитана вашего судна.

– Вы о том ублюдке, который всадил мне пулю в живот, а потом засунул в холодильник?

– Да, речь идет о полковнике Моргане. Вы желаете выдвинуть против него официальные обвинения?

– За что?

– За нанесение вам физического вреда и за то, что он подверг опасности вашу жизнь и здоровье.

– Нет.

– Почему?

– Вам нужна официальная версия или моя личная?

– А между ними есть разница?

– Огромная, – сказал Клозе. – На самом деле я не выдвигаю против него никаких обвинений, потому что намерен разобраться с ним лично, и не хочу никому перепоручать сие удовольствие. Но официально я всегда буду говорить, что этот чертов ублюдок всех нас спас.

– Не всех, – сказала Изабелла.

– Ну, он застрелил этого астрофизика, но на самом деле парень был уже мертв, – объяснил Клозе. – Видите ли, все дело в том, что у нас намечался некоторый дефицит кислорода.

– Он застрелил также и доктора Остин.

– Эту дуру? Правильно сделал. А за что?

– Они с профессором Снеговым утверждают, что доктор Остин находилась в состоянии крайнего нервного расстройства и набросилась на него, пока он спал. Полковник Морган застрелил ее в порядке самозащиты.

– Значит, сукин сын опять спит с пистолетом под подушкой, – сказал Клозе. – Но, честно говоря, я не понимаю сути ваших претензий. Полковник Морган выполнил приказ, доставил в Империю сведения особой важности и срочности и, по возможности, сберег членов экипажа и пассажиров. Он должен быть героем, черт побери. А вы ищете, как бы его подловить.

– К сожалению, таковы правила, – сказала Изабелла. – Но мне намекали, что мое расследование – чистая формальность. Просто чтобы галочку поставить. Информация, которую он доставил, позволила бы ему выйти сухим из воды, даже если бы он перестрелял весь экипаж без уважительных причин. Но я должна задать вам еще несколько вопросов.

– Для галочки?

– Именно. Чья это была идея насчет криокамеры?

– Идея витала в исчезающем воздухе, – сказал Клозе. – Поэтому сейчас сложно определить ее авторство. Полагаю, она пришла нам в головы примерно в одно и то же время.

– Как вы определили, кто должен занять место в криокамере?

– Монетку кинули, – сказал Клозе. – Извините, я так шучу. На самом деле этот вопрос и не стоял. Все просто. Я – пилот, он – капитан.

– То есть он просто приказал вам это сделать?

– Нет. Понимаете, это что-то вроде неписаного закона о взаимоотношениях экипажа и капитана. Экипажем в тот момент был я.

– И что же говорит этот закон?

– Экипажу обычно достается больше риска. А капитану – львиная доля ответственности. Вот я и выбрал риск. А вся ответственность досталась ему.

– И что вы думаете теперь о вашем капитане? Это вопрос не для протокола, можете не отвечать, если не хотите.

– Я думаю, что он ублюдок и скотина, – признался Клозе. – Последнее, что я мог от него ожидать, – это пуля в живот. Но если бы такая ситуация повторилась, я думаю, что мы оба поступили бы точно так же.

– То есть, у вас нет никаких претензий?

– Есть. Но вам я о них ничего не скажу. Только ему и только при нашей личной встрече. Главное – не забыть захватить на эту встречу бейсбольную битку.

– Вы играете в бейсбол?

– Нет, но бит у меня тоже целая коллекция.

– Тоже?

– Вы забыли о коллекции чучел.

– Ах, да.

– Могу я теперь задать пару вопросов? Что происходит в Империи?

– Много чего.

– Мне ничего не говорят, – сказал Клозе. – Связи с внешним миром нет, медсестры отшельничают фразами, что все нормально, и даже газет не приносят. Считают меня грибом.

– Наверное, вам просто нельзя волноваться.

– А что, есть плохие новости кроме тех, которые привезли мы?

– Я не уверена, что могу с вами об этом говорить без консультации с вашим лечащим врачом.

– Так проконсультируйтесь с ним, – сказал Клозе и вдавил кнопку вызова персонала. – Сестра!

Разрешение было получено только после того, как Клозе пригрозил вызвать врача на дуэль. Врач был виконтом, а потому знал цену баронскому слову. Он заявил, что Клозе уже достаточно окреп, и дал «добро» Изабелле рассказать все, что она сочтет нужным.

По большому счету, сказал врач, если человека не убивает пуля в живот и два месяца в криокамере, чуток плохих новостей ему не повредит.

Новостей оказалось немного больше, чем «чуток».

– Адмирал Клейтон, командующий Третьим имперским флотом, поднял мятеж, захватил звездную систему Гамма Лебедя и

провозгласил себя императором Новой Человеческой Империи, – сказала Изабелла. – Это произошло за полторы недели до вашего возвращения.

– С ума сойти, – сказал Клозе, с трудом удержавшись от нецензурных ругательств в присутствии женщины. – Сделал он это, как я посмотрю, крайне вовремя. И много кораблей он утащил с собой?

– Все корабли Третьего флота, которым командовал. Включая МКК «Зевс».

– Потрясающая лояльность, – вздохнул Клозе, вспомнив, кто ходил в адъютантах у Клейтона. – Империя в панике?

– Пока просто в легком шоке. Теперь никто не знает, чего надо больше бояться, – междоусобной войны с Клейтоном или нашествия таргов.

– Тарги? – переспросил Клозе.

ГЛАВА 2

– Тарги? – переспросил Юлий. – Кто придумал это название?

– Наши аналитики, – сказал Краснов.

– Почему именно «тарги»?

– Надо же как-то их называть. А самоназвания они нам, сам понимаешь, не сообщили.

– Полагаю, слово «тарг» расшифровывается как «таракан гадский», – сказал Юлий. – Кто-то из ваших аналитиков здорово повеселился.

Краснов пожал плечами.

Юлия доставили на борт «Сивого мерина» полчаса назад, прямо с «Наполеона», где он развлекался, отвечая на бесконечные вопросы сотрудников УИБ и внешней разведки.

Информацию извне ему практически не предоставляли, но о мятеже Клейтона он, конечно же, слышал. И полагал, что на «Сивый мерин» его вызвали именно по этому поводу. Правда, не представлял, в каком именно контексте.

Но сообщить генералу Краснову что-нибудь новое о таргах Юлий уже не мог. Из него выжали все, что он знал, и многое из того, что он мог просто предположить.

– Полагаю, ты знаешь, что произошло с Гаммой Лебеда, сынок? – не обманул его ожиданий Краснов.

– Немного, – признался Юлий.

– Прежде, чем мы продолжим, и ты узнаешь чуть больше, я хочу познакомить тебя кое с кем, – сказал Краснов.

Он распахнул дверь в соседнее помещение, и Юлий увидел высокого, стройного и красивого офицера в парадном мундире адмирала флота. Мужчине было на вид лет тридцать пять, маловато для адмирала без протекции, так что Юлий предположил, что вошедший принадлежит к высшему дворянскому сословию, и не ошибся.

– Познакомься, это герцог Романов, – сказал Краснов.

– Рад встретиться с графом Морганом, – сказал двоюродный брат императора. – Я хорошо знаю вашего отца.

– Все знают моего отца, ваша светлость, – буркнул Юлий, пожимая руку герцога.

– Не надо церемоний. Называйте меня просто «сэр». Или Антоном, если вам так будет угодно.

– Вполне достаточно и «сэра», сэр, – сказал Юлий. От панибратского общения с членами правящей фамилии он предпочел бы воздержаться.

– К делу, – сказал Краснов. – Гамма Лебеда захвачена мятежниками. Звездная система просто наполнена их кораблями.

– Простите, сэр, но каким образом вы так прокололись? – спросил Юлий. – Я не могу даже представить себе, что УИБ ничего не было известно о подготовке к бунту.

– Императора интересует тот же вопрос, генерал, – улыбнулся герцог.

Генерал и герцог, подумал Юлий. Директор УИБ и близкий родственник императора, наследник престола. По крайней мере, до тех пор, пока сыну императора не исполнится двадцать. И я теперь разговариваю с ними обоими.

Меня точно убьют. Это как компьютерная игра. Каждое следующее задание оказывается более опасным, чем предыдущее. Но свой лимит везения я, кажется, исчерпал еще на «Одиссее».

Что им надо от меня? Что этим двоим может потребоваться от простого пилота?

– Перед императором я уже отчитывался, – сказал Краснов. – Теперь отчитаюсь перед вами. УИБ знало о готовящемся мятеже. Но мы полагали, что у нас в запасе есть еще, по крайней мере, два месяца, и ждали новостей о таргах. Предполагалось, что наличие столь мощной внешней угрозы способно удержать от мятежа кого угодно и нет нужды прибегать при этом к силовым методам.

– Но я опоздал, – сказал Юлий. – Связи не было.

– Не суди себя слишком строго, – сказал Краснов. – Ты – единственный, кто вообще вернулся.

– Я так и не поверил вам, когда вы заявили, что «Одиссей» – единственный.

– Я должен был так сказать. А ты должен был не поверить, если у тебя между ушами есть хотя бы пара граммов мозгов. Было еще пять кораблей. На данный момент вернулся только ты. И я не думаю, что вернется кто-нибудь еще.

– Мы пока официально не обнародовали вашу фамилию, – сказал герцог. – Но как только мы это сделаем, вы станете национальным героем.

– Всегда мечтал стать национальным героем, – пробормотал Юлий.

– Слава не должна ударить тебе в голову, – сказал Краснов. – Впереди нас ожидает чертова уйма самой неблагодарной работы. Основная проблема с Клейтоном заключается в том, что глава резидентуры УИБ в Третьем флоте перешел на сторону новоявленного императора и сдал всю сеть. Если там и остались верные Империи люди, нам пока никак не удастся выйти с ними на связь. Отсюда и некоторая путаница со сроками мятежа.

– Император считает, что сейчас не время искать виноватых, – заметил герцог. – Теперь надо расхлебывать последствия.

– Проблема налицо, – сказал Краснов. – Через восемь месяцев нам на голову свалится флот вторжения таргов, и накануне самой грандиозной войны в истории человечества мы потеряли треть имперского флота. Нам надо вернуть контроль над ней в самые короткие сроки.

– Кроме того, надо налаживать отношения с соседями, – сказал герцог. – У них тоже есть кое-какие корабли. Достаточно вернуть их на марсианские верфи и модернизировать систему вооружения.

Ерунда, подумал Юлий. Объединенные флоты независимых планет дадут от силы двадцать процентов того, что ВКС потеряли с мятежом Клейтона. Корабли независимых были слишком старыми, и среди них не было ни одного судна серьезнее линкора.

Дредноуты Империя на сторону не продавала. Даже списанные.

– Кстати, сынок, если тебе интересно, Хорезм под шумок аннексировал Бигар и провозгласил его мусульманской территорией, – сказал Краснов. – Сукины дети хорошо подгадали

момент.

– Они все хорошо подгадали момент, – сказал герцог. – Но император считает, что сейчас мы должны забыть все наши разногласия и выступить единым фронтом.

– А вы беседовали с адмиралом Клейтоном? – спросил Юлий.

– Только по гиперсвязи. Но в ближайшее время мы собираемся выслать к Гамме Лебеда официальное посольство.

– Но предварительное мнение о позиции Клейтона у вас уже есть? Или это не мое собачье дело?

– Это твое собачье дело, сынок, – сказал Краснов. – Предварительное мнение – полная жопа. Он отказывается идти на сотрудничество. А теперь я хочу проверить твою сообразительность. Почему именно Гамма Лебеда? Почему не Альфа Эридана?

Юлий попытался вспомнить, что ему известно о потерянной для Империи системе. Вспоминалось не слишком много.

– В систему Гамма Лебеда входит семь планет, – сказал Юлий. – Две планеты земного типа, обе заселенные. Одна представляет собой аграрную планету, другая – индустриальную. Три шахтерские планеты с богатым выбором природных ресурсов. И два газовых гиганта. Общее население системы составляет около восьми миллиардов человек.

– Продолжай, – кивнул Краснов.

– Система Гамма Лебеда является хорошо сбалансированной и самодостаточной системой, поддержание нормального уровня жизни которой не требует поставок извне. Иными словами, они могут запереться в своей системе на пару сотен лет и практически ничего от этого не потеряют.

– А еще она находилась очень близко к месту базирования Третьего флота, – сказал Краснов. – Тест ты сдал. Теперь о деле. Посольство к Клейтону отправляется завтра, и возглавит делегацию герцог Романов. Ты войдешь в состав делегации в качестве его адъютанта. Скажи мне, зачем ты там нужен.

– Из-за моего брата, – сказал Юлий.

– Верно.

– Но вы ошибаетесь, – сказал Юлий. – Мы с братом никогда не были особенно близки, к тому же я не встречался с ним уже лет пять.

– Тем не менее, это шанс, – сказал Краснов. – Маленький и не слишком надежный, но шанс. А мы сейчас находимся в настолько отчаянном положении, что должны использовать все шансы, сколь бы мизерными они нам ни казались.

Час спустя Юлий наслаждался мастерством кока «Сивого мерина» в обществе высокопоставленных персон.

Ему предстояло заняться дипломатией. По сравнению с его предыдущим заданием это выглядело не так уж страшно. Правда, последствия их миссии могли оказаться еще более катастрофическими, но на этот раз основная ответственность упала мимо могучих плеч полковника Моргана.

– Я знал, что ты вернешься, сынок, – сказал Краснов, отправляя в рот кусок семги. – С вашей семьей очень странная история. Все мужчины Морганов были пилотами и всегда участвовали во всех войнах Империи, но ни один из них не погиб в бою.

– Да, – сказал Юлий. – Обычно нас убивают уже после боя.

– Твой дед погиб во время покушения на принцессу Елену.

– Полагаю, он пытался закрыть ее своим телом, – сказал герцог Романов. – Видит Бог, там было что закрывать.

Юлий знал, что ни один Морган не погиб во время военной службы. Но он всегда всерьез полагал, что может стать первым.

Это и в самом деле было странно.

Морганы всегда были верны императору, поэтому во все века ими затыкали самые опасные дыры. Первый граф этой фамилии возглавлял самоубийственную атаку на верфи Марса, захват которых стал ключом к Солнечной системе, а потом здорово помог дому Романовых в деле становления Империи.

Морганы всегда были верны Империи. В их длинном ряду его старший брат Гай стал первым изменником, бросившим тень на всю семью.

– Мне было крайне важно, чтобы ты вернулся, – сказал

Краснов. – И чтобы весть о нашествии Чужих доставил именно ты.

– Вы думаете, у меня получится убедить Гая хоть в чем-то?

– Ты был там. Ты их видел. Но сейчас, когда мятеж из потенциального стал реальным, дело уже не только в Гае. Дело в твоём отце.

– Что с моим отцом?

– Питер Морган – влиятельный человек и личный друг и советник императора, – сказал герцог Романов. – Весть о том, что его старший сын встал на сторону бунтовщиков, может сильно навредить его авторитету.

– И тогда на сцену выходит его младший сын, весь из себя героический и лояльный, и выступает в качестве противовеса? Хороший Морган против плохого Моргана ради старшего Моргана?

– Это политика, – сказал герцог. – Мы вынуждены ею заниматься. Мы обязаны все просчитывать.

– Что ж вы не просчитали мятеж Клейтона?

– Мы просчитали. Ошибка вышла только с датой, – напомнил Краснов.

– Да и я припозднился, – сказал Юлий.

– Вы проявили героизм, полковник, – сказал герцог. – Если вы хотите сделать карьеру, то одного раза вполне достаточно. Но если хотите принести пользу Империи, то героизм надо проявлять постоянно. Где бы вы ни оказались.

– Не вижу ничего героического ни в полете «Одиссея», ни в предстоящих переговорах.

– Не скажи, сынок. – Краснов промокнул рот салфеткой. – Хотя мне и не очень нравится это слово – героизм. Лучше уж другое. Долг. Твой долг – служить императору там, куда он сочтет нужным тебя послать.

– Император или вы, сэр?

– Я – лишь голос императора.

А также его мозги, подумал Юлий. Он начал сомневаться в своей первоначальной оценке Краснова. Вполне может быть и так, что

генерал действительно играет роль «серого кардинала». По крайней мере, в их связке с герцогом ведущим явно был директор УИБ, а не брат Виктора Второго.

Это открытие Юлию не понравилось. Оно подрывало остатки его веры.

– Один французский король говорил: «Государство – это я», – продолжал Краснов. – Я не знаю, насколько это было верно в те времена, но сейчас подобные формулы не работают. Политика – это командная игра, и одиночки в ней не преуспевают.

Герцог Романов кивнул.

– Император – капитан нашей команды, – сказал он. – Но он один не сможет сделать всю игру.

– Ваши разговоры пахнут изменой, – улыбнулся Юлий двоим сильным мира сего. – Император – это символ государственности. Он является гарантом прав и свобод своих подданных.

– Ты уже взрослый, сынок, – сказал Краснов. – Можешь не цепляться за фразы из учебников.

– А отец в курсе моего участия в переговорном процессе?

– Он принимал участие в обсуждении этой идеи. И в обсуждении твоей кандидатуры в качестве капитана «Одиссея».

Что ж, подумал Юлий, кажется, я задолжал папаше пару неприятных минут. Если доживу до встречи с ним, то обязательно припомню. А чтобы не забыть, набросаю основные тезисы.

– Каково мое нынешнее задание? Какую роль вы мне отвели на этот раз?

– Ты будешь присутствовать на переговорах герцога с адмиралом Клейтоном, – сказал Краснов. – Попутно ты должен оценить состояние его флота и дать свою оценку настроениям людей. Было бы идеально, если бы ты смог встретиться со своим братом в неформальной обстановке.

– И что мне с ним делать? Придушить?

– Я не сторонник радикальных решений, – сказал Краснов. – Попробуй для начала поговорить с ним, что ли.

– Понятно. А я могу задать вопрос, имеющий отношение к предыдущему моему заданию? – спросил Юлий.

– Конечно, сынок.

– Что с моим вторым пилотом?

– А тебе так и не сообщили?

– Нет. Меня все время только расспрашивали, но никто не удосужился ответить ни на один мой вопрос.

– С твоим вторым пилотом все нормально. Он был отправлен в госпиталь на Эдеме, сейчас благополучно разморожен и проходит курс реабилитации. И если уж тебя интересует эта ситуация, то дисциплинарный комитет уже вынес решение по поводу правомерности твоих поступков, и ты полностью оправдан. И в случае с пассажирами тоже.

Юлий не слишком сомневался в положительном решении комитета, но все-таки ему полегчало. При всеобщем армейском идиотизме он бы не удивился, если бы в итоге его отдали под трибунал.

– А Снегов?

– С ним тоже все нормально. Истощение организма, что с учетом его возраста потянуло за собой все остальное, но сейчас он приходит в норму. Кстати, он превозносит до небес твое искусство пилота. А похвала такого человека дорогого стоит.

– Я польщен, – сказал Юлий.

– Надеюсь, вы окажетесь и хорошим дипломатом, – сказал герцог.

– Дипломатия – это та же война, – сказал Краснов. – Только другими средствами.

– Клаузевиц? – поинтересовался герцог.

– Я, – сказал Краснов.

ГЛАВА 3

– О чем вы думаете?

– О таргах.

– И что именно вы о них думаете?

– У Юлия есть один забавный пунтик, – сказал Клозе. – Ему всегда интересно знать, кто выдумал то или иное название.

– А вам не нравится слово «тарги»?

– Большой частью мне не нравятся те, кого этим словом называют.

– Существует целое министерство, которое придумывает названия, – сказала Изабелла. – Оно называется министерством пропаганды. Думаю, его сотрудники выбирали из многих вариантов.

– Тараканоиды, – предположил Клозе.

– Или тараканозавры. Но название не должно быть слишком длинным. Оно должно легко запоминаться.

– Стоит только увидеть эту тварь, и ты ее уже никогда не забудешь, – сказал Клозе. – По-моему, название «тарги» недостаточно отвратительно. Оно не передает сути явления, которое обозначает.

– Насколько я знаю, далеко не все тарги похожи на тараканов.

– Да? И многих вы уже видели?

– Ни одного. Но мне рассказывали коллеги.

– УИБ не боится утечки информации?

– О вторжении оповещено уже все человечество.

– Включая размер флота?

– Да. Император заявил, что не собирается лгать своим подданным и преуменьшать опасность.

– Красивый ход, но я не уверен, что правильный.

– Вы критикуете императора в присутствии сотрудника УИБ?

– Когда мне собираться на каторгу?

– Как только вы сможете передвигаться без кресла-каталки.

Клозе поднял руки вверх.

– Это будет не скоро.

– Медсестры жалуются на вас. Говорят, что вы гоняете по коридорам, нарушая все правила техники безопасности.

– Я – пилот и не умею передвигаться по-другому. Не надо было доверять мне техсредства.

– Все пилоты – сумасшедшие.

– Поэтому вы отвергли Юлия в первый вечер знакомства?

– Вас настолько задевает, что я отказала вашему другу, что вы до сих пор не можете об этом забыть?

– Во-первых, он мне не друг. А во-вторых, я хотел бы знать причину вашей нелюбви к пилотам. Из корыстных соображений.

– Майор Клозе!

– Что, капитан де Вильер?

– Что означает ваше последнее высказывание?

– Я имею честь предложить вам перейти на «ты».

– Я не перехожу на «ты» со свидетелями.

– Разве расследование еще не закончено? А я-то, дурак, полагал, что вы навели меня не по служебным делам.

– Вы себе льстите, майор.

– Всегда.

– Я согласна говорить вам «ты» только при одном условии. Вы позволите мне называть вас Генрихом.

– Никогда, – сказал Клозе.

– Вам не нравится это имя?

– Я себя с ним не отождествляю, – сказал Клозе. – Меня называют Генрихом только в кругу семьи, поэтому я стараюсь проводить в Баварии как можно меньше времени.

– А как вас называют ваши друзья?

– У меня нет друзей.

– Почему?

– Я слишком мрачен и нелюдим, – сказал Клозе. – К тому же я циник, матерщинник, пофигист и отличный пилот, за что меня никто не любит.

– Вы думаете, что вам завидуют?

– Сразу видно следователя. Вы задаете слишком много вопросов.

– Работа такая, – согласилась Изабелла. – А работа накладывает на человека определенный отпечаток. Я задаю много вопросов, а вы гоняете по коридорам на кресле-каталке и пугаете медсестер.

– Я не очень люблю медсестер. Они видели меня в таком виде, в каком я сам себя не видел.

– Вы должны быть им благодарны за то, что они для вас делают.

– Быть благодарным человеку не совсем то же самое, что испытывать по отношению к нему дружескую симпатию, – сказал Клозе.

– Поэтому у вас и нет друзей, – сказал Изабелла. – Но разве вы не считаете полковника Моргана своим другом?

– У нас с полковником гораздо более сложные взаимоотношения.

– И как бы вы охарактеризовали эти сложные взаимоотношения?

– Мы – двое психически нездоровых людей с очень похожими симптомами болезни, – сказал Клозе.

– А если серьезно, Генрих?

Клозе поморщился, как будто прожевал целый лимон.

– Я не могу быть серьезным слишком долго.

– Разве вы не были серьезным тогда, когда пришли ко мне просить, чтобы я встретилась с полковником Морганом, тогда еще майором?

– Тогда – был. Но последствия моей тогдашней серьезности мучили меня еще целую неделю.

- Генрих, – сказала Изабелла.
- Нет! – взмолился Клозе.
- Генрих.
- Лучше иголки под ногти.
- Вы не представляете, о чем просите, Генрих.
- А вам уже доводилось использовать этот метод на практике?
- Пусть это останется моей маленькой тайной, Генрих.
- Если вы еще раз назовете меня Генрихом, я завою на весь сад.
- Генрих.

Клозе завыл.

Прогуливающиеся вокруг больные посмотрели на него с удивлением и сочувствием. Наверное, подумали о серьезной контузии и ее неожиданных осложнениях на мозг.

Секунд через тридцать появилась запыхавшаяся медсестра. Клозе перестал выть и мило улыбнулся.

– А, это вы, – холодно сказала медсестра. – Развлекаетесь, больной?

– По мере возможностей, – сказал Клозе. – И если вы не хотите, чтобы я продолжал свои развлечения, то убедите эту обворожительную женщину перейти со мной на «ты», но ни в коем случае не называть меня Генрихом.

– Лучше сделайте, как он просит, – сказала медсестра Изабелле. – Психи в это время года особенно опасны.

– Это говорит медицинский работник, – сказал Клозе. – Прислушайтесь к мнению профессионала, капитан.

– Хорошо, – сказала Изабелла. – И как мне тебя называть?

– Клозе.

– Неужели у тебя нет какого-нибудь прозвища?

– Есть, но его нельзя произносить в присутствии дам.

– Успокоились, больной? Тогда я пойду.

– Постарайтесь расчистить мне трассу, – сказал Клозе. – Когда я

ехал по коридору последний раз, то чуть не налетел на какой-то шкаф с медикаментами.

Медсестра фыркнула и оставила их вдвоем.

– Неужели все окружающие называют тебя по фамилии?

– И мне это нравится, – сказал Клозе.

– Как я вижу, тебе также нравится, когда люди считают тебя хуже, чем ты есть.

– Вранье, – сказал Клозе. – Я всегда был плохим парнем.

– Вот, снова.

– Лучше скажи мне, что ты тут делаешь?

– Пришла навестить неизвестного общественности героя.

– В моем поступке нет ни капли героизма, – сказал Клозе.

– Я хочу услышать об этом подробнее, – сказала Изабелла. – Мне интересно, как два таких д... дебила, как вы, смогли принять такое решение.

– Это в интересах расследования?

– Нет, это интересно мне лично.

– На самом деле решение было очевидно, и его никто из нас не принимал. Оно просто пришло как данность, – сказал Клозе. – Конечно, минут пять мы препирались между собой, выясняя, кто это сделает, но итог был очевиден для обоих. Тем не менее, процедура препирательств была необходимой. Это как... Как-то раз Юлий сказал мне, что Империя по ходу своего существования должна протанцевать несколько обязательных танцев.

– Танцев?

– Это как ритуал, – сказал Клозе. – Иногда мне кажется, что вся наша жизнь – это череда танцев, которые мы вынуждены танцевать от рождения и до смерти. Все движения, позы и повороты прописаны заранее. Остается только повторить их, зная конечный результат. Вот и на борту «Одиссея» мы протанцевали несколько па, прежде чем он засунул меня в холодильник. Не мог же он молча в меня выстрелить, правильно? Да и я должен был ему что-то сказать, снять с него хотя бы часть ответственности. Ты представляешь себе, какое это решение

для капитана – выстрелить в члена своего экипажа? Даже если это для пользы дела?

– Наверное, это тяжело.

– Я тоже так думаю, – сказал Клозе. – Но когда мы завели этот разговор, мы уже знали, что я лягу, а он останется. Это один из вопросов, который не прописан в уставе, но который подразумевается самим принципом армейской дисциплины. Принципом дурака.

– Принципом дурака?

– Ты начальник – я дурак, – сказал Клозе. – Имперская армия, да и любая другая армия в мире, является сборищем дураков, потому что может работать только по этому принципу. Армия – это то место, где инициатива наказуема. Солдат – это машина для выполнения приказов. Солдат и любой офицер званием ниже генерала не должен думать. Мышление только замедляет процесс выполнения приказа.

– Тебе не нравится в армии?

– Нет, а тебе?

– Здесь я задаю вопросы.

– Я и забыл, – сказал Клозе. – Нет, мне не нравится в армии. И одна из причин, почему мы с Юлием вступили в наши сложные взаимоотношения, которые я описывал раньше, это то, что ему тоже не нравится в армии. Но ему тяжелее, чем мне.

– Почему?

– Потому, что я сумел стать выполняющим приказы дураком, а он – нет. Он все время думает. О причинах, по которым ему отдали приказ, и о последствиях, к которым приведет выполнение этого приказа.

– А ты не думаешь?

– Стараюсь. Мы воевали на Сахаре – это была самая идиотская война, которую только можно себе представить. Ее и войной-то запрещено было называть, хотя люди гибли почти каждый день. Я не думал и потому чувствовал себя вполне сносно. А Юлий думал и чуть не довел себя до самоубийства.

– Я знала его недолго, но он не произвел на меня впечатление человека, способного на суицид.

– Первое впечатление обманчиво, – сказал Клозе. – Кто, как не следователь, должен это знать? Когда я только познакомился с Юлием, он не произвел на меня даже впечатление человека, способного думать в принципе. Кстати, ты не знаешь, где он сейчас?

– На Эдеме его нет, иначе мне пришлось бы его допрашивать. А больше мне ничего не известно. Наверное, снова поступил в распоряжение УИБ. Почему мы все время разговариваем о Юлии?

– А разве не его преступную деятельность ты должна расследовать?

– Верно, чуть не забыла.

Почему я здесь? – подумала Изабелла.

Потому, что эти двое мне интересны. Они так похожи друг на друга и в то же время такие разные. Интересно, а я пришла бы сюда снова, если бы в госпитале лежал Юлий, а не Клозе? И чего я хочу добиться этими визитами? Узнать больше о Юлии или о самом Клозе?

– Могу теперь я задать пару вопросов? – спросил Клозе.

– Это мне, профессиональному следователю?

– Да.

– Попробуй.

– Почему ты стала профессиональным следователем? Женщину не часто встретишь в УИБ.

– Потому, что там, куда я хотела пойти, женщин нельзя встретить вообще, – сказала она и тут же испугалась своей откровенности. Оставалось только надеяться, что Клозе не поймет истинного смысла ее высказывания.

Но Клозе понял.

Он был далеко не дурак, хотя только что и утверждал обратное.

Лицо его стало серьезным, как только он понял, что речь идет о несбывшихся мечтаниях.

– Я думаю, сейчас наступает как раз то время, – сказал он, – когда женщин начнут брать в летную академию.

В детстве все мальчики мечтают стать пилотами, а все девочки –

фотомоделями. Но она выпадала из общего правила. У нее были мечты мальчика.

Конечно, родители говорили ей, что в летные академии не берут девочек, но в детстве ей казалось, что для нее сделают исключение. Может быть, даже личным императорским указом.

И она станет пилотом и докажет, что и девчонка может показывать чудеса высшего пилотажа на истребителях и водить в космосе крейсера и линкоры.

Гражданская космонавтика, куда женщин все-таки брали, никогда ее не прельщала. Настоящий ас может быть только военным. Все или ничего. Компромисс невозможен.

Лет до двадцати никто из нас не согласен идти на компромиссы.

И в восемнадцать лет, когда из академии пришел первый вежливый отказ, она еще думала, что сможет что-то изменить. Верила, что любую стену можно пробить собственным лбом.

Второй отказ, полученный в девятнадцать, не смог поколебать ее убежденности.

Но третий, полученный через год и уже не такой вежливый, заставил ее усомниться в крепости собственного лба.

Родители в два голоса утверждали, что девушке нечего делать ни в армии, ни в коммерческой космонавтике, и, в конце концов, убедили ее получить гражданское образование. Она поступила на юридический.

Когда она уже заканчивала университет, на последнем курсе был объявлен конкурс для набора в следственный отдел УИБ. Она подала туда документы из принципа. Женщин в УИБ брали, но не слишком охотно. То, с чем мужчина справлялся посредственно, женщина должна была делать превосходно, иначе у нее не было ни единого шанса на карьерный рост.

Родители приняли ее решение в штыки, но теперь она уже была непреклонна.

Выдав почти стопроцентные результаты на тестах, она поступила в УИБ.

Поработала на некоторых планетах в отделах по связям с общественностью, а потом, когда ее опыт посчитали достаточным,

она получила новое назначение.

В отдел расследований правонарушений в открытом космосе. Ирония судьбы. Она не могла стать пилотом, зато теперь пилоты были частью ее работы. И у нее появилась хорошая возможность портить им жизнь.

Стоит, однако, признать, что делала она это только в тех случаях, когда пилоты преступали закон.

Но она не встречалась с пилотами. К детской обиде на весь летный состав ВКС добавилась профессиональная этика. Нельзя спать с теми, чью деятельность тебе, возможно, придется расследовать.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она. – Почему это женщин начнут туда брать?

– Грядет война, – сказал Клозе. – Для победы в этой войне Империи понадобятся все ресурсы, в том числе и людские. Думаю, что правила набора в академию будут пересмотрены, и все будет зависеть только от способностей, а не от пола. Нас ожидают большие потери.

– Я не хотела бы исполнения своей мечты такой ценой.

– Не загадывай желаний – они могут исполниться, – сказал Клозе. – Банально, но факт. Чем недостижимее мечта, тем дороже приходится за нее платить.

– А о чем мечтает неустрашимый майор Клозе?

– Честно?

– Откровенность за откровенность, – сказала она. – Я была с тобой более чем просто честна. Никто из моих нынешних знакомых не знает о стремлениях моего детства.

– Неустрашимый майор Клозе мечтает об очаровательном капитане де Вильер, – прямо и без тени смущения сказал Клозе.

– И впрямь неустрашимый, – пробормотала она. – У тебя всегда такой деликатный подход к женщинам?

– Нет, иногда я бью их по голове и тащу в кусты, – сказал Клозе.

– Значит, я должна считать, что мне повезло? – уточнила Изабелла.

– Просто я еще не до конца оправился, – объяснил Клозе.

– Возблагодарим врачей за несовершенство современной медицины. А как же Юлий?

– А что с Юлием?

– Я ему уже не нравлюсь?

– Какое мне дело? Вы не помолвлены и не женаты. Я – за свободную конкуренцию. И я даже верю в свободу выбора женщины. В определенных пределах, конечно. Когда она выбирает меня.

ГЛАВА 4

Самой мощной боевой единицей военно-космических сил Человеческой Империи по праву считались мобильные космические крепости класса «порядок». Они были настолько мощны, что за все сто пятьдесят лет своего существования ни разу не участвовали в военных действиях. Стоило только такой штуковине появиться неподалеку от непосредственного места событий, как противники Империи поднимали руки кверху и превращались в самых лояльных имперских подданных. Иными словами, сразу же наступал полный и окончательный порядок.

У любого космического корабля существует определенное количество точек, прямое попадание в которые ведет если не к финальному ущербу, то к ущербу, очень близкому к финальному. Такими местами являются двигатели, основные и вспомогательные реакторы, а также склады боеприпасов.

У МКК эти реакторы и склады спрятаны настолько глубоко, что для попадания в них надо сначала расколошматить всю крепость. А это само по себе ведет к финальному ущербу.

Двигателей, которые по вполне понятным причинам нельзя спрятать под толстыми слоями брони, у МКК не было вообще. Вместо них были созданы специальные буксиры, способные разогнать МКК до скорости света и вогнать ее в гипер. В боевом режиме эти буксиры прятались внутри станции, за многослойными бронированными переборками, крепость временно теряла свою мобильность, зато становилась практически неуязвимой.

У Империи таких монстров было три – по одному на каждый из флотов. МКК носили имена древних богов.

МКК «Тор», МКК «Зевс» и МКК «Шива». Юлий помнил, что все трое были не самыми приятными богами.

Молот, молния и трезубец.

Третий космический флот под командованием адмирала Клейтона, провозгласившего себя императором Клейтоном, обладал молнией.

А теперь ею обладала Новая Человеческая Империя.

Государство, владеющее рекордным по отношению к численности своего населения военно-космическим флотом.

Юлий был в первую очередь истребителем, поэтому каждый космический объект рассматривал с точки зрения атаки. МКК всегда его подавляли. Он не знал, с какой стороны к ним можно подступить.

Почти идеальный шар десяти километров в диаметре.

МКК способна вести огонь одновременно по всем направлениям. Она предназначена как для поддержки мобильных группировок, так и для плотной работы по поверхности планеты. В ее ангарах содержится целое крыло сверхмалых истребителей.

Теоретически, для полного уничтожения одной МКК требуется совместная работа минимум пятидесяти кораблей классом не ниже линкора. Плюс корабли поддержки. Минимальное время, за которое можно раздолбать МКК – шесть часов, время, немыслимое для космического боя. Минимальные потери атакующих – пятьдесят процентов.

Это при самом лучшем раскладе.

Но если командир МКК проявит себя достаточно грамотным в вопросах тактики, потери нападающих доходят до девяноста процентов, а цель атаки – уничтожение МКК – остается недостигнутой.

Все это Юлий вспомнил в тот момент, когда катер с имперской дипломатической делегацией шлюзовался в одном из гостевых ангарах МКК «Зевс».

Дредноут «Александр Великий», подобающий для путешествия особо важных персон, которой, вне всякого сомнения, являлся герцог Романов, лежал в дрейфе в двух боевых единицах от МКК, что несказанно нервировало его капитана и экипаж. Любой грамотный военный знает, что одного залпа МКК будет вполне достаточно для превращения самого защищенного корабля имперского флота в атомную пыль.

И даже самый грамотный военный не может угадать, какая

мысль придет в голову человеку, способному предать своего императора и нарушить свой воинский долг.

Когда имперская делегация в составе четырех человек – самого герцога Романова, Юлия, выступающего в роли его адъютанта, какого-то высокого чина из УИБ и адмирала с совершенно непроизносимой японской фамилией – покинула борт катера, их встретил только один военный в чине капитана. Это было намеренное оскорбление со стороны принимающей стороны, но дипломаты решили быть дипломатичными и проглотили его без последствий.

Капитан привел их в комнату для переговоров.

Помещение было почти пустым. Один стол и два кресла для глав переговаривающихся сторон. Остальным достались только стоячие места.

Адмирал Клейтон в сопровождении другого Моргана, тоже адъютанта, какого-то десантного генерала и контр-адмирала Эстона, командующего МКК, заставил себя ждать почти полчаса. Это было еще одно оскорбление, и Юлий определил, что герцог начинает медленно закипать. За время полета на «Александре Великом» Юлий был вынужден часто общаться с герцогом, и сделал для себя вывод, что в дипломаты тот никак не годится. Слишком резок и невыдержан в суждениях.

Но император не мог рисковать сам и прислал своего прямого наследника.

– Добрый день, господа, – сказал адмирал Клейтон, не извинившись за опоздание и не подав герцогу руки. – Что просил вас передать мне мой царственный брат?

– Что он не считает вас своим царственным братом, – сказал герцог.

– И кем же он меня считает? – любезно поинтересовался мятежный адмирал.

– Бунтовщиком.

Они не договорятся, подумал Юлий. Они обменялись только парой фраз, и я уже вижу тупик, в который зайдут эти переговоры.

– Петра Первого тоже называли бунтовщиком, – напомнил адмирал Клейтон. – Но потом его стали называть императором.

Однако с прошествием времени его Империя начала гнить. Пришло время создать Новую Империю.

Юлий хотел бы поинтересоваться, чем новая империя будет принципиально отличаться от старой, но слова ему никто не давал. Тогда он стал смотреть на брата.

Гай Морган. Старше Юлия на десять лет. Тоже полковник. Но это временно. В только что создавшихся империях люди растут очень быстро.

Гай был похож на Юлия, но еще больше он был похож на отца. Их сходство усиливала гримаса надменного превосходства, застывшая на лице старшего брата.

Они никогда не были особенно близки с братом. Из всех родственников лучшие отношения у Юлия были с Пенелопой. Зато Гай был тем, на кого равнялся маленький Юлий. Блистательным военным и превосходным пилотом.

Теперь он стал мятежником. Уж этого Юлий точно не ожидал.

– Давайте сейчас не будем спорить о терминах, – предложил герцог. – Лучше обсудим сложившуюся ситуацию. Вы ознакомились с теми отчетами, что мы отправили вам по гиперсвязи?

– О, да, – сказал Клейтон. – Они очень убедительны, на этот раз люди из УИБ превзошли самих себя. Столь масштабных фальсификаций мне видеть еще не доводилось.

– Фальсификаций?

– Разумеется. Неужели вы считаете меня настолько глупым, что я способен поверить в историю о громадном инопланетном флоте вторжения, появившемся у границ вашей Империи в столь удобное для вас время?

Юлий отметил слова «ваша Империя».

– Вы видели записи с внешних камер, вы видели данные тактического компьютера, вы видели интервью с присутствующим здесь живым свидетелем – полковником Морганом, и вы все равно считаете, что мы пытаемся ввести вас в заблуждение?

– В наш век информация – не только самый дорогой, но и самый подделываемый товар, а слово полковника Моргана, цепного пса дома Романовых, в моих глазах не стоит и ломаного яйца.

И выведенного гроша, добавил про себя Юлий, не забыв отметить и «цепного пса дома Романовых».

Все-таки дипломатией должны заниматься профессиональные дипломаты, а не военные.

И герцог, и адмирал говорят именно то, что они думают. Для переговорщика это качество неприемлемо.

Дипломат десять раз подумает, а потом промолчит, в то время как военный начнет резать правду-матку и будет резать ее до тех пор, пока не зарежет.

Империя никогда не использовала дипломатов в переговорах с бунтовщиками. Может быть, это был ее минус.

Юлий продолжал следить за своим старшим братом. При словах про цепного пса на лице Гая Моргана не дрогнул ни один мускул.

– Если бы мы хотели солгать вам, то придумали бы что-нибудь более убедительное, – сказал герцог. – Более правдоподобное. Но мы не лжем.

– Допустим, что я поверил в вашу чудовищную ложь, – сказал Клейтон. – И что вы от меня хотите?

– Сейчас мы ведем переговоры со всеми независимыми государствами о создании единого военно-космического флота для отражения внешней угрозы. Нам нужны ваши корабли.

На этот раз Юлий отметил, что герцог говорит «мы» вместо «Империя» и избегает называть титул своего собеседника.

– И кто должен возглавить сей гипотетический флот?

– Это обсуждается.

Ложь, подумал Юлий. Ложь, которая слишком легко просчитывается. Империя никогда не отдаст в чужие руки командование своими боевыми кораблями, тем более что сама владеет девяноста процентами этого флота.

Точнее, владела ими до мятежа Клейтона, отнявшего у императора треть кораблей.

Клейтон не мог поверить в заявление герцога, он в него и не поверил.

– Мои корабли вы никогда не получите.

– Ваши? – уточнил герцог.

– Мои. В отличие от вас, я – боевой адмирал и заслужил право командовать этими людьми. Я стал адмиралом в пятьдесят пять, а не в тридцать, и стал им потому, что честно служил и воевал, а не потому, что мне повезло родиться родственником важной шишки. Дворяне! – фыркнул Клейтон. – Все ваши титулы гроша выеденного не стоят. Я не родился дворянином только потому, что мой прадед не резал глотки вместе с прадедом вашего драгоценного императора. А теперь я сам стал императором и тоже могу раздавать титулы направо и налево.

Переговоры будут короткими, подумал Юлий.

Эти два кретина уже готовы вцепиться друг другу в глотки. Но они сегодня не будут убивать друг друга, потому что завтра мы сделаем это за них.

– Я вам даже больше скажу, – продолжал Клейтон. – Вы здорово просчитались, когда придумывали своих инопланетян.

– Что вы имеете в виду?

– Они летят не с той стороны, – сказал Клейтон. – Судя по вашим же собственным данным, этим мифическим пришельцам понадобится пролететь через всю вашу Империю, прежде чем они доберутся сюда. Я думаю, что вы с вашим флотом зададите этим пришельцам хорошую трепку и, если их остатки все-таки сюда прилетят, мы их раздавим.

Иными словами, Клейтон собирается использовать пятьдесят миллиардов человек – население Империи после отделения системы Гаммы Лебедя плюс жителей независимых планет – в качестве буфера между собой и флотом вторжения.

И это явно его продуманная позиция, хотя он и уверяет, что не верит в Чужих.

Вот она, политика, подумал Юлий.

– Если Человеческая Империя падет, вашей системе не выстоять в одиночку, – сказал герцог Романов.

– Я все-таки рискну.

– Вы рискуете не только своей судьбой, но судьбой всего человечества.

– Избавьте меня от вашей дворянской напыщенности.

– Вы готовы принести миллиарды людей в жертву своим амбициям?

– Я взял на себя ответственность за систему Гаммы Лебедя. И я готов оберегать этих людей, своих подданных. А вы свою Империю защищайте сами.

Вселенная может быть и бесконечна, но она слишком тесна для двух человеческих империй, подумал Юлий. У Чужих есть хорошие шансы взять нас без единого выстрела. Мы готовы уничтожить себя сами.

Обе делегации отбыли, и Юлий остался в переговорной комнате один. Под конец короткого и ни к чему не ведущего разговора он обратился к Клейтону с просьбой позволить ему поговорить с братом наедине, и, к его величайшему удивлению, такая возможность была ему предоставлена.

Клейтон сказал, что его брат придет сюда через двадцать минут, а после окончания их беседы Юлий будет доставлен на борт «Александра Великого» катером с «Зевса».

Герцог и сопровождающие его лица отбыли, и Юлий остался один на территории врага.

Он закурил сигарету и собрался с мыслями. Он был слишком незначительной фигурой, чтобы его могли захватить и использовать в качестве заложника, но он все равно нервничал.

Он поймал себя на мысли, что находится в состоянии непрерывного нервного стресса последние несколько месяцев. Это явно не доведет до добра.

– Привет. – Гай уселся в кресло, нагретое задом новоявленного императора.

– Привет, – сказал Юлий. – Я смотрю, твой босс тебе полностью доверяет.

– А твой тебе разве не доверяет?

– Говоря по правде, у меня столько боссов, что я не могу тебе точно ответить на этот вопрос.

– Понимаю, – сказал Гай. – Чего хотел?

– Покурим?

– Я не курю. Бросил пару лет назад.

– Вижу, ты радикально взялся за перемены в своей жизни.

– Перемены неизбежны.

– Но Морганы всегда сохраняли лояльность по отношению к императору.

– Я же говорю, перемены неизбежны.

– А как же честь?

– Сколько тебе лет?

– Я – твой брат, и ты не помнишь, сколько мне лет?

– Это был риторический вопрос. Конечно, я помню. Двадцать пять.

– Двадцать шесть.

– Когда тебе исполнится лет тридцать, ты поймешь, что в жизни есть и более важные вещи, чем честь.

– Например?

– Например, сама жизнь.

– С того момента, как я услышал о бунте Клейтона, я думал, что же заставило тебя принять его сторону. У меня было только две версии: тебя либо купили, либо запугали. Теперь я вижу, что верна вторая.

– А тебе не приходило в голову, что сюда меня привели мои убеждения?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю. Я просто не верю в измену по убеждениям.

– Петра Романова тоже называли изменником. Позже он стал героем.

– Твоему адмиралу подобное не грозит. Он – псих. Ты хоть это понимаешь?

– Все мы немного психи.

– Ты до сих пор ходишь в его адъютантах?

– Нет. Я – лорд-протектор Грирса и начальник тайной полиции.

– Ваша Империя существует пару месяцев, а вам уже нужна тайная полиция? А что такое Грирс?

– Шахтерская планета, четвертая в системе Гаммы Лебеда.

– Поздравляю. Хорошая карьера, брат. Жаль, что она будет недолгой.

– Данные о Чужих не фальсифицированы?

– Нет. Неужели ты их не видел?

– Их никто не видел, кроме императора.

– У него слишком рано начала развиваться паранойя, – сказал Юлий. – Ты же начальник его тайной полиции, и он тебе доверяет...

– Их много? – перебил его Гай.

– Три тысячи кораблей. Больших кораблей.

– И ты действительно там был? Сам их видел?

– Да.

– И что ты думаешь?

– Империи очень нужны корабли. Все корабли.

– Я ничего не смогу сделать. Я не могу на него воздействовать.

– Как он умудрился вытворить такое? Почему его никто не остановил? Вас же тут целые толпы!

– Его поддержали капитаны кораблей. Капитанов поддержали экипажи. А когда над планетами вывесилась треть боевого имперского флота, населению ничего не осталось, кроме как кричать «ура» и склонять колени.

– Неужели во всем флоте не было ни одного лояльного Империи военного?

– Были. Теперь их нет.

– А ты?

– Я всегда был слишком близко к нему. У меня было лишь два варианта – либо поддержать его, либо умереть.

– Значит, ты просто струсил.

– А ты в такой ситуации выбрал бы смерть?

– Вряд ли, – сказал Юлий. – Я попытался бы найти третий выход.

– Уйти от боевого флота на катере?

– Тогда я поискал бы четвертый.

– Ты всегда был более изобретателен, чем я, братец. Я ничего так и не нашел.

– Может, просто плохо искал?

– Может быть. Расскажи мне о Чужих.

– Как я уже говорил, их много. Они похожи на тараканов и отвратительны на вид. Их корабли не способны входить в гипер, но по системам вооружения мало уступают нашим. Они будут здесь через семь месяцев.

– Это скоро.

– Да.

– Как там отец?

– Не знаю. Я давно его не видел. Но вряд ли он в восторге от твоего выбора.

– Не говори ему, что ты меня видел, хорошо?

– Ладно, не скажу.

– И маме тоже не говори. И Пенелопе.

– Я понял. Я вообще никому ничего не скажу. Я тебя не видел.

– Как ты думаешь, война будет?

– С вами? Непременно будет. Империя не потерпит конкурентов в этом секторе пространства. Я скажу сейчас громкую фразу, но человечество должно быть едино перед внешней угрозой.

– Мне жаль, что так получилось, Юлий.

– Мне тоже, брат. – Юлий знал, что Гай не любит собственное имя даже больше, чем он. – Думаю, что в случае начала военных действий между нашими империями лорд-протектор не выйдет в космос на истребителе?

– Думаю, что и тобой теперь вряд ли будут так рисковать.

– Значит, это последняя наша с тобой встреча.

– Похоже на то, брат.

– Я рад бы пожелать тебе удачи, но мы теперь на разных сторонах, и я этого делать не буду.

– Странно, да?

– Живи, брат.

– И ты тоже.

ГЛАВА 5

Наземное моторизованное транспортное средство майора Клозе стояло в тени деревьев, а сам майор отжимался от земли, закинув ноги на спинку скамейки. У майора было красное лицо, по которому тек пот.

Изабелла села на скамейку рядом с правой ногой майора.

– Привет, – сказала она правой ногой. – Я знала, что ты набираешь форму, но не думала, что так быстро.

– Я стараюсь, – сказал Клозе, скидывая ноги на землю и принимая вертикальное положение. – Рад тебя видеть, но вынужден заметить, что тебя слишком долго не было.

– Работа.

– И как много моих братьев-пилотов ты подвела под монастырь на этой неделе?

– Расстреляют только двадцать человек, остальные отделались пожизненными сроками. Боюсь, не видать мне месячной премии.

– А кому сейчас легко? – посочувствовал Клозе. – Скажи, ты выполнила мою особую интимную просьбу?

– Конечно, пилот. – Изабелла открыла сумочку и протянула Клозе пачку сигарет.

Клозе распечатал пачку, сунул сигарету в рот и обнаружил, что ему не от чего ее прикурить.

– Капитан, – сказал он, – когда я просил вас раздобыть мне сигарет, вы не подумали о том, что сигареты принято чем-то поджигать?

– Подумала, майор. – Изабелла протянула Клозе зажигалку.

– Если раньше я был просто очарован вами, то теперь я влюблен в вас по уши, капитан, – сказал Клозе, с удовольствием пуская к безоблачному небу струю дыма. – Подумать только, женщина с аналитическим складом ума!

– Вы хам и мужской шовинист, майор.

– Было бы удивительно, если бы я был мужским феминистом,

капитан.

– Как только вы ступите на борт космического корабля и попадете в сферу моей юрисдикции, я постараюсь устроить вам веселую жизнь.

– Говоря по правде, я предпочел бы веселую жизнь прямо сейчас, – сказал Клозе.

– Наглец.

– Зато майор.

– Я просто не знаю, что я здесь делаю.

– Преклоняетесь перед моим героизмом, – сказал Клозе. – Хотите, я продемонстрирую вам дырку в животе?

– От нее уже и следа не осталось.

– След остался, надо просто внимательно смотреть.

– Делать мне больше нечего, как рассматривать чьи-то волосатые животы.

– Разве есть в этой жизни более приятные занятия? – спросил Клозе.

– Давай поговорим серьезно, Генрих.

– Меня зовут Клозе.

– Мне нравится называть тебя Генрихом.

– Я снова могу завыть.

– Не надо, – попросила Изабелла. – Что ты думаешь о предстоящей войне?

– О которой?

– Что значит – «о которой»?

– Империи в ближайшее время предстоят две войны, – сказал Клозе. – С пришельцами и с адмиралом Клейтоном.

– Ты думаешь, с адмиралом тоже придется воевать?

– Это неизбежно. Он провозгласил себя императором, а империи рождаются только в войнах. Кстати, в войнах они и гибнут. По большей части. Когда не разваливаются изнутри.

– Я – человек не военный, с армией связана лишь опосредованно, поэтому не представляю, что такое масштабные военные действия.

– Я тоже не представляю, – сказал Клозе. – Империя давно уже не вела масштабных боевых действий. Не с кем было.

– Ты не боишься?

– Боюсь, – сказал Клозе. – Для кого-то война – хороший шанс сделать карьеру, а для кого-то – сыграть в ящик. Поскольку я весьма скептически отношусь к возможности реинкарнации, то в этом своем воплощении собираюсь жить вечно, а войны этому никак не способствуют.

– Кто пугает тебя больше?

– Сложно сказать. – Клозе задумался и закурил вторую сигарету. – Чужих я видел, но мельком и только в прицел. Их чертовски много, но я не знаю, чего от них можно ожидать, а потому это меня пока не слишком беспокоит. С другой стороны, я слышал об адмирале Клейтоне и прекрасно представляю, на что способны боевые имперские корабли. Эта война дорого бы нам стоила и в менее сложной ситуации, но сейчас она может обернуться катастрофой.

– Почему ты так думаешь?

– Адмирал Клейтон командует третьей имперского флота, – сказал Клозе. – Империя не может бросить против него все свои силы, потому что должна оставить какие-то силы для охраны других планет. Допустим, Первый космический останется для охраны интересов Империи, а Второй отправится наводить порядок в системе Гаммы Лебеда. А это означает, что соотношение имперских сил и мятежников будет один к одному и на первое место выйдет не огневая мощь, а тактические способности командиров. Адмирал Клейтон считается самым талантливым флотоводцем современности. Мы можем его раздавить, но после этого у нас не останется кораблей, чтобы драться с пришельцами.

– Звучит мрачно. Ты уверен, что без войны не обойтись?

– Императорами становятся не для того, чтобы на следующий же день сдаваться без боя. Вспомни хотя бы Петра Первого.

– Нам конец, да? Человечеству?

– Это вряд ли. Но времена предстоят нелегкие.

– Жаль. Если бы ты ответил, что человечеству конец, я могла бы пересмотреть некоторые свои правила. В частности то правило, согласно которому я не встречаюсь с пилотами.

– Полагаю, человечество вымрет, – сказал Клозе. – Нам конец, точно.

– Вообще-то я имела в виду Юлия.

– Да мы этих Чужих в порошок сотрем. А Клейтона с его флотом я плевком перешибу.

– Когда тебе можно будет покидать территорию госпиталя?

– Хоть сейчас. А что?

– Хотела пригласить тебя в ресторан.

– Одежду мне не вернули, но мы можем купить ее в магазине, – сказал Клозе. – План такой: ты выходишь за ворота и ждешь меня. Заборы тут не слишком высокие.

– Ты так и побежишь в пижаме?

– Она хорошо подчеркивает мою фигуру.

Изабелла недооценила Клозе. Она не думала, что Генрих действительно способен на побег из госпиталя, и не собиралась ждать его слишком уж долго, но он появился через пять минут.

По-прежнему в пижаме и в больничных тапочках.

– Ты – псих, Генрих.

– Все пилоты – психи. Ты знаешь, в пижаме нет кармана для бумажника, так что тебе придется одеть и накормить меня в долг.

– Я пришлю вам детальный счет, майор.

– Могу ли я рассчитаться с вами натурой?

– По-моему, вы немного опережаете события.

– Разве что чуть-чуть.

Конечно, в магазине готового платья на них смотрели странно, но стоило Клозе скинуть пижамную куртку и продемонстрировать

свой голый торс, как Изабелла заметила легкую зависть в глазах продавщиц.

Поскольку в этой части Эдема царило вечное лето, Клозе выбрал шорты и футболку без рукавов. Он готов был идти и босиком, но Изабелла опасалась, что так их могут не пустить в ресторан, а потому купила ему сандалии.

Пакет с пижамой Клозе сунул под мышку. Теперь он ничем не отличался от обычного туриста, разве что был недостаточно загорелым.

– А я недавно приехал, – пояснил Клозе, когда Изабелла указала ему на это несоответствие. – Только что с корабля и уже иду в ресторан с шикарной женщиной этой планеты.

Комплименты Клозе почему-то напоминали Изабелле удары тарана в ворота средневековой крепости, но не были ей неприятны. Она впервые встретила мужчину, который ничуть не вуалировал своих намерений, не скрывался за маской учтивости или куртуазности, а шел напролом.

Это черта ей импонировала.

Правда, ей нравился и подход Юлия, и их первое танго. Она понимала, что, окажись здесь оба эти парня одновременно, у нее могли бы возникнуть трудности с выбором. Это если она решила плюнуть на свое правило не встречаться с пилотами. Но для чего придумывают правила, если не для того, чтобы их нарушать?

Следовательно УИБ не пристало так думать, но она ничего не могла с собой поделать.

Впереди война, и очевидно было, что победа не дастся человечеству легко. А потому можно было пренебречь самолично выдуманными ограничениями и наслаждаться жизнью. Тем более неизвестно, сколько этой самой жизни им всем осталось.

Империя не делала секрета из того, что приближающийся флот вторжения огромен. Но особой паники пока не было. Военные вообще не склонны раньше времени паниковать, а гражданские пока были не в состоянии оценить степень угрозы. Ситуация с Клейтоном же волновала население не больше, чем недавно закончившаяся разгромом сепаратистов полицейская операция на Сахаре.

На правом бицепсе Клозе Изабелла насчитала тридцать два

череп. Меньше, чем у Юлия, но тоже достаточно неплохо даже для военного времени. Теоретически Империя уже больше двухсот лет жила в мире, ведя лишь перманентные локальные полицейские операции.

– Хочу бифштекс, – заявил Клозе в ресторане. – До чертиков надоела больничная пища. Хочу бифштекс с кровью, красного вина и тебя, женщина, в качестве десерта.

– Варвар.

– Юлий тоже меня всегда так называет.

– Наверное, он не так уж не прав.

– Поэтому он и делает карьеру быстрее меня.

– Ты моложе его на два с половиной года.

– Откуда ты знаешь?

– Я читала оба ваших досье.

– Верно. Я забыл, с кем имею дело. А тебе сколько лет?

– Женщинам таких вопросов никто не задает.

– Я задаю, – сказал Клозе.

– Я тебе в бабушки гожусь, мальчик.

– Всегда любил женщин постарше.

Клозе вцепился в бифштекс, будто сидел на голодном пайке целый месяц.

– Тебя вообще ничто не может остановить?

– Может. Три дредноута или шестеро парней с бейсбольными битами.

Клозе вернулся в госпиталь только утром.

ГЛАВА 6

Посадка военных кораблей на Землю, главную планету Человеческой Империи, была категорически запрещена, и с борта «Александра Великого» Юлия забрал орбитальный шаттл.

Это называется «с корабля на бал», подумал Юлий. Даже домой не дали зайти.

Шаттл приземлился в окрестностях Лондона, где у дома Морганов была своя резиденция, и атмосферный флаер повез Юлия в Букингемский дворец, где его ждала аудиенция с императором Виктором Вторым.

Благодаря отцу, Юлию и раньше доводилось встречаться с императором, но личной аудиенции он никогда не удостоивался. Юлий понятия не имел, что они будут обсуждать. Ни генерал Краснов, ни герцог Романов ничего ему не говорили и даже не сопровождали его в этом визите. Герцог отправился в свой загородный дом, а генерал – в штаб-квартиру УИБ на Даунинг-стрит.

Юлию было известно, что император иногда надевает личину такого рубахи-парня, своего в доску, и почему-то не сомневался встретиться именно с этой ипостасью. Чем хуже игра, тем лучше должна быть мина на лице игрока.

Тем более на лице капитана команды.

А игра была не просто плоха. Она была отвратительна.

Во время обратного пути Юлий старался избегать общества герцога, но получалось не очень. Герцог был настроен решать конфликт с Клейтоном только военным путем. Он ни минуты не сомневался, что имперские ВКС способны раздавить любого врага малой кровью.

Краснов, присоединившийся к ним на половине дороги, заперся в своей каюте, готовя отчет для императора, и не выходил даже для того, чтобы поесть. Юлий не понимал, почему Краснов не мог лететь на Землю на своем «Сивом мерине», но он много чего в этой жизни не понимал.

Воевать на Сахаре было гораздо проще. Ты – пилот, вот это – твой истребитель, вон там – твой враг. А в промежутках между боями можно накачиваться виски, играть в карты и думать о самоубийстве.

Юлий готов был спорить, что их встреча с императором начнется с фразы «А вот и наш герой».

Но спорить было не с кем. Клозе находился слишком далеко.

– А вот и наш герой, – сказал император, и Юлий удостоился чести быть прижатым к царственной груди. Грудь больно кололась орденами.

Перед входом в личные покои императора Юлия обыскали четыре раза, просканировали при помощи трех различных систем и чуть в задницу ему не залезли. Юлий не представлял, каково это – жить при таких мерах безопасности.

– Завтра мы назовем общественности имена тех, кто отправился на разведку и принял первый бой с таргами, – сказал Виктор Второй. – Первое время тебе прохода давать не будут, но потом ты привыкнешь.

– Спасибо, сир, – сказал Юлий, чтобы хоть что-то сказать.

– Садись, – сказал император и указал на роскошное кожаное кресло.

Юлия принимали в библиотеке императорского дворца, в помещении, битком набитом древними бумажными книгами. Пахло пылью.

– Хочешь выпить? – спросил император.

– Спасибо, сир, но я воздержусь.

– А я выпью, – сказал император и налил себе полстакана виски сорокалетней выдержки. На взгляд Юлия, повелитель ста с лишним планет мог бы позволить себе алкоголь и покруче. – Рассказывай.

– Что рассказывать?

– Для начала расскажи мне об этом Клейтоне. Я читал отчет брата, но больше доверяю личным суждениям. Личным суждениям разных людей. С братом я еще поговорю, но сейчас я разговариваю с тобой. Как, по-твоему, что он за человек, этот Клейтон?

– Я видел его не слишком долго.

– Тем не менее, у тебя должно было сложиться определенное мнение об этом человеке. Его я и хочу услышать. И можешь не стесняться в выражениях, сынок.

Когда генерал Краснов называл его «сынком», это было почти нормально. Генерал был старым другом отца и знал Юлия с младых ногтей. Но слышать такое же обращение от человека, с которым Юлий разговаривал третий раз в жизни, было несколько странно.

– Клейтон – очень странный человек, сир. Мне кажется, он эмоционально нестабилен.

– Я же просил тебя не стесняться в выражениях. Ты хочешь сказать, что он псих?

– Да, сир. – Юлия раздражали малознакомые люди, которые обращались к нему на «ты». Конечно, сказать об этом императору он не решился. Царственные особы имеют свои причуды.

– Что ты еще о нем думаешь?

– Будет крайне сложно уладить этот конфликт невоенным путем.

– Мы его раздавим, – беззаботно сказал император. – Или ты не веришь в мощь моего флота?

– Верю, сир.

– Если бы не эти чертовы тарги, мы могли бы спустить дело на тормозах. Десять-пятнадцать лет напряженных переговоров могли бы привести к желаемому результату без кровопролития. Но у нас нет этого времени, а значит, мятежники обречены. Ты видел своего брата?

– Да, сир.

– И как он тебе?

– Я не понял сути вашего вопроса, сир.

– Как он тебе показался? Не жалеет, что встал не на ту сторону?

– Отчасти, сир.

– Я рад бы сказать тебе, что готов ему все простить, но это не так. Твой брат был в центре этого заговора. Он будет казнен вместе с Клейтоном. Империя такого не прощает.

- Я понимаю, сир.
- Империя превыше всего.
- Да, сир.

На взгляд Юлия, Империя была лишь формой правления, необходимой на момент своего образования. Только жесткая авторитарная власть могла удержать человечество от хаоса, в который погружались населенные людьми планеты галактики.

Но мятеж Клейтона, которому предшествовали многочисленные сепаратистские движения вроде повстанцев Сахары, ставил эту форму правления под вопрос.

Сепаратистов давили безжалостно. Иногда быстро, иногда этот процесс затягивался на годы, но итог всегда был один. И, несмотря на все это, количество новых сепаратистских движений отнюдь не уменьшалось.

Появившиеся у границ занятой человечеством территории Чужие должны были сплотить Империю, по крайней мере, на какое-то время. Но потом, если человечество победит, этот вопрос встанет снова и кому-то рано или поздно придется на него отвечать.

Порядок – это застой. С течением времени всегда побеждает хаос, на смену которому приходит новый порядок.

- Как тебе показались эти чертовы тарги?

– Их очень много, сир.

– Но мы надерем им задницу. Если ты с одним разведботом сумел натворить такое, то нам понадобится не больше сотни линкоров, чтобы остановить вторжение.

Юлий в этом сильно сомневался, но промолчал.

Остальные разведчики не вернулись.

– Зато у нас появился хороший шанс увеличить сферу своего влияния. Под угрозой вторжения независимые миры будут умолять нас, чтобы мы приняли их в состав Империи.

- Наверное, сир.

– Мы должны даже поблагодарить этих тараканов перед тем, как их уничтожим. Сначала – Клейтона, потом – их.

Нами руководит неисправимый оптимист, подумал Юлий. Он настолько оптимистичен, что отрывается от реальности. Или Краснов с герцогом ему не все рассказали?

– Я должен вознаградить тебя, сынок. Орден тебе обеспечен, но я хочу добавить что-нибудь от себя лично. Проси, чего хочешь.

– Простите, сир?

– Чего хочешь. Считай, что ты встретил фею, которая исполнит любое твоё желание. Но не слишком зарывайся, сынок. Даже у феи есть пределы возможного.

У Юлия было сильное желание попроситься в отставку, но на фоне грядущей войны это выглядело бы трусостью. Поэтому он попросил двухнедельный отпуск на Эдеме. Ему хотелось встретиться с Клозе и внести ясность в отношения с Изабеллой. Если три часа их знакомства можно назвать «отношениями».

Чувства Юлия к этой девушке так и не остыли, что было неожиданностью для него самого. Его партнерша по танго до сих пор занимала часть его мыслей. Две войны и одна девушка – вот все, о чем он мог сейчас думать.

Император добавил к выпрошенному отпуску две недели от своих щедрот, еще раз похлопал Юлия по плечу, а потом позвал личного фотографа, чтобы подготовить снимки к завтрашнему представлению списка героев прессе.

Аудиенция завершилась.

Юлию хотелось ругаться матом.

Графиня Морган с дочерью пребывали на курорте, не подозревая о возвращении Юлия, поэтому из всех родственников он застал дома только отца.

Старший Морган показался Юлию еще старше, но это было и неудивительно – они не виделись несколько лет.

К облегчению Юлия, обниматься отец не полез, ограничившись крепким рукопожатием. Юлию хотелось принять душ и завалиться спать, но он понимал, что так легко ему не отделаться, и оказался прав. Отец потащил его в свой кабинет.

Стены кабинета из мореного дуба были увешаны подлинниками картин времен становления Империи, изображавших бесконечные

схватки в космосе. Предполагалось, что, по крайней мере, на половине картин изображены корабли, пилотируемые Морганами.

Отец уселся за свой массивный стол, заваленный явно секретными документами, налил обоим виски и предложил сыну сигару. Юлий обычно предпочитал сигареты, но отказываться не стал.

– Видел его? – Первый вопрос Питера Моргана касался, конечно, его старшего сына.

– Только мельком, – соврал Юлий. – В свите новоявленного императора.

– Не называй этого мятежника императором, – строго сказал отец. – Как он выглядел?

– Гай или мятежник?

– Гай.

– Подавленным, – соврал Юлий. – На меня он даже не смотрел.

– Позор нашего рода. Четыреста лет безупречной службы – и все коту под хвост из-за этого идиота! Нам долго не смыть это грязное пятно.

– Император вроде бы неплохо настроен.

– Одно дело – император на встрече с героем и совсем другое – император в роли политика. Гай подложил мне большую свинью.

– Его убьют, – сказал Юлий.

– И черт с ним, – сказал Питер. – Он заслуживает публичной казни. Мне жаль только твою мать. Она очень переживает.

– Надо думать, – сказал Юлий. – Как я понимаю, император настроен решать конфликт военным путем.

– Другого пути я не вижу, – отрезал Питер. – У нас нет времени церемониться с бунтовщиками.

– У нас нет и сил, чтобы воевать на два фронта, – сказал Юлий.

– А то я не знаю! Через час здесь будет генерал Краснов. Я хочу, чтобы ты присутствовал на этой встрече.

– Честно говоря, я предпочел бы сначала помыться.

– Потом помоешься. Пока он не пришел, нам надо многое обсудить. Информация из первых рук бесценна, а ты был в обеих горячих точках сегодняшнего дня. Если хочешь есть, скажи, нам принесут сюда.

– Такие разговоры портят мне аппетит.

– Значит, поешь позже. Что люди Клейтона думают об угрозе вторжения таргов?

– Ничего. Он заявил своим, что это мистификация УИБ и закрыл доступ ко всем документам.

– Кретин.

– Вовсе нет. С его точки зрения, он все делает правильно. Его люди предали императора, но я не думаю, что все они готовы предать человечество в целом. Если люди Клейтона узнают правду, адмиралу будет сложнее удержать контроль над флотом.

– Нужна информационная диверсия, – задумчиво сказал Питер. – Обсудим эту идею с Красновым. Люди Клейтона должны знать правду.

У Питера Моргана был очень своеобразный подход к правде. Он говорил ее только тогда, когда это было ему на руку. Все остальное время он лгал.

– Насколько я понимаю, вся эта история с восстанием держится, в основном, на личном авторитете Клейтона и, пока он жив, ситуация не изменится, – сказал Юлий. Просто неправильно, что у кого-то может быть такой авторитет.

– Значит, надо позаботиться о том, чтобы он умер.

– Но надо работать изнутри, – сказал Юлий. – Лобовая атака не кончится ничем хорошим. Клейтон сидит на одном из самых защищенных военных объектов в том секторе галактики.

– Краснов потерял всех своих агентов в Третьем космическом. Иначе Клейтон уже сотню раз был бы мертв. К нему теперь не так легко подобраться.

– Отец, ты же тоже пилот. Ты должен понимать, какими потерями грозит прямой штурм «Зевса». Это даже если не принимать во внимание весь Третий флот, который находится под контролем Клейтона и вряд ли будет держаться в стороне. Перед вторжением

таргов мы рискуем вообще остаться без кораблей.

– И что бы ты сделал, если бы решение принимал ты?

– Спустил ситуацию на тормозах.

– А тарги? С мятежом Клейтона мы потеряли треть имперского флота.

– При помощи лобовой атаки мы все равно эту треть не вернем. Даже если мы раздавим Клейтона, наши силы уменьшатся по сравнению с тем, что мы имели на начало кампании. Уменьшатся, а не увеличатся. Потери, отец, потери.

– Официальный политический курс Империи пролегает через смерть Клейтона.

– Я и не спорю с официальной политикой Империи. Но, как военный, я против открытого противостояния в космосе.

– Ладно, оставим это на время. Что ты думаешь о таргах?

– Последнее время все задают мне этот вопрос.

– Значит, ты привык на него отвечать. Итак?

– Их много.

– Как они дерутся?

– Мне сложно об этом судить по одной короткой схватке. У нас есть преимущество в скорости за счет гиперпривода, но по вооружению тарги нам не уступают. А если и уступают, то не сильно. А ты сам знаешь, что при огневом взаимодействии наличие гиперпривода не имеет решающего значения. Вообще никакого значения не имеет. Разве что позволит нам вовремя удрать. Но основной проблемы это не решает.

– Да, планеты мы с места не сдвинем. Значит, вооружением они нам не уступают?

– Торпеды, плазма, лазеры. Может быть, и что-то еще, что они не стали пускать в дело ради одного разведбота.

– Ты – хороший пилот. Я уже говорил тебе об этом?

– Нет. Никогда.

– Так говорю сейчас. Ты – хороший пилот, и я тобой горжусь.

Ага, тем более что больше тебе гордиться нечем. Старшенький выпал из числа любимчиков.

– Отец, я могу говорить откровенно?

– Со мной – можешь. Но только в стенах этого кабинета, а не на публике. Тебя что-то беспокоит?

– Меня несколько встревожила аудиенция с императором. Им владеют шапкозакидательские настроения. Он готов вынести Клейтона вместе с таргами на пинках и голом энтузиазме.

– Не стоит недооценивать Виктора. Он ведь тебя не знает, поэтому не показывает, что он думает на самом деле. Работа императора – внушать подданным бодрость и оптимизм.

– Мне так не показалось. По-моему, он на самом деле так думает – насильственный оптимизм можно внушить только тем, кто ничего не понимает в текущей ситуации. А рассказывать боевому пилоту, что МКК «Зевс» можно вышибить из локального пространства Гаммы Лебеда одним метким плевком, – занятие неблагодарное.

– Ты его тоже не знаешь, поэтому не можешь судить.

– Надеюсь, что ты прав.

– Это все, что тебя беспокоит?

– Не считая двух предстоящих нам войн? Да.

– Отлично. Виктор пригласил тебя на свой день рождения?

– Нет. Вообще-то он предоставил мне отпуск. О дне рождения мы с ним даже не говорили. Где будете праздновать?

– В Лувре. Подготовку начнем через неделю, думаю, как раз управимся. Не люблю я эти пышные торжества. Может быть, мне тоже уйти в отпуск?

– Шутишь? Не представляю тебя вдали от императора.

– Интересно, почему он тебя не пригласил? Присутствие героя на празднике, трансляция которого идет по всей галактике, было бы хорошим политическим ходом и поддержало бы моральный дух наших подданных.

– Я пока не заметил среди ваших подданных большой паники.

– Скажи мне, как пилот пилоту, сколько планет Империи

адекватно защищены от угрозы из космоса?

– Считая Землю?

– Естественно. Разве она не планета?

– Одна.

– Вот и подумай об этом. Паника начнется, как только гражданские сообразят, что именно нам грозит. Поэтому император и делает вид, что ничего страшного не происходит.

Политика страуса приводит в желудок леопарда, подумал Юлий.

Команда императора играет в политику по своим правилам. Проблема только одна – тарги вряд ли будут их соблюдать.

Краснов приехал на пятнадцать минут раньше. Первым делом он накатил водки, вторым – закурил свою трубку, а потом взял быка за рога.

– О целом месяце отпуска не может быть и речи, – сказал он. – Сынок, ты находишься в распоряжении УИБ, и я тебя пока никуда не отпускал. В ближайшее время ты понадобишься мне здесь.

– Позвольте полюбопытствовать, зачем, сэр.

– Не позволю. Ты все узнаешь в свое время. Отпуск я тебе, конечно, дам, потому что не могу пойти против воли императора. Только будет он чуть-чуть короче. Дня три-четыре.

– Я собирался на Эдем. Я не успею за это время даже туда долететь.

– Тогда – два дня плюс дорога туда и обратно. И не советую тебе со мной торговаться, а то проведешь свои два дня где-нибудь на Гавайях.

– Вы пытаетесь запугать меня, сэр?

– Да.

Юлий был отпущен к себе только после полуночи. А завтра в десять утра его ожидал визит в штаб-квартиру УИБ на Даунинг-стрит.

– Знаешь, что это такое? – спросил Краснов.

– Какая-то хреновина, – сказал Юлий. Он устал. Ему надоело. Ему было все равно.

– Ну хотя бы на что она похожа?

– Она похожа на какую-то хреновину, сэр.

– Это оружие, сынок.

– Я так и подумал, сэр. Непонятные хреновины в подвалах УИБ просто не могут быть ничем иным. Кстати, у вас нехилые подвалы. Они под половиной Лондона, да?

– Чуть меньше, сынок. Ты знаешь, что это за оружие?

– Нет. И не имею ни малейшего желания узнавать. Но вы мне все равно расскажете.

– Даже покажу. Такое надо видеть.

– Я готов обойтись без демонстрации и поверить вам на слово, сэр.

Хреновина стояла на подставке и не была похожа ни на одну из известных Юлию пушек. А о пушках, стоящих на вооружении имперских ВКС, он знал все.

Рядом с хреновиной возились двое техников. Краснов повел Юлия в другой конец подвала.

Там на стенде стояла другая хреновина.

– А что это такое, ты знаешь?

– Эту хреновину знаю. Это броня.

– Что это за броня?

– Заводское обозначение не помню. Она устанавливается на корабли классом от линкора и выше.

– Черта с два. Это новое поколение брони, и устанавливается она только на дредноуты и мониторы. Линкоры пока обходятся предыдущим поколением.

– Сэр, это очень интересно. Я не выспался, все утро ваши аналитики трахали мне мозг, потом ваш помощник таскал меня по каким-то подвалам, теперь его сменили вы, но подвалы остались все

теми же, а я, между прочим, даже не завтракал.

– Интересы Империи превыше твоего желудка.

– Я не вижу в этом подвале интересов Империи. Только какую-то непонятную хреновину и лист брони.

– Мне важно знать твое мнение как боевого пилота.

– Броня сама по себе не летает.

– Для этого вывода мнение пилота мне не требовалось. Опиши мне броню.

– Лист два на два метра. Толщина около полуметра, точнее сказать не могу. Дайте рулетку, померю.

– Торпеда такую броню берет?

– Кумулятивная. Не сразу. Попадания с шестого.

– А плазма?

– Нет.

– Лазер?

– Непрерывное воздействие не менее минуты, в бою нереальное.

– Вывод?

– Это очень хорошая броня. Прочная.

– Теперь давай отойдем.

Краснов надел на голову пару наушников, вторую пару дал Юлию.

Техники, тоже уже в наушниках, отошли от хреновины и что-то там нажали на своем пульте.

Такого скрежета Юлий не слышал с тех пор, как умер его дед по материнской линии. У деда были вставные челюсти, и он любил ими скрежетать.

Выстрела Юлий не видел, но лист самой прочной в Империи брони оказался скомканным и порванным, как кусок промокашки.

Краснов состроил гримасу и снял наушники.

– Впечатляет, – сказал Юлий. – Что это за фигня?

– Мы называем это оружие гравитационным мечом.

– Красиво.

– Оно генерирует направленное гравитационное поле в несколько тысяч G. Мы планируем устанавливать это оружие на обычные истребители, вроде твоего любимого «игрек-крыла». Требуется только небольшая доводка реактора. Как ты думаешь, мы сможем использовать гравитационные мечи против «Зевса»?

– Каков радиус воздействия?

– Ноль запятая пять.

– Половина боевой единицы? Понимаю, почему вы не планируете установку гравимечей на линкоры. Их следовало бы назвать гравикинжалами.

– Не звучит. Недостаточно грозно. Так что с «Зевсом»?

– Если только вы собираетесь формировать эскадрильи камикадзе, – сказал Юлий. – На половину боевой единицы к МКК на истребителе не подберешься. Слишком плотный заградительный огонь.

– К сожалению, мы не можем формировать эскадрильи, вооруженные гравимечами. У нас всего два опытных прототипа.

– Тогда в них вообще нет никакого смысла. Вы успеете поставить модель на производство до прибытия таргов?

– Мы приложим для этого все усилия.

– Очень рад, сэр. Я могу идти?

– Завтра ты отправляешься на орбиту и испытываешь прототип гравимеча, установленный на истребитель.

– Почему именно я?

– Потому, что у меня на тебя свои планы, сынок. И не спрашивай какие. Пусть это станет для тебя приятным сюрпризом.

– Сэр, вы собираетесь отправить меня в одиночку останавливать вторжение таргов с гравимечом и чувством морального превосходства наперевес? А для начала предложите потренироваться на адмирале Клейтоне и МКК «Зевс»?

– Что-то типа того.

ГЛАВА 7

Клозе выписали из госпиталя, и теперь он жил в отеле наравне с другими отпускниками и ждал нового назначения. Ждал он его не слишком радостно, поскольку ему не хотелось расставаться с Изабеллой.

Они встречались уже неделю. Для Клозе это был личный рекорд. Обычно он не приходил уже на третье свидание. Это в том случае, если его пассия приходила на второе.

– Ты напоминаешь мне космос, – сказал Клозе.

– Я должна воспринимать это как комплимент или как оскорбление?

– Несомненно, как комплимент.

– А ты напоминаешь мне океан.

– Старая хохма, – сказал Клозе. – Но тебя не может от меня тошнить. Если бы у тебя был нарушен вестибулярный аппарат, ты даже не думала бы о том, чтобы стать пилотом.

– Возможно, я хотела сказать, что ты романтичен и необуздан.

– Да, я такой.

– А что там за история с космосом?

– Какая история с космосом?

– Ты сказал, что я напоминаю тебе космос.

– Я так сказал?

Изабелла швырнула в него подушкой.

Клозе выбросил вперед руку, перехватил снаряд в воздухе и положил его рядом с собой.

– Наглый, рыжий...

– И чертовски привлекательный, – добавил Клозе.

– ...Самовлюбленный, эгоистичный и к тому же всего лишь барон.

– Ты сама отшила клеившегося к тебе графа.

- Граф – для меня это слишком мало.
- Император женат.
- Император – это слишком много. Герцога вполне хватит.
- Герцогов у нас много, – признал Клозе.
- Пойду, поищу себе герцога, – сказала Изабелла.

Она одевалась, стоя у зеркала. Клозе лежал в постели и любовался.

– Кстати, о том графе, – сказал Клозе. – Я с ним вчера разговаривал.

– И что он сказал?

– У него намечается пара дней отпуска, которые он собирается провести здесь. Спрашивал меня о тебе, кстати. Так что насчет герцога не знаю, но шанс заполучить графа у тебя все еще есть.

– Ты сказал ему о нас?

– Нет.

– Почему?

– Предпочитаю обсуждать такие вещи лицом к лицу, а не по гиперсвязи.

– Ты чувствуешь себя виноватым?

– Почему это я должен считать себя виноватым? Разве ты была с ним обручена?

– Но он же твой... э... коллега.

– Любовь – это война, – объявил Клозе. – Все средства хороши.

– А разве у нас с тобой любовь?

– А разве нет?

– Ты раньше никогда этого не говорил.

– К чему утверждать очевидное?

– То, что для тебя очевидно, для меня может быть невероятно.

– Чушь, – сказал Клозе. – Типичный подход следователя, ждущего чистосердечного признания. У него и так полно улик, а он

все равно хочет услышать слова подозреваемого.

– Слабо, да?

– Что – «слабо»?

– Признаться.

– Ты меня на «слабо» не бери. Меня на «слабо» уже в детском саду брать перестали.

– Когда тебя из детского сада выпустили? В прошлом году или в этом?

– Я сам сбежал, – сказал Клозе.

– Так ты собираешься мне признаваться?

– В чем?

– Сам знаешь в чем.

– Видишь, ты даже не можешь сказать это слово.

– Могу.

– Не можешь.

– Могу.

– Не можешь.

– Могу.

– Тогда скажи.

– Что?

– Это слово.

– Какое?

– Сама знаешь.

– Сволочь рыжая.

– Это не то слово.

– Зато правда.

Клозе закурил.

– Ты встретишься с ним? – спросил он. – Чтобы объяснить ему причины твоего странного поведения на вашем первом свидании?

- Думаю, да. А ты не боишься конкуренции с его стороны?
- Он мне не конкурент.
- Он граф.
- Зато во мне присутствует животная сила.
- Сила кролика, насколько я могу судить.
- Кролики – тоже страшные звери.
- Это точно. Любого затрахают. А еще он старше тебя по званию.
- Зато я рыжий.
- Это скорее недостаток, чем достоинство.
- Черт побери, – сказал Клозе. – А я всегда считал, что наоборот.
- Значит, ты заблуждался всю свою сознательную жизнь.
- Иногда такое случается, – сказал Клозе. – Кстати, ты слишком быстро одеваешься. Я не успеваю фиксировать подробности.
- И это говорит мне пилот? Лучший бомбардир базы 348-М на Сахаре? Лжец.
- Все равно не торопись. Пойдем вместе.
- Куда это?
- Ты – на работу, а я зайду в штаб округа по поводу нового назначения.
- Тебе не терпится покинуть эту планету?
- Скорее, наоборот, – сказал Клозе. – С каждым днем мне нравится здесь все больше и больше.
- Наверное, ты просто соскучился по океану.
- Может быть, – сказал Клозе.
- Майор Клозе?
- Да.
- У меня нет для вас никакого назначения. Можете продолжать считать себя в отпуске. Или вас в вашем положении что-то не

устраивает?

– Меня все устраивает. Просто я хотел бы знать, когда этот отпуск закончится, чтобы планировать свое личное время.

– Когда ваш отпуск закончится, вас сразу же известят.

– Этого мне и не хочется. Я не люблю сюрпризы.

– Вся наша жизнь состоит из сюрпризов.

– А вы философ, капитан.

– А кто сейчас не философ, майор?

Клозе вышел из штаба округа, нацепил на нос солнцезащитные очки и увидел сюрприз. Клозе чертыхнулся, выронил изо рта сигарету, которую не успел прикурить, развернулся и помчался обратно.

– А, майор Клозе, – расплылся в улыбке дежурный капитан. – Вы не поверите, но за те три минуты, что вас здесь не было, мы не получили относительно вашей персоны никаких распоряжений. Извините.

– Это что? – спросил Клозе.

– Где?

– В окне.

Капитан выглянул в окно.

– Это – табло информационной службы планеты. Мы не имеем к нему никакого отношения. Это просто новости.

– Новости? – уточнил Клозе.

– Новости, – сказал капитан и довольно улыбнулся.

– И что мне теперь делать после этих новостей?

– Я бы порекомендовал вам расслабиться. И купаться в лучах заслуженной славы.

– Идите вы к черту, капитан.

Клозе снова вышел из штаба. С огромного трехмерного

информационного табло, вывешенного над площадью, на него смотрела его собственная рожа, увеличенная в десятки раз. Голос из динамиков вещал что-то о «героических усилиях», используя такие фразы, как «совершить невозможное», «знать своих героев в лицо», и прочую муть.

Потом рожа Клозе сменилась мордой Юлия, а голос все никак не затыкался.

– Я знал, что не красавец, – пробормотал Клозе. – Но так-то зачем?

Несмотря на очки и отсутствие формы, его стали узнавать на улицах. Девушки улыбались и хихикали, мужчины считали своим долгом подойти и хлопнуть по плечу, детишки тыкали в него пальцами.

Он зашел в кафе, и ему налили кофе за счет заведения. У столика сразу же выстроилась толпа, требующая автографы. Клозе сказал, что его принимают за кого-то другого. Толпа улыбнулась и восхитилась его скромности.

Клозе не допил кофе и побежал в отель. У отеля его уже ждала другая толпа. Она объединилась с первой толпой, и Клозе испугался, что его разорвут на сувениры. Он заперся в своем номере, задернул шторы и обрубил всю связь.

Толпа собралась под окнами, скандировала его имя и требовала явить свое лицо народу.

Клозе включил новости.

В новостях показывали проход «Одиссея» сквозь флот таргов. Клозе насчитал двенадцать уничтоженных кораблей противника, несмотря на то, что корабельный компьютер зафиксировал только три финальных попадания.

Клозе переключил канал и увидел Юлия, пожимающего руку императора. Или императора, пожимающего руку Юлия. В общем, кто-то что-то кому-то точно жал.

Клозе снова переключил и увидел профессора Снегова, соловьем разливающегося о героизме двух имперских пилотов.

Клозе выключил новости.

Он понимал, что с момента поступления на военную службу не волен распоряжаться своей жизнью и, как в этом случае, своим лицом, но его могли хотя бы предупредить.

Его использовали в пропагандистских целях, чтобы предотвратить возможную панику, которая могла бы возникнуть при известии о вторжении таргов. Он не сомневался, что и Юлию сейчас приходится несладко, да и Снегов в записи не производил впечатления абсолютно довольного жизнью человека.

Но предупредить-то его могли!

Клозе чертыхнулся и положил на голову подушку, чтобы не слышать криков толпы. Вот почему нет нового назначения – народ должен его видеть здесь. Герой на отдыхе. Слон в зоопарке.

Теперь о походах на пляж и прогулках по набережной можно забыть. Клозе подумал об Изабелле и снова чертыхнулся. Если их увидят вместе, она тоже окажется в центре внимания.

И Юлий узнает все гораздо раньше, чем они с ним поговорят. Клозе не боялся этого разговора, но хотел бы сообщить неприятные новости сам. Черт его знает, а вдруг влечение Юлия к Изабелле еще не остыло?

Вернувшаяся с работы Изабелла обнаружила Клозе лежащим в ванне. Струя воды на полной мощности била в стену, и вся комната была в брызгах.

Изабелла выключила воду.

– Они все еще там? – спросил Клозе.

– Твои поклонники? Да. Я так и подумала, что ты пойдешь в отель, а не ко мне домой, чтобы не притащить их туда. Спасибо.

– Не за что.

– Как твое новое назначение?

– Издеваешься? – спросил Клозе. – Вот мое новое назначение. Скандирует под окнами.

– Портье просил передать, что с тобой желают связаться ведущие информационные каналы Империи. Они настаивают на интервью.

– Пошли они к черту.

– Тебе все равно придется это сделать. Оттягивая добровольное интервью, ты дождешься прямого приказа из штаба округа.

– Вот уж фигли. Я в отпуске.

– Если тебе прикажут связаться с прессой, это не будет иметь никакого значения.

– Что мне больше всего в тебе нравится, так это твой неудержимый оптимизм.

– Вот как? А я думала, что тебя привлекает мое роскошное тело.

– Тоже мне, роскошное, – сказал Клозе. – Знаешь, сколько я таких тел видел?

– Где?

– В разных местах.

– Только видел? Больше ты с ними ничего не делал? Раз так, то это начинает меня пугать.

– Иди ко мне, и я тебя еще не так испугаю.

– Дай раздеться. У тебя там довольно мокро.

– К черту!

– Мне переодеться не во что.

– Высохнет.

– А если нет? Как я пойду на работу?

– Разве УИБ не предоставляет своим сотрудникам отгулы по уходу за героями?

– А ты герой?

– Новости посмотри.

– Прямо сейчас пойду и посмотрю.

– Ха! – сказал Клозе, схватил ее за талию и увлек в воду.

ГЛАВА 8

– Я сыт всем этим по горло, сэр, – сказал Юлий. – Император обещал мне отпуск, и я желаю его получить.

– Расслабься, сынок, – сказал Краснов.

– Я расколошматил гравимечом пятьдесят четыре мишени. Я дал восемнадцать интервью разным информационным каналам. Я присутствовал на четырнадцати совещаниях, посвященных вторжению таргов, и на девяти совещаниях по поводу бунта адмирала Клейтона. Я трижды выступал перед парламентом с речами, которые не писал. Я облазил километры подвалов УИБ. Я участвовал в пяти благотворительных ужинах и трех благотворительных обедах. Я ни хрена не понимаю, что происходит. Я хочу в отпуск.

– Я обещал тебе два дня.

– И теперь я должен ждать обещанные два дня в течение трех лет?

– Ты пытаешься устроить мне истерику, сынок?

– Да, сэр.

– Мне нужно напомнить тебе, что ты военный?

– А мне напомнить вам о слове императора, сэр?

– Ты получишь свои два дня.

– Когда?

– Скоро.

– Я не выйду из вашего кабинета, пока не услышу точную дату.

– Ты хочешь пропустить день рождения императора в Лувре?

– Мне плевать. Меня уже тошнит от всех этих церемоний. Я хочу в отпуск.

– Ладно.

– Нет, я настаиваю... Что вы сказали, сэр?

– Я сказал, что ты меня достал. Можешь убираться к чертовой матери.

– Спасибо, сэр. Я уже пошел покупать билет.

– Черта с два. Пассажирские транспорты слишком медленные. И я вовсе не жажду услышать истории о том, что ты не смог купить билет на обратную дорогу, а потому задержался еще на неделю.

– И что вы предлагаете?

– Ты ведь пилот? Я предоставлю тебе курьерский корабль УИБ.

– А это не назовут «превышением служебных полномочий» и «использованием служебного положения в личных целях»?

– Нам наверняка надо отправить на Эдем какую-нибудь почту, – сказал Краснов. – Иди, пакуй чемоданы. Завтра утром шаттл доставит тебя на орбиту.

– Спасибо, сэр.

– Не за что, сынок.

Питер Морган сидел в курительной комнате родовой резиденции Морганов, слушал классическую музыку, одновременно наслаждаясь сигарой и коньяком, и листал новый каталог галереи живописи.

– Ты нашел на стенах своего кабинета кусок свободного пространства?

– Как ты думаешь, вот это впишется в общий стиль?

– Если там есть хотя бы три горящих корабля, то непременно.

– К черту. Это битва при Кларионе. В ней не участвовало ни одного Моргана.

– Досадное упущение. Как мы могли такое допустить?

– Твой предок в это время штурмовал марсианские верфи. Но я думаю, ты навел своего старого отца не для того, чтобы обсуждать живопись.

– Я не назвал бы это живописью, отец. Это больше похоже на мертвопись.

– Так что ты хотел?

– Я завтра улетаю в отпуск. На Эдем.

– Что у тебя на Эдеме?

– Клозе.

– Кто тебе этот Клозе? Друг?

– Типа того.

– Ты собираешься пролететь половину галактики ради встречи с этим человеком и не можешь назвать его своим другом?

– Да.

– Почему?

– Не знаю. Это все сложно.

– Наверное, тогда это не ради него. Ты случайно не завел себе девушку на Эдеме?

– Я не собираюсь обсуждать с тобой свою личную жизнь.

– Значит, завел, – хмыкнул Питер Морган. – Не волнуйся, я не собираюсь тебя осуждать. Ты можешь делать все, что хочешь, до тех пор, пока не женишься.

– А невесту мне будете подбирать вы на пару с Красновым?

– Морганов – слишком влиятельная фамилия, чтобы раздаривать ее направо и налево.

– Дай мне попробовать угадать. Брак – это политика.

– Точно.

– А политика – это командная игра.

– Ты вырастешь, мальчик. Я женился на твоей матери, потому что на этом союзе настаивал твой дед. И посмотри на итог. Трое детей, и мы счастливы в браке.

– Вам просто повезло. Но я надеюсь, что в ближайшее время мне брак не грозит.

– Глупо было бы заключать союз до окончания войны с таргами.

– Это единственное, за что я благодарен чертовому вторжению. Отец, что вообще тут происходит?

– Ты о чем?

– Последние дни я только и делаю, что вникаю во всякие тонкости, абсолютно ненужные боевому пилоту накануне войны. У

меня складывается такое впечатление, что вы с Красновым приготовили мне какую-то работу здесь, на Земле.

– А ты не дурак, раз такое заметил.

– Сомнительный комплимент, отец. Итак, что это за работа?

– Ты ныне стал живым талисманом имперских ВКС, – сказал Питер Морган. – Было бы довольно глупо использовать тебя в качестве обычного пилота, который может погибнуть в любом боевом вылете. У нас в Империи полно пилотов, а живых талисманов – считанные единицы. К тому же я хочу тебе напомнить, что долг любого военного – служить там, куда его назначат.

– Это очень длинное предисловие, отец, – сказал Юлий. – Что за работа?

– В УИБ.

– Черт побери, отец! – взвыл Юлий. – Это уже ни в какие ворота не лезет! Я – пилот, черт бы вас обоих побрал!

– Мне казалось, что ты никогда особенно не любил военную службу.

– Ситуация изменилась. Я по-прежнему не в восторге от военной службы, но теперь в ней появился смысл.

– Вторжение?

– А разве не так? Человечество столкнулось с самой большой угрозой своему существованию с тех пор, как перестало жить на одной планете.

– Служба в УИБ почетна. УИБ работает на благо Империи. От УИБ зачастую зависит даже больше, чем от флота.

– Я не хочу в УИБ.

– Ты и в ВКС не особенно рвался. Привыкнешь.

– И это все, что ты можешь мне сказать?

– Ты – Морган. Морганы сделали свой выбор в тот самый миг, когда поддержали Романова. С тех пор Морганы не выбирают, где им служить на благо Империи.

– Что ж, очевидно, и у демократии были свои преимущества.

– А вот таких слов я от тебя слышать не хочу.

– Мама, я улетаю в отпуск.

– Надолго?

– К сожалению, нет.

– Но ты же вернешься ко дню рождения Виктора?

– К сожалению, нет.

– И ты пропустишь день рождения императора?

– Похоже на то.

– Что у тебя за дела, которые могут быть важнее этого праздника?

– Это не дела. Это отпуск.

– И ты не можешь его отложить?

– Генерал Краснов не позволит.

– Жаль.

– Мне тоже жаль, мама.

– Полетишь на лайнере?

– Нет, на курьере.

– Они такие маленькие... Я не люблю, когда ты летаешь на маленьких кораблях.

– Я пилот, мама.

– Я не любила, когда твой отец летал на маленьких кораблях. Я вообще не люблю маленькие корабли. Это слишком опасно. Одного попадания достаточно, чтобы...

– Война еще не началась, мам. Это обычный гражданский рейс. В меня не будут стрелять.

– Я все равно всегда нервничаю. И еще я сильно переживаю за Гая.

– Не знаю, что тебе сказать по поводу Гая.

– Не говори ничего. Надеюсь, император простит его. Это ведь была просто глупая ошибка...

– Наверное, мама. Очень может быть.

– Император может простить его. Ради твоего отца. И ради тебя. Он может объявить амнистию по случаю своего дня рождения.

– Вряд ли он может объявить амнистию до окончания мятежа.

– Но он все равно простит Гая. Я в это верю.

– Я тоже. – Юлий поспешил уйти. Он никогда не любил врать матери.

Императорская амнистия Гая не пойдет на благо Питеру Моргану. В интересах Питера Моргана Гая надо казнить. Желательно – публично.

– Я улетаю, Пенни.

– Здорово. Значит, ты пропустишь эту скукотищу в Лувре?

– Да.

– Как я тебе завидую! А мне придется терпеть сотню старых перечниц, которые будут знакомить меня со своими сыновьями и внуками.

– Морганов всегда были выгодной партией.

– А выгоду обычно подсчитывает отец, правильно?

– Он всегда ее подсчитывает.

– Гай здорово ему напортил, да?

– Это точно.

– Как ты думаешь, что с ним будет?

– Честно?

– Ага.

– Его убьют. Он слишком близок к адмиралу Клейтону.

– Жалко.

– Жалко. Но он сам сделал свой выбор.

– Ты с ним разговаривал?

– Да.

– А отцу сказал, что видел его мельком.

- Он просил не говорить отцу.
- И что он тебе сказал?
- Большею частью оправдывался. Говорил, что выхода не было.
- Выход всегда есть.
- Я так ему и сказал.
- А он?
- Он сказал, что я еще маленький и ни хрена в этой жизни не понимаю.
- Сам он дурак.
- Это точно.
- Когда его... их...
- Думаю, скоро. До вторжения таргов.
- Тарги, тарги... Ты опять полетишь им навстречу?
- Похоже, что на этот раз флот обойдется без моей помощи. Меня собираются оставить на Земле.
- Здорово! Значит, мы с тобой будем чаще видеться.
- Я уже две недели на Земле, а разговаривали мы с тобой от силы полчаса.
- Тебя же не могут постоянно загружать работой двадцать четыре часа в сутки.
- Это ты отцу расскажи. И еще генералу Краснову.
- А вот возьму и скажу. Веришь мне?
- Верю. Тебе – верю.
- Больше никому не верь.
- Так я и делаю.
- Как ты думаешь, мы победим?
- Клейтона – да. Таргов – наверное.
- Я теперь – сестра героя.
- А я – брат сестры героя.

– Нет. Ты – просто идиот.

– Это еще почему?

– Все герои такие. Умные люди находят способы уклоняться от подвигов.

– Иногда подвиги подкрадываются к тебе из темноты и бьют в спину. Тебе стоит познакомиться с моим вторым пилотом. Он многое может рассказать тебе о подвигах поневоле.

– С бароном Клозе? Он симпатичный.

– Откуда ты знаешь?

– В новостях видела. Ты хочешь, чтобы я вышла за него замуж?

– Боже тебя упаси. Никогда не хотел бы породниться с этим отвратительным типом. И папа будет против.

– Ты меня заинтриговал. Когда барон Клозе будет на Земле? Ты привезешь его с собой с Эдема?

– Вряд ли.

– Возвращайся поскорее, братик. Я по тебе скучаю. Тебя три года не было дома, и теперь ты снова улетаешь.

– Работа такая.

– Все мужчины Морганов – пилоты.

– А все незамужние женщины – невесты.

– Злой ты. Нехороший. У тебя на Эдеме девчонка?

– С чего ты взяла?

– Больно ты туда рвешься. Когда мы познакомимся с будущей графиней Морган?

– Во-первых, я был знаком с ней три часа, когда она меня отшила. А во-вторых, я не знаю, дворянка ли она. А отец никогда не...

– Не позволит тебе разбавить кровь Морганов кровью простолюдинов. Так она тебя отшила? Какая умная женщина!

– Я думал, ты меня поддержишь.

– Вот уж фиг. У нас – женская корпоративная солидарность. Все

мужчины – сволочи, носить нечего и всякое такое.

– Раньше ты никогда не была замечена в женской корпоративной солидарности.

– Раньше тебя никогда не отшивали.

– А баронесса де Грасси?

– Ты сам ее спровоцировал. Зря ты притащил стриптизерш из бара в ее бассейн.

– Ничего не было. Мы просто танцевали.

– Порядочные люди после таких танцев женятся.

– Ты что, подсматривала?

– Мы все были приглашены погостить в ее поместье.

– Дети в такое время должны спать.

– Мне уже двенадцать было, кобель ты этакий.

– Благовоспитанные леди не должны употреблять подобных выражений.

– Хочу и буду. Кобель.

– Маме пожалуюсь.

– Сколько угодно. Кобель. Кобель. Кобель.

– А тебя скоро замуж выдадут.

– Кобель и врун.

– Пойду собирать вещи.

Каюта курьерского корабля по размерам не превышала салон атмосферного флаера. Кровать, мини-кухня, туалет и терминал бортового компьютера – вот и все ее убранство. В пилотскую кабину Юлию приходилось пробираться через узкий лаз чуть ли не ползком. Курьерские корабли были самыми быстрыми и самыми маленькими в Империи. Они не несли на себе никакого вооружения, зато могли достичь любой точки Империи меньше чем за четыре дня.

До Эдема Юлий должен был долететь за двое суток и прибыть туда как раз в день рождения императора.

Юлий не любил официальные торжества. На этих сблищах его и Пенелопу постоянно пытались познакомиться с потенциальными невестами и, соответственно, женихами; старшие лорды, с которыми он никогда не стал бы разговаривать в обычной обстановке, учили его жизни, и ему обычно стоило большого труда, чтобы не расхохотаться, не дать кому-нибудь в морду и не нажраться до абсолютно неприличного состояния.

Юлий хотел на Эдем. Хотел поупражняться в остроумии с Клозе, дать в морду Асаду ад-Дину, если тот до сих пор числится при консульстве, и попытаться объяснить с Изабеллой. Ему никогда не нравилось на Земле. Столица Человеческой Империи была слишком сложной для человеческой жизни планетой.

ГЛАВА 9

Клозе в парадной майорской форме сидел на высоком неудобном табурете и делал вид, что дает интервью известному имперскому репортеру Гарриссону («Зовите меня просто Гарри!») Стэнли Младшему.

На самом деле он не отвечал на вопросы, а читал подаваемый телесуфлером текст. Как и предсказывала Изабелла, на интервью настояли шишки из штаба округа, на которых надавили шишки из ВКС, на которых надавили шишки с самой Земли.

– Что вы чувствовали, когда получили это задание? – спросил Гарри.

– Гордость за то, что мне доверили столь ответственное дело. Понимаете, Гарри, долгие годы своей службы я шел к этому заданию, и оно стало апофеозом всей моей воинской карьеры... Это чушь, Гарри. Люди так не говорят. Я буду выглядеть полным идиотом, а вам никто не поверит.

– Доверьтесь профессионалам, Генрих. Я знаю, как преподносить людям информацию.

– Гарри, если вы еще раз назовете меня Генрихом, я откушу вам ухо.

– Отлично. – Гарри блеснул профессиональной улыбкой. – В случае чего, мы это вырежем. Следующий вопрос. По вашему мнению, каковы шансы Империи победить в этой войне?

– Мы непременно победим, – прочитал Клозе. – У меня нет в этом никаких сомнений. Военная мощь Империи не дает нам повода усомниться... Черт побери, Гарри, это полный кретинизм. Давайте я просто скажу, что мы надерем им задницу.

– Не стоит, Ге... господин майор. Вы являетесь публичной фигурой и должны подавать хороший пример подрастающему поколению. Люди, которые посмотрят это интервью, будут равняться на вас, поэтому вы должны выглядеть и вести себя безупречно.

– А когда мы закончим?

– У нас еще двенадцать вопросов. И вы сами тратите ваше время

на препирательства, Генрих.

Клозе подумал, что в этой ситуации Юлий бы точно откусил Стэнли Младшему ухо. Чего бы это ему ни стоило.

– Ты неплохо держался, – сказала Изабелла после окончания интервью. – Правда, были моменты, когда я думала, что ты полезешь в драку.

– Он меня чуть не вынудил, – сказал Клозе. – На редкость неприятный тип. Кстати, о драках. Я разговаривал с Юлием. Он завтра прилетает.

– Завтра? Я думала, он не пропустит день рождения императора.

Клозе получил на завтра приглашение в поместье губернатора Эдема. И еще одно – в особняк мэра города. И еще целую пачку в самые разные места.

Сам он планировал остаться в отеле. Изображать из себя дрессированную собачку ему уже надоело.

– Ты нервничаешь по этому поводу? – спросила Изабелла.

– Из-за Юлия? Нет, не очень.

– Думаешь, он поймет?

– А разве у него есть выбор? Он умеет проигрывать.

– Он? Мне так не показалось. По-моему, он даже не знает, что это такое – проигрывать.

– Значит, ему настала пора научиться, – сказал Клозе.

– Ты так в себе уверен?

– А у меня есть поводы для беспокойства?

– Кто знает.

– Тогда предлагаю встретиться и поговорить втроем. В случае чего, будешь нас растаскивать и вызывать полисменов. Или труповозку.

– Возьмешь с собой свою шпагу?

– Непременно.

Но в этот прилет Юлия на Эдем подраться пилотам так и не удалось. Впрочем, и просто поговорить тоже.

Юлий сажал корабль сам, без автопилота и помощи диспетчера. Посадка вручную была самой быстрой, а Юлию не терпелось оказаться на поверхности планеты и вылезти из этой чертовой маленькой каютки.

На космодроме было неожиданно многолюдно. Неожиданно – потому что даже техперсонал обычно должен покидать посадочное поле во время захода кораблей. А под собой Юлий обнаружил десятки людей. Одного, находившегося совсем рядом с посадочным квадратом, он даже чуть не раздавил.

– Идиотизм какой-то, – сказал Юлий, открыл люк и полез наружу.

Идиотом, которого Юлий чуть не раздавил при посадке, оказался капитан Коллоджерро. Только теперь он красовался в летней парадной форме УИБ со знаками различия, соответствующими майорскому чину.

Мы все безумно быстро делаем карьеру, подумал Юлий, не сомневавшийся, что Винсент входил в число хирургов, нашедших «плоскостопие» у контр-адмирала Симони. Мы все безумно быстро делаем карьеру, но что-то еще будет, когда начнется война.

Возможно, целых две войны. И может быть, одну мы даже выиграем.

Наличие у майора Коллоджеро парадной формы Юлия не удивило – день рождения императора празднуется не только на Земле, но и во всех уголках Империи. Удивило Юлия отнюдь не праздничное выражение лица Винсента.

Это если не упоминать о том факте, что Винсента вообще не должно было здесь быть.

Впервые за время их знакомства Винсент отдал Юлию честь, козырнув по всем правилам, вытянувшись во фрунт. В левой, прижатой к телу руке Винсент держал какую-то папку.

– Приветствую вас на Эдеме, сэр.

– К чему такая встреча? – Одно было понятно – двухдневные выходные накрылись. Только срочное дело могло выгнать сотрудника УИБ на космодром.

– Сэр, прошу вас проследовать за мной. Вас ждет другой транспорт, который отвезет вас на Землю.

– Что за х...я, майор?! – взорвался Юлий. – Генерал Краснов лично предоставил мне эти два дня, и я не собираюсь никуда лететь без веских причин! Объяснитесь!

Только тут Юлий заметил, что квадрат космодрома, на котором он приземлился, оцеплен тяжелой военной техникой и двумя рядами пехоты. Стволы всех орудий смотрели наружу.

– Генерал Краснов мертв, сэр.

В небе над космопортом барражировали истребители. Заходя на посадку, он думал, что это какие-то учения. Теперь ему так не казалось.

– Как это произошло? – спросил Юлий. – Он убит?

– Да, сэр.

– Кто?

– Террорист-смертник, сэр. Но это еще не все. Мне очень жаль, но ваш отец тоже мертв. Примите мои соболезнования, сэр.

У Юлия потемнело в глазах, как будто его ударили кувалдой по голове. Дело было не только в смерти отца, которого он не очень-то любил, и не в смерти Краснова, которого он уважал. Но умерли не просто люди.

Умирала целая эпоха.

И делала это в самый неподходящий для Империи момент.

– Это был тот же террорист? – спросил Юлий.

– Да, сэр.

Винсент раньше никогда не называл его «сэром». В том, как он сейчас произносил это слово, присутствовала какая-то странность. Странность, которую Юлий пока никак не мог уловить.

У майора Коллоджерро был мертвый взгляд. Даже не мертвый, убитый.

– Майор... Винсент, мне кажется, что плохие новости не исчерпываются этими двумя, – сказал Юлий. Когда он доставал из кармана сигареты, его рука тряслась. Некурящий Винсент вытащил

из кармана зажигалку и помог Юлию прикурить.

– Нет, сэр. Не исчерпываются.

– Тогда почему вы молчите? Вам трудно говорить? Кто-то еще умер? Кто-то, вам близкий? Или мне? Или вы собираетесь выдавать мне по одной смерти в предложении?

– Я... Извините, с... сэр. – Вот опять эта странность.

– Кто еще умер, майор? – спросил Юлий.

– Император, – выдохнул Винсент.

Юлия снова ударило кувалдой. Не по голове. В грудь.

– Куда вы смотрели, майор?! Куда смотрело ваше долбаное УИБ?

– Я же был здесь, сэр. На Эдеме, не на Земле.

– Но как? Как это могло произойти?

– Все тот же террорист, сэр, – сказал Винсент. – Ему удалось пробраться на празднование дня рождения императора в Лувре. Предположительно, у террориста было с собой восемь граммов антинатрия.

У Юлия не было слов. Восемь граммов антивещества! Этого вполне достаточно, чтобы разнести весь Лувр. Очевидно, именно это и произошло.

Дымящаяся сигарета упала на покрытие космодрома.

– Сколько еще жертв?

– Очень много, сэр.

– И что вы хотите от меня?

Майор Коллоджерро открыл папку, которую держал в левой руке.

– Одной из прямых обязанностей Управления имперской безопасности является осуществление процесса наследования престола, – торжественным голосом объявил он. – У меня с собой список... Согласно которому вы являетесь следующим наследником императора Виктора Второго Романова. – Теперь Юлий понял, в чем заключалась странность произношения слова «сэр» в устах майора Коллоджерро. Тот не был уверен в средней букве этого слова. «Сэр»

или «сир». – Специальный курьерский корабль, борт номер один, должен в ближайшее время доставить вас на Землю для коронации, после которой вы должны будете выступить перед нацией, сир.

– Вы бредите, Винсент? Передо мной в этом гребаном списке еще семьдесят шесть фамилий!

– Дело в том, сир, что на приеме по случаю дня рождения императора присутствовало очень много высокопоставленных гостей.

– И что, вообще никого не осталось?

– Осталось четверо, сир. Маркизу Дювалю не исполнилось и года, герцогу Россу, напротив, сто пять лет, и он уже не помнит самого себя, а граф Строганов признан недееспособным. К тому же он никогда не служил в армии.

В одном из первых указов императора относительно наследования власти был прописан пункт, согласно которому Империей должен управлять только император. Никаких регентов, никаких правящих матерей, дядей или старших братьев. Император должен быть мужчиной старше двадцати лет, дееспособным, физически здоровым и готовым к продолжению рода. И он обязательно должен быть военным.

Петра Первого Романова весьма заботил вопрос о том, что будет с Империей после его смерти.

– А четвертый? – спросил Юлий.

– Четвертый – это ваш брат, сир. Но Гай Морган признан изменником и его кандидатура не может рассматриваться в качестве наследника.

Стена, всю жизнь оберегавшая Юлия от императорского трона, оказалась гораздо ниже и тоньше, чем он предполагал. Стоило только кому-то бросить в ее сторону восемь граммов антинатрия, и она рухнула.

– Борт номер один ждет вас, сир, – напомнил Винсент.

– Вы полетите со мной, майор.

– Как прикажете, сир.

– Мне нужна полная информация о теракте и о состоянии дел в Империи в целом. – Юлий огляделся. – Куда идти?

– Следуйте за мной, сир.

Когда они переходили из одного оцепленного квадрата в другой, где посередине стоял борт номер один, корабль, который мечтает пилотировать любой выпускник летной академии ВКС и в кресло первого пилота которого Юлию уже никогда не сесть, стоявшие в оцеплении солдаты отдавали честь с криком «Виват, Империя!».

– Император умер, да здравствую я, – пробормотал Юлий. Желание застрелиться, посетившее его на Сахаре, снова вернулось к нему. Более того – оно усиливалось с каждой секундой.

Июль-август 2006

notes

Примечания

1

Military police – военная полиция. – Здесь и далее примеч. авт.

2

Старинное название дротика.

Имеется в виду общий имперский язык – смесь русского, английского, французского и испанского, при помощи которой граждане, проживающие на разных планетах Империи, общались между собой.

Ифрит, гул и силат – разновидности джиннов.

Игуанодонты – вид динозавров.

Иглобрюхие – отряд рыб.

Имдугуд – божество в шумерской мифологии.

Цитата принадлежит Лоис Макмастер Буджолд, американской писательнице, автору «Саги о Форкосигане». Данный отрывок взят из книги «Осколки чести».

Скорость света – скорость распространения электромагнитных волн.